

Наталья Минская

Дом под снос

Глава 1

Эл

“Вот, балда! — подумала Эл. — Халат забыла! И как теперь добраться из ванной до своей комнаты, чтобы предки не засекли?”

Эл провела два раза расческой по фиолетовым волосам. Они цеплялись за зубчики и больно тянули кожу. Девушка откинула расческу и руками взбила волосы — так гораздо лучше. Сквозь паровую завесу на поверхности зеркала Эл показалась себе очень даже симпатичной. Смазывать пелену не стала — тут же вылезет курносый нос, щеки и прыщи. А ведь сегодня решается ее судьба. Так что пригодится вся уверенность, которую можно наскрести по уголкам подросткового тела. И чтобы этот важный день с порога не испортили родки, надо как можно быстрее и тише добежать до своей комнаты.

Эл прислушалась. Вроде бы в коридоре тихо. Жужжит фен в спальне родителей. Из кухни доносится шипение масла на сковородке. Квакает попса из комнаты сестры. Эл обернулась полотенцем, рывком распахнула дверь, выскочила из ванной и на цыпочках засеменила по коридору. Когда до ее комнаты оставалось два шага, нога заскользила по ламинату. Эл не удержала равновесие и шлепнулась на пол. По закону подлости, в коридор из своей комнаты выплыла Лиза, сестра Эл и самая вредная семиклассница в мире. Это звание она тут же подтвердила, закричав:

— Мааам, а у Любы татуировка!

— Эл, — сердито поправила ее Эл. И потеряла драгоценные секунды, чтобы успеть быстро вскочить и скрыться в своей комнате. Когда она поднялась на ноги, в коридор вышла мама. Ее начесанные у корней русые волосы торчали во все стороны и только правая половина губ была обведена карандашом. Но все остальные детали облика — прямоугольные очки на строгих, идеально накрашенных глазах, белая блузка и юбка-карандаш — говорили о принадлежности к миру безупречного бизнесументсва.

— Что сегодня? — устало и зло спросила она. — Ни дня без проблем у нашей Любы.

— Эл, — буркнула в ответ Эл.

— Я не собираюсь признавать эту твою дурость, не трать энергию. Лучше подумай, как своими двадцатью тумбо-юмбовскими словечками объяснить татуировку. Тебе не пришло в голову, что это опасно, что под кожу могут занести заразу? Что ты умрешь через неделю из-за своей тупости?

Эл ничего не отвечала. Просто смотрела исподлобья, сдвинув брови. Обычно маме надоедало и она, наградив дочь тяжёлым вздохом и взглядом под названием «неблагодарная и пропащая», разворачивалась и уходила.

— Коля! — заорала мама, — Пойди посмотри, что твоя дочь на этот раз учудила.

Из кухни показался папа. Широкоплечий и высокий, в фартуке и с лопаткой для переворачивания блинов. — он прямо просился на обложку женского журнала с заголовком вроде “Идеальный мужчина, какой он?”. На впечатление мужа мечты портили круглая лысина с капельками пота, загнутые вниз уголки губ и заискивающий, “собачий” взгляд черных глаз.

— С днем рождения, — сказала Эл отцу.

— Ну, хоть кто-то вспомнил, пусть даже с татуировкой, — криво улыбаясь и постукивая себя лопаткой для блинов по ноге, сказал папа.

— Я вообще-то собиралась тебя поздравить, но вечером. Ты ведь еще не родился, — объяснила мама, возмущенно сверкнув на папу глазами. — Так что забудь хоть на минуту о себе и полюбуйся, во что превратилась твоя дочь.

Папа коротко взглянул на Эл, но тут же опустил голову и сосредоточился на лопатке в руке. Он терпеть не мог все эти семейные сцены и наставления. У него не получалось быть строгим. Через несколько секунд папа все же выдавил:

— Эл, не расстраивай маму. Ей и так непросто — на работе завал, надо копить деньги на твое поступление, а ты вот так...

— Кстати, да. Где деньги-то достала на татуировку? — спросила мама.

— Клубничный коктейль и картошка фри! — произнесла Эл с дурацкой улыбкой, пародируя продавцов в Макдональдсе.

— Видишь, Лид, когда она хочет, то умеет добиваться целей, — сказал папа, указывая на Эл лопаткой. Но под взглядом мамы выронил ее.

— Да уж..., — с нарочитым недовольством осматривая дочь, протянула мама. — И почему никогда у моей дочери не было цели научиться красиво танцевать, или рисовать, или подтянуть тело, или нормально учиться, или куда-нибудь поступить? Почему одни дурацкие законы? Почему Лиза успевает и

музыкой заниматься, и косички ровные заплетать, и оценки хорошие приносить? А тебе ни фиги не надо?

Эл молчала. Эти вопросы явно не подразумевали ответов. К тому же все ее внимание было поглощено главной задачей — ей уже удалось крошечными шагами подобраться к двери своей комнаты и положить ладонь на ручку.

— А зачем ты это сделала? — проворковала Лиза, откидывая назад косички. Ей, казалось, доставляет удовольствие, когда отчитывают сестру.

— Дело! — Резанула Эл, открыла дверь и скрылась в своей комнате. Родителями явно надоело ее допрашивать, поэтому скандала устраивать не будут. Так и вышло. Мать только крикнула:

— Чтобы к девятнадцати ноль-ноль была в ресторане! Будем отмечать день рождения папы. Надеюсь, ты приготовишь ему что-то поприятнее бестолковых татуировок! Деньги-то, оказывается, у тебя есть! — И уже ласковым, но достаточно громким голосом, чтобы Эл было слышно:

— Лиза, надеюсь, ты не будешь такой же бестолковой, как твоя сестра?

— Нет, мама, у меня вчера три пятерки — по алгебре, литературе и английскому.

— Вот, умничка. Хочешь сегодня со мной после школы по магазинам?

— Уиии! — Захлопала в ладоши Лиза и, судя по топоту, подбежала к маме и обняла. — Я как раз давно хотела кофточку к той юбочке, помнишь, которую ты мне подарила, когда из Праги вернулась?

Эл отошла от двери, чтобы не слышать этого тошнотворного разговора. Главное, первый скандал позади. Дальше не так страшно. Язвить мама будет еще сто пятьсот раз, ну и ладно.

Эл присела возле рюкзака и вынула из него тюбик с «Бепантеном». Девушка подошла к шкафу с зеркалом, выдавила немного мази на татуировку и начала аккуратно размазывать. И чего мама так взъелась? Она же не какое-то матерное слово набила или неприличную картинку. На плече у нее со вчерашнего дня поселился милый пингвин.

Комнату наполнило мягкое жужжание. Эл выронила тюбик — капли мази разлетелись по полу. Девушка подбежала к столу, где заряжался телефон.

Это оказалась тупое уведомление приложения по подсчету калорий, которое ей установила мама: «Ваш завтрак должен содержать четыреста калорий и сложные углеводы, чтобы поддерживать в вас энергию в течение дня».

Эл снесла приложение. Завтракать она сегодня точно не сможет. И тут телефон завибрировал снова. Да! Это было сообщение от него!

Друг-пингвин: «Покажи мне свою комнату».

Эл накинула покрывало на кровать, отошла и сфоткала. Уютно и необычно — кровать, рядом старый торшер с рыжим абажуром, раскрытая книжка Оруэлла на тумбочке и стена, облепленная множеством желтых квадратных стикеров. Эл посмотрела на фото и стерла его. Подбежала к столу, взяла еще один стикер и приклеила на стену. Теперь порядок. Триста шестьдесят четыре стикера. Эл сфоткала и отправила.

Друг-пингвин: «Красиво. А бумажки на стене зачем?»

Эл: «Столько дней я использую для общения с миром двадцать пять слов».

Друг-пингвин: «Но не со мной».

Эл: «Но не с тобой».

Волшебство разрушил стук в дверь и голос сестры:

— Завтрак на столе!

— Нет! — Ответила Эл.

— Что значит нет? — На этот раз кричала мама. — Нормальный завтрак мы не едим, а потом набиваем живот фигней из Макдональдса? Я же не слепая — вижу, что на тебе джинсы еле застегиваются.

Эл опустилась на кровать и напечатала: «Давай потом поговорим? Меня достают».

Друг-пингвин: «Только побыстрее возвращайся. Ты отлично справилась с заданием. Я всю ночь любовался твоей татуировкой».

Эл: «Спасибо. До скорого».

Эл натянула джинсы. Да нормально они застегиваются! Жмут только немного. Потом она взяла с полки в шкафу красную футболку с надписью «Babe», понохала, и бросила на пол. Туда же полетели еще три майки. Сегодня ведь надо одеться как-то по-особенному. Взгляд скользнул к платьям, висящим слева. Мама привозила их из своих командировок и шоппинг-туров. Эл так ни разу ни одно из них не надела. Может, если они с другом-пингином сегодня, наконец, встретятся, то стоит выглядеть, как говорит мама, «чуть больше похожей на девушку»? И что тогда парень о ней подумает? Что она какая-нибудь фифа инстаграмная? Нет, пусть видит такую, какая есть. И платья остались понуро дожидаться, когда до них дорастет Лиза. Наконец, Эл нарыла в

шкафу черную майку-алкоголичку и надела. Что может быть стильнее? И к татуировке ничего лучше не придумаешь.

Эл натянула поверх майки серую толстовку, посмотрела в зеркало и задумалась: может, все-таки расчесаться?

“Сегодня важный день — никаких расчесок и завтраков” — Эл подмигнула своему отражению и еще раз хорошенько взлохматила насыщенно фиолетовые волосы. Жаль, к их встрече они высохнут и побледнеют.

Девушка накинула на плечо рюкзак, нежно нажала на ручку и открыла дверь, прокралась по коридору, обула на бегу кеды и вылетела из квартиры.

— Люба, а ну вернись, уши оторву! — Закричала вслед мама.

Но это не страшно. У мамы кроссовки в сумке для фитнеса в машине, а другая обувь слишком элегантная, чтобы угнаться за дочкой-подростком.

Оказавшись на улице, Эл не сдержала улыбку: деревья за ночь заметно порыжели, воздух ласково согревал. Огоньки листьев тут и там скользили по воздуху и мягко укладывались в шепчущий ковер под ногами. Бабье лето — самое сказочное время. Лучшее, чтобы наконец обрести настоящего друга.

Эл хотелось растянуть это волнительное ощущение, что вот-вот случится что-то большое и чудесное, и она нырнула в арку. Пусть пахнет не очень, зато ее лица в полумраке никто не узнает. Девушка достала сигарету и проверила телефон. Новое сообщение. У Эл закружилась голова. То ли от первой затяжки натошак, то ли от счастья.

Друг-пингвин: « А чтобы тебе не было грустно добираться до школы, я расскажу тебе сказку...»

Есть в провинции Шаньдун уезд Линьцзы. Так вот, в южной его стороне, в селении Синьдяньчжэнь, на восточном краю и случилась наша история.

В жалкой лачуге жила одна девочка по имени Лу. Родители у неё были обычные крестьяне. С рассветом они уходили в поле, а после заката возвращались. Лу целыми днями сидела одна и грустила. Соседские дети казались ей грубыми и глупыми — она не хотела с ними играть.

И вот, однажды на ярмарке девочка увидела у одного купца на прилавке мелок.

— Купи этот волшебный мелок, — прошептал Лу купец, — и ты будешь жить словно в сказке.

Девочка побежала к маме и рассказала о мелке.

— Осторожнее, Лу, — сказала мама, — В сказке можно встретить не только фей да принцев, но и ведьм с драконами.

Но у Лу так светились глаза, так пританцовывали ножки, что мама не смогла отказать дочке и купила мелок.

С того дня Лу забыла о скуке. Ведь она разрисовала волшебным мелком свою жалкую лачугу. И теперь, когда за родителями закрывалась дверь, убогий быт преображался. Лу больше не была бедной девочкой, потому что Лу жила во дворце...

Глава 2

Бурум-бурум

Эл: «Странная сказка. Зачем ты мне ее рассказал?»

Она сидела в классе и буравила взглядом телефон. Уже начало шестого урока, а друг-пингвин так ей и не ответил. Солнечный день стал грязно-бежевым, пройдя через пыльные школьные окна. Зеленые стены класса, как губка, впитали счастливое предвкушение, с которым Эл шла утром по улице. Запах мела и половой тряпки обволакивали мысли. Сейчас ей хотелось только уснуть, чтобы проспять до последнего звонка. Ну, когда же он напишет и выведет ее из оцепенения?

Экран телефона вспыхнул уведомлением лишь тогда, когда в класс начали заходить одноклассники. Эл улыбнулась и обняла ладонями телефон.

Друг-пингвин: «Про сказку, обещаю, сегодня узнаешь. Где ты сейчас?»

Эл: «На уроке физики, где еще. Сажу за третьей партой в среднем ряду в окружении самого тупого класса в мире».

Друг-пингвин: «Почему тупого?»

Эл: «Потому что совсем скоро дверь в класс распахнется и войдет он — великий и неподражаемый Леон Ди. И все бросятся к нему, чтобы обсудить его новый ролик. И девушки будут лхнуть, задыхаясь от восторга. И парни будут не лучше девочек. Буэ».

Друг-пингвин: «Что родки сказали про татуировку?»

Эл: «Мать орала. Спросила, где деньги взяла».

Друг-пингвин: «А ты что?»

Эл: «Сказала, в Макдаке заработала».

Друг-пингвин: «Хорошо придумала! Готова к следующему заданию?»

Эл: «Подожди, прямо сейчас?»

Друг-пингвин: «Последнее задание для самой красивой и смелой девушки по имени Эл — закурить на уроке физики».

— Эй, Люба, здорова! А ты что скажешь о моем новом ролике? Дичь, хурма, бурум-бурум? — Леон Ди сел на корточки перед ее партой и как-то по-щенячьи посмотрел снизу вверх. Сразу и не разберешь, флиртует или прикалывается. А за ним, словно свита короля, весь класс обступил ее парту. Она не шут какой-нибудь. Не дождутся представления.

— Эл, — ответила Эл и отвернулась. Ей нужно срочно обдумать последнее задание, а не отвечать на приставания недалекого ютубера.

— Ой, прости, Эл. — Леон обошел парту, наклонился, облокотился руками о столешницу и приблизил лицо к ней. Его большие карие глаза оказались напротив ее, серых:

— Слушай, не кипятись. Я хочу челлендж новый замутить. Не говорить неделю. Можно с тобой перетереть? Это, вообще, сложно, а, когда даже в Макдаке заказ не можешь нормально сделать?

— Гоу, — Эл пожала плечами. Когда же ее оставят в покое! Сердце билось, как одуревшее. Как она сможет достать сигарету и закурить на уроке? Этот друг-пингвин вменяемый, вообще? Давать такие задания! Еще этот прилипала никак не отстанет!

— Гоу — это на твоём языке типа «валяй»? Но я не разрешения у тебя спрашиваю, а совета. Чуешь разницу?

Эл выставила вперед руки с поднятыми средними пальцами и уронила голову на грудь. Фиолетовые волосы закрыли лицо. Вот бы сейчас все просто взяли и отвалили. Нужно настроиться. Набраться наглости. А то после утренней перебранки с родителями из-за татуировки силы на нуле.

Леон промямлил «ну и дура» и ушел за свою парту. Толпа схлынула за ним.

Эл: «Друг, а можно завтра?»

Друг-пингвин: «Ты что, не хочешь меня поскорее увидеть?»

Эл: «Хочу, конечно»

И никаких слов поддержки. За это друг-пингвин ей и нравился. Лишнего не скажет, как этот Леон и ему подобные.

Эл наклонилась и залезла рукой в рюкзак — нащупала пачку сигарет.

— Привет, Эл! Можно к тебе? — Рядом уселся щуплый темноволосый кудрявый паренек по кличке Один. Молчаливый, умный, с понятным почерком. Идеальный сосед по парте, чтобы пережить одиннадцатый класс.

— Бурум-бурум, — выдавила Эл, выпрямляясь. Рука с пачкой скользнула на бедро.

Один принялся аккуратно раскладывать тетрадки-учебники. Тонкими пальцами он поправлял края книг таким образом, чтобы они оказывались параллельны всем краям парты. Конечно, лучше бы сегодня одной сидеть. Но «бурум-бурум» на языке Эл означало в зависимости от интонации и «да», и «нет». А сейчас сил даже на отказ не было.

Раздался звонок. Эл почувствовала, как майка начала прилипать к спине. Мерзкое тепло растеклось под толстовкой. Учитель вошел в класс, и все, кроме Эл, встали. Она зажала пачку между ног и резким движением стащила толстовку. Крестик запутался в завязках. С толстовкой на голове, еле дыша, Эл понадобилась отвратительная, долгая минута, чтобы распутать цепочку. Наконец-то! Она вздохнула и огляделась. Весь класс, в том числе и учитель, уставились на нее. Одноклассники толкали друг друга в бока, и монотонный шепот прыгал по классу: «та-ту-та-ту-та-ту».

— Любовь Любимова, напоминаю, что у нас принято приветствовать учителя стоя. — Устало произнес преподаватель. Эл всегда казалось, что учитель физики отдыхает, повесив себя на крюк, как марионетка. Надломленная от основания вниз шея, болтающиеся конечности, вымученный голос — все признаки неумелого кукловода. А кукловоды должны вдохновлять. Прибавлять сил и наглости. Как ее кукловод.

Эл взяла пачку в руку и встала из-за парты. Целую вечность пальцы с черными ногтями доставали сигарету и несли ее ко рту. Другую вечность рука выуживала зажигалку из кармана джинсов. Она не выдержит. Это нагло и слишком! Во рту пересохло так, что последнее, чего хотела Эл — это курить. Прости мама. Вжик. Черт! Как руки трясутся! Снова вжик. Пламя схватило край сигареты. Эл раньше не замечала, как оглушительно шипит бумага, сдаваясь тонкой алой змейке. Она затянулась с ощущением полной свободы, расправила плечи и с самой утвердительной интонацией сказала учителю:

— Бурум-бурум! — И колечки дыма, как в сказке, поплыли к потолку.

В оранжевом брючном костюме, тугая и скуластая, директриса мерила широкими шагами кабинет. Лакированные черные туфли словно отбивали по ламинату бодрый марш. Эл скукожилась на стуле, обняв рюкзак руками и положив на него подбородок.

— Ты ведь в курсе, что перешла все границы? — Спросила Алла Геннадьевна.

— Бурум-бурум, — ответила Эл.

— Я вот сейчас должна очень разозлиться, потому что ты на грани исключения, а продолжаешь свои игры!

Эл пожала плечами. В ее словаре не было слова «извините».

— Напомню тебе, Люба... или Эл, это я разрешила тебе говорить так, как хочется. Это я скандалила с учителями, чтобы с тебя требовали только письменные работы. Должна же быть в человеке хоть какая-то благодарность!

А на это у Эл было слово.

— Манипуляция...виу-виу!

— Да что ты себе позволяешь? — Алла Геннадьевна облокотилась на стол напротив нее. Точь в точь, как Леон Ди двадцать минут назад.

— Хэйтинг, — парировала Эл.

На столе затрещал телефон.

— Я вас слушаю, — сняла трубку директор. — Нет, пожарную не надо, это ученик закурил на уроке, все уже уладили. Спасибо, — сказала она жестко, без следа благодарности в голосе. — Я сама знаю, как мне разговаривать с моими учениками. До свидания.

Эл воспользовалась передышкой и проверила телефон. Сообщение. От друга-пингвина. Штук двадцать восторженных смайликов. Она справилась. Все будет хорошо. Эл подняла глаза и поняла, что Алла Геннадьевна закончила говорить и смотрит на нее. Увидела что-то? Эл прошиб пот. Это было главным условием их дружбы с другом-пингвином — никто не должен знать о друге-пингвине.

— Мне тоже было шестнадцать, — спокойно сказала Алла Геннадьевна.

Эл хотела включить сирену манипуляции, но решила дослушать.

— Однажды я вышла из школы, села на мотоцикл и поехала, куда глаза глядят. Нет, не одна. Я прижималась к спине парня. Уверенного, надежного. Как мне тогда казалось. Он увез меня в другой город на квартирник местной знаменитости. Песни, пиво, сигареты, — Татьяна Геннадьевна села на край стола и мечтательно уставилась в потолок. — И мой надежный парень, который

целуется с другой. И я, пьяная, не знаю даже в каком городе нахожусь. А это было время без сотовых с навигаторами. Я выбежала из квартиры, — директриса встала и снова зашагала по кабинету, отбивая ритм. — От меня воняло перегаром. Стоял ноябрь, а я была в коротком платье. Не идти же на свидание в потертом мамином пальто! А другого не было! И прохожие от меня шарахаются, когда я пытаюсь узнать у них город. Короче, не важно, — она опустилась на стул и заглянула Эл в глаза. — Я к тому, что за любым, нет, ладно, за большей частью поступков девочки в шестнадцать лет стоит мальчик. Обычно сам еще не сильно умный. Я знаю, что мои слова ты пропустишь мимо ушей. Но, пожалуйста, проверь его. Попроси что-то дать, прежде чем отдавать самой. Устрой ему испытание. Хорошо?

Эл опешила настолько, что чуть не сказала «да». Но вовремя спохватилась:

— Бурум-бурум.

Алла Геннадьевна вздохнула:

— Ты замечательная, я же вижу. Но мне придется позвонить твоим родителям.

— Бурум-бурууум, — жалобно протянула Эл. Ну, вдруг получится уломать?

— Манипуляция...виу-виу! — передразнила ее директриса и покрутила пальцем у головы, изображая мигалку. — Скажи спасибо, что у меня муж префект, и я могу все уладить наверху. А ты иди учись!

Глава 3

Клубничный коктейль и картошка фри

— Ну, я не знаю, — протянул Леон, сползая по стене школьного коридора. Он вскинул голову вверх, отбросив упавшую на глаза косую челку. Вид снизу открылся восхитительный. Ножки девочек, как чудесный лес, обступали его. — Вообще, я хотел сделать новый ролик про недельное молчание. Но в одиннадцатом классе, блин, стремно. Вдруг кто вlepит двойку? А сейчас почему-то захотелось чего-то реально эпичного и зрелищного.

«Понятно, почему», — подумал про себя Леон. — «Эл меня обошла».

— Может, с моста прыгнуть? — Предложила Лиза, обладательница самых стройных ног и самой короткой юбки.

— Ага, Живописного, — поддержала ее подруга, пышная Наташка. Она пыталась во всем поддакивать Лизе. Юбка девушки то и дело ползла вверх, и девушка, смешно переминаясь, ее одергивала.

— Лучше уж этого, в Зарядье, — вставила Катя. Она подпиливала ногти, делая вид, что оказалась в свите ютубера случайно.

— Да поссы ты на Красной Площади уже, и успокойся, — сказала Надя. На переменах она изо всех сил старалась быть плохой девочкой, а на уроках ее рука сама собой тянулась вверх, чтобы получить очередную пятерку.

Вот таких Леон Ди не любил больше всего:

— Блин, что ты несешь? У меня нормальная аудитория! Такой хайп я ей не скормлю!

Наля не выдержала осуждающих взглядов и покинула круг. На ее место влез Один:

— А может, зайти в тот дом?

— Какой дом? — Спросил Леон.

— Который под снос, — Один схватился за лямки рюкзака, не зная, куда деть руки, когда тебя с двух сторон теснят девушки.

— Из которого не выходят? — Драматичным шепотом уточнила Наташа. — Меня отец предупреждал.

— Ага, верь ментам больше, — Катя выставила вперед руки с растопыренными пальцами, чтобы оценить форму ногтей.

— Выходят, конечно, но сразу в Кащенко, — вступилась за подругу Лиза.

— Наташ, а что тебе конкретно батя рассказывал? — Леон даже коленки в сторону девушки развернул, от чего та густо покраснела, но собралась и затараторила:

— Говорил, что их вызвали, потому что туда у кого-то сын зашел. Ну, типа приехали, вломились. А там ничего. Стены, тараканы, старая мебель какая-то. А в сети постоянно ролики появляются — кто-то заснял движение в окнах, силуэты. Сына нашли в одной из комнат — забился в угол, глаза на лбу, но ничего толкового от него не добились. — Девочка с шумом вдохнула воздух, — А еще оттуда типа девочка сбросилась, с четвертого этажа. Прохожий позвонил — видел, как летела. А полиция приехала — никого и ничего.

— А выходил кто оттуда, вообще? Жильцы какие-нибудь? Бабульки с авоськами, дети с рюкзаками? — Оживился Леон.

— Я не знаю, — поникла Наташа. Больше ей внимание парня привлечь было нечем.

— А где этот, который предложил? — Ютубер вскочил на ноги и увидел удаляющуюся по коридору фигуру Одина: джинсы-трубочки на длинных ногах,

заправленная клетчатая рубашка, шапка кудрявых черных волос. Прямо персонаж с отцовских кассет в гараже.

— Эй, стой, да, ты. У меня к тебе еще один вопрос, — крикнул Леон.

Девочки попятились, пропуская кумира. Один, не оборачиваясь, дождался его. Когда Леон порівнялся с одноклассником, тот продолжил путь по школьному коридору.

— Как ты, говоришь, тебя называть надо? — Спросил ютубер. — Помню, что-то из алгебры.

— Один. Ударение на первый слог. — Парень говорил медленно, обстоятельно, словно учительница младших классов. — Верховный скандинавский бог.

— Мммм, — медленно кивнул Леон. — Один, ты как-будто в своем каком-то мире маринуешься. Все норм? Проблемы, может?

— Нет, просто я правда не такой как все. Ты что-то спросить хотел?

— Да, слушай, скажи, тока честно. Тебя Эл просила себя снимать, ну, когда она закуривала?

Один покачал головой. Он тоже, видимо, как Эл, ценил каждый звук, который произносит.

— А зачем, как думаешь, она это сделала? Я не понимаю. Перед физиком выпендриться? Или перед классом? Зачем так мельчить, если можно всему миру показать, какая ты крутая?

— Тебя правда волнует мое мнение? — Один изогнул брови, как персонаж мультфильма.

— Вообще, да. То, что я знаменитость, еще не значит, что мне не интересны простые люди. — Леон дернул головой, чтобы откинуть упавшую на лицо челку.

Один закатил глаза, еле сдержав улыбку, но ответил:

— Если вкратце, есть люди, которым важно мнение других, чтобы себя любить и нормально существовать. А есть те, кому пофиг. Кому в первую очередь важно самому себя уважать.

— То есть как ты?

— И как Эл.

— А вы дружите?

— Я же объяснил, — Один принялся тереть виски чересчур длинными указательными пальцами. — Каждому из нас никто не нужен.

— То есть не дружите?

— Нет.

Они минуту шли молча по коридору. Леон то и дело останавливался, чтобы с кем-нибудь поздороваться — рукопожатием с парнями и поцелуями в щеку с девушками. Один ждал рядом. Не отходил. Ждал того вопроса, ради которого на самом деле подошел Леон. Наконец, тот решился:

— А с чего ты вдруг про дом под снос вспомнил? Зачем предложил?

— Так ты хочешь туда?

— А что мне там снимать? Тараканов?

— А если я скажу, что знаю секрет, как туда зайти и увидеть его жителей?

— Риали? Там есть жители?

— Да.

— И какой секрет?

— Они прячутся. Между стенами. Дом перестроен, придумана куча механизмов, чтобы скрываться от обывателей. И показывается настоящий дом только избранным.

— То есть тебе?

— И тому, кого я приведу.

— А с какого перепугу ты им сдался?

— Я родственник одного из жителей.

— А зачем они все это накрутили: с домом, стенами, прятками-загадками?

— Я же объяснял, что бывает, когда смысл не только в количестве зрителей, а в качестве представления.

— Аааа...

— Так ты пойдешь со мной?

Леон вздохнул:

— Да, пойду. В субботу?

— Нет, сейчас, — неожиданно отрезал Один.

— Сейчас? У нас же контрольная по английскому.

— Завтра рано утром дом снесут. Либо сейчас, либо никогда.

— То есть, им все-таки понадобился тот, кто о них расскажет? Типа обидно стать пылью без одного ролика на ютубе? — Хитро улыбнулся Леон.

— Ты их раскусил. Идешь?

— Быстрее, в тубзик. Там англичанка, ща заметит нас.

Эл вышла из кабинета директора в гудящую переменной школу. Она дошла до ближайшего подоконника в коридоре с раздевалками, согнала третьеклашек, и уселась с ногами. Руки чесались — так хотелось достать телефон.

Эл: «А если я скажу — хватит заданий. Я хочу тебя увидеть».

Друг-пингвин: «Я отвечу, что осталось последнее задание: прийти на встречу со мной».

Эл почувствовала, как кровь пульсирует в ушах. Она закинула голову и улыбнулась. Подоконник стал облачком, на котором девушка качалась в счастливой невесомости.

Эл: «Куда?»

Друг-пингвин: «В дом под снос».

Облачко мгновенно окаменело и теперь больно давило на копчик. Ладони вспотели. Ноги затекли. Эл сползла на пол, прислонившись спиной к батарее.

Эл: «Друг, а давай где-нибудь еще? Я в этот дом год назад с друзьями зарулила. И такое увидела, что до сих пор за километр обхожу».

Друг-пингвин: «Я жду тебя в доме под снос».

Эл: «Знаешь, что! Докажи, что я для тебя хоть что-то значу! Назначь встречу где-нибудь еще!»

Друг-пингвин: «Это не обсуждается».

Эл: «Тогда иди на фиг! Я буду ждать тебя через двадцать минут в Макдаке на эстакаде. Если не придешь до двух дня, между нами все кончено!»

Пока брела до Макдака, Эл придумала миллион нормальных ответов другу-пингвину, без пафоса из бабушкиных сериалов. Но было уже поздно.

— Картошка фри и клубничный коктейль, — сказала Эл улыбчивому прыщавому пареньку.

— Соус к картошке брать будете?

Эл покачала головой. Даже если она ответит «бурум», то придется говорить, какой именно. А она и так отдала четыре драгоценных слова своего словаря, чтобы не умереть с голоду.

Эл заняла столик у края балкона второго этажа — чтобы ее было сложно увидеть сразу, как войдешь, а ей бы хватило времени на оценку. От каждого

движения дверей у девушки перехватывало дыхание. Эл требовалось несколько секунд, чтобы рассмотреть очередного кандидата в друзья-пингины. Тот оказывался или слишком низким, или долговязым, или худым, или толстым. И тогда она пригибалась, опускала голову, чтобы закрыться волосами, и мысленно молила «хоть бы не он».

И тут вошел высокий парень с нормальной фигурой в кожаной куртке. Эл, конечно, бесила такая прическа — с челкой набок, чтобы та спадала на лицо, и надо было постоянно вскидывать голову. Как у этого прилипалы-ютубера Леона Ди. Но такую малость она готова была потерпеть. Эл перегнулась через перила и замерла в ожидании поворота головы красавчика. Черт! Это же и есть Леон Ди! Вот, блин! Что он здесь делает?!

Эл, окорябав бок об стол, сползла на корточки. Мир, не надо, пожалуйста, вот так унижать! Если это Леон Ди писал ей письма, то она не сможет никогда никому доверять. Вся школа наверняка уже читает их переписку! Все эти девчонки из его свиты мерзко хихикают над ее откровенными признаниями и фотографиями!

«Не раскисать, нельзя раскисать», — приказала себе Эл и сильно потерла уши, чтобы прийти в себя и сосредоточиться. Мальчик с пирожком за соседним столиком смотрел на нее, открыв рот. Вишневое варенье капало на плюшевого котика у него на коленях.

Эл медленно, как шпион в кино, поднялась, чтобы глаза оказались над перилами. Леон стоял в очереди и смотрел на табло с меню. Не мотал головой, не строчил сообщения. Ее телефон в кармане джинсов тоже молчал. Может, пронесло? И тут она заметила совсем странное: рядом с Леоном Ди стоял... Один. Он-то что здесь делает? Они, что, друзья? Леон с ним ни разу в жизни даже не поздоровался. А она с Одним иногда обменивалась уничижительными шутками в адрес ютубера. Зачем эти двое вместе? Ради того, чтобы ее унижить? Может, Леон подкупил Одина? Чтобы побольше узнать о ней? Или на физике они обнаружили, что родные братья, и решили это отметить?

«Варианты один другого лучше! Браво, Эл! Давай-ка лучше попробуем незаметно убраться отсюда», — сказала себе Эл и гусиным шагом направилась к лестнице. Мальчик с пирожком пересел на другой стул. Ему не хотелось пропускать представления — когда еще увидишь девушку, которая на корточках спрыгивает по ступенькам.

Добравшись до первого этажа, Эл вскочила и пулей вылетела за дверь.

Она скрылась за углом Макдональдса и прислонилась спиной к стене, чтобы отдышаться. Девушка понимала, что история с другом-пингвином сводит ее с ума. Она уже несколько раз за день потела и тряслась от волнения. Да, это гораздо лучше, чем тупое безразличие, в котором она жила весь десятый класс. Но и так тоже нельзя! Надо остыть. Надо прогуляться, послушать музыку. Ведь день-то классный. Осенний — как она любит. С высоким небом и желтыми листьями. Не в школу же возвращаться. Эл потянулась рукой к карману, чтобы достать телефон и наушники. Блин! Телефона не было. Выпал, когда ползла. О, нет! Эл выглянула из-за угла. Сквозь прозрачный вход она увидела, что парни сидят за столиком и не смотрят на дверь. Чуть не сбив с ног мужчину с маленькой девочкой, Эл скользнула в Макдональдс.

— Слушай, сорян, — Леон Ди протер руки санитайзером, предложенным Одним, и начал разворачивать гамбургер. — Но я пас. Это не эксперимент над собой, не челлендж. Это не мой контент. Дом все равно снесут. Проверить меня не смогут. А, значит, скажут, что я врал. Начнется бузилово. И даже хейтинг. Оно мне надо? Так что давай поедим и по домам, ок? Я как раз придумаю ролик и сниму анонс.

Один молчал, глядя куда-то мимо Леона.

— Эй, парень, ты меня слышишь вообще?

— Там Эл, — сказал Один.

— Где?

— Вон там — на лестнице.

Леон обернулся. Точно, фиолетовую шевелюру, которая скользила вниз по лестнице над перилами, не спутаешь ни с чьей другой. Потом девушка по крысиному скользнула к дверям, приложилась плечом к дяденьке с портфелем и скрылась за углом.

Леон подскочил, завернул гамбургер в бумагу, на ходу закинул его в рюкзак, обернулся:

— Ну, ты как? Идешь?

— Куда?

— Следить, конечно. Она ж от нас шифруется! Значит, что-то интересное будет! Слава покровителю ютуберов! У меня гоу-прошка как раз с собой!

Один пожал плечами, взял свой санитарайзер и потащился за Леоном.

Глава 4

Дело

Эл шла в наушниках по осеннему городу, слушала «Фараона» и представляла, что рядом идет друг-пингвин. Он был одет в уютную смешную толстовку — черную с белым кругом на животе. Эл старалась не приглядываться, какое у него лицо. Обычное. С ямочками на щеках, как у Леоны Ди. Но без дебильной челки и ломаных жестов. А глаза большие, темно-голубые, как у Одина. Но без прыщей над ними. Друг-пингвин мог сколько угодно идти рядом с ней, не навязываясь разговорами. Им было хорошо без слов — просто вдыхать сухой сладкий воздух и пинать кедами кучи желтых листьев. У них даже кеды оказались одинаковыми — черные конверсы, с белым носом. Солнце кутало в мягком оранжевом свете и мам с малышами на детских площадках, и девушек с накладными ресницами, что стайками курили у салонов красоты.

Друг-пингвин вынул у нее из уха один наушник и стал слушать песню вместе с ней:

“Есть ли какие-то, но кроме тех что есть в песне,
Да есть я, местный,

Такой местный, что не могу так утопить в нас двоих слово если.

Ну, да ты слишком резкий повод остаться возле”.

— Классная музыка, — наконец, заговорил друг-пингвин. — Немного депрессивная, не находишь?

— Обычная, — пожала плечами Эл. — Все такую слушают.

— Ты — не все, — парировал друг-пингвин.

Эл напрягла губы, чтобы не улыбнуться.

— Красивая у тебя ямочка на подбородке, — заметил друг-пингвин. — И волосы фиолетовые очень идут. Почему тогда ты так стеснялась идти ко мне на встречу?

— А зачем тогда ты позвал меня в этот дом? — Спросила Эл. — Вдруг ты оказался маньяком каким-нибудь?

Друг-пингвин рассмеялся. Его добродушный мелодичный смех поскакал по московским дворам. Но врезался в толстого мужика в оранжевой каске, помогающего взмахами рук припарковаться грузовику, и стих.

— Эл, мы же так много говорили с тобой, — произнес друг-пингвин. — Зачем мне так долго общаться с тобой, если бы я был каким-нибудь ублюдком?

Эл опустила голову. Нельзя как попало отвечать. Как же сложно выбирать правильные слова! Но с воображаемыми друзьями общаться все-таки проще:

— Некоторые маньяки любят узнавать больше о своих жертвах.

— Слушай, но если так боишься меня, то взяла бы кого-нибудь из друзей. Они могли бы быть поблизости — вызвать полицию, если что не так.

— У меня нет друзей, — отрезала Эл. И пнула гору листьев у бордюра. Сделав несколько шагов, она посмотрела вбок исподлобья:

— Эй, чего молчишь?

Друга-пингвина рядом не было. Эл резко обернулась. Он стоял позади нее — руки в карманах и хмурится так трогательно.

— А я? — Спросил друг-пингвин.

— Что ты? — Как будто не сразу поняла Эл.

— А я? Разве я не друг?

— Ты же ненастоящий. Я просто тебя представляю.

— Это только пока. А ты чего застыла? Увидела что-то?

— Да, там, — она показала рукой на угол дома. — Только что за угол метнулись два парня.

— Ты их знаешь? — Друг-пингвин подошел к ней и они побрели дальше.

— Это Леон и Один, мои одноклассники.

— Они следят за тобой?

— Точно! Они же пришли в Макдак! — Осенило девушку.

— Зачем им это?

— Не знаю. — Эл пожала плечами. — Увидели, как я сбегая из школы и решили проверить, что я отчебучу.

— Хорошая версия. Хочешь, скажу о чем ты думаешь?

— Конечно, ты знаешь, о чем я думаю! Ты же существуешь только у меня в голове!

— Ты думаешь о том, — как будто не обратив внимания на последнюю реплику, произнес друг-пингвин. — Что теперь ты можешь отправиться ко мне, настоящему. Не так страшно зайти в дом, когда кто-то знает, что ты там.

— Заметила? — Леон вжался в стену дома. — Фууф, как сердце-то бьется!

— Не похоже, — Один стоял у дома как ни в чем не бывало. — Дальше пошла гулять.

— Чего это она так резко обернулась, не знаешь?

Один пожал плечами и пошел за Эл. Леон, на цыпочках, следом:

— Слушай, мне кажется, она тупо гуляет. А мы как лошады за ней хвостом увились.

— Она не тупо гуляет — она сужает круги, — возразил Один.

— Какие еще круги?

— Вокруг дома под снос.

— Опять ты про этот дом?

— Я здесь не при чем. Эл ходила вокруг него сначала по большому радиусу. Потом сделала круг поменьше. А теперь, кажется, идет прямо к нему.

— Думаешь, она решила зайти туда? Это бы я заснял!

— Тогда не отставай.

Они нырнули в подземный переход за Эл, поднялись, прячась за машинами миновали парковку, оказались в дворике новенького домика, через арку вышли к стройке небоскребов, потом прошагали мимо частного детского сада в шведском стиле и затаились в конце забора, не дойдя десяти метров до ветхой пятиэтажки. Всем своим видом она словно напрашивалась на снос: старые шершавые стены грязно-розового цвета, башенки на углах крыши — как маленькие рожки, балкончики с колоннами и балясинами... Все странно, замысловато, нефункционального и невпопад.

— На меня этот дом тоску наводит, — пробурчал Леон. — Сам бы снес с удовольствием.

— Вот тут давай спрячемся, дальше не пойдем — предложил Один. И очень вовремя. Потому что только они скрылись за забором, Эл снова обернулась.

— Эй, ближе сюда подойди! Тебя же видно! — Прошептал Леон. Один нехотя сделал шаг к нему.

— Если будешь так стрематься, то ничего не снимешь. Она сейчас в своих мыслях — вряд ли что-то замечает вокруг.

— Ладно, достаю гоу-прошку. Ты пока на телефон снимай. — Леон поставил на землю рюкзак, выудил небольшую камеру на селфи-палке, выдвинул на всю длину и выставил за край забора.

— Ну, что там? — Спросил он Одина, который пялился на Эл.

— Думает. Застыла перед дверью.

— А что она там увидит, как думаешь?

— Может, ничего, — пожал плечами Один. — А может, дом решит открыться ей.

— Ты так говоришь, как будто этот сарай живой.

— Она зашла. Можешь выключать камеру.

— Может, сейчас вылетит с криками.

— Вряд ли так сразу. Береги заряд.

— Зачем?

— А вдруг ты все-таки решишь пойти в дом?

— Блин, а ты прав. Девчонка зашла. А я что, не могу? Тем более — середина дня. Вокруг полно людей. Кто-нибудь нас обязательно видел. — Леон развернул камеру, чтобы она снимала его. — Приветствую, мои умопомрачительные подписчики, с вами я — легендарный и крышесносный Леон Ди. И у меня для вас есть новость. Я сразу, без лишних анонсов, решился на крутой эксперимент — зайти в дом под снос. И это не очередной пустой дом, который скоро снесут. Я не один — со мной одноклассник по кличке Один, — Леон повернулся, чтобы камера сняла Одина, — Так вот он утверждает, что в доме живут люди и показываются они только тем, кто это заслужил — по праву рождения. Надо быть родственником одного из жильцов. Или по праву славы-имеющих. Как я. Да, Один сказал, что жильцы дома жаждут, чтобы я рассказал о них, потому что завтра утром этого дома не станет. Уйдет в никуда часть истории. И только вы, мои обожаемые подписчики, узнаете, как все было по-настоящему .

Леон нажал на паузу и повернулся к Одину:

— Ну как?

— Сойдет, — вздохнул тот.

Эл стояла в подъезде, вжавшись спиной в дверь, не решаясь сделать шаг. Сердце никак не хотело успокаиваться. Пахло так себе: сыростью, пылью и еще чем-то приторно-сладким. Эл вытянула рукав толстовки и приложила к носу, чтобы дышать через него. Лампочка качалась над головой Эл на длинном проводе — оранжевый свет скользил по потертому полу. Может, позвать друга-пингвина? Но у Эл пересохло в горле так, что она не могла произнести ни звука.

— Видишь, какая ты смелая? — снова «возник» рядом друг-пингвин.

— Почему ты не встретил меня прямо здесь, у входа? — спросила Эл.

— Наверное, потому что я хочу, чтобы наша встреча состоялась в другом месте.

Заиграл «Проклятый старый дом» Короля и Шута. Эл выдернула наушники, достала телефон и поставила песню на паузу. Это уж слишком. Она смелая. Татуху может, волосы покрасить в фиолетовый, закурить на уроке, но всему есть предел. Этот дом жуткий. Она знает наверняка. Она знает, что здесь могут происходить ужасные вещи. Может, ее страх смешон. Но он есть. Прямо сейчас она слышит, как стучат ее зубы. А еще доносится чавканье музыки. А еще как будто стены трещат и крошатся. И какой-то топот словно слегка сотрясает дом. И еще сотня звуков, которые, возможно, существуют только в голове Эл. Она вспомнила фразу из Гарри Поттера «Если это существует в твоей голове, почему это не может быть правдой?» Свет, мельтешивший до этого, вдруг замер. Эл подняла голову. Лампочка над ней зависла, как вкопанная. Вкопанная в потолок. Эл могла дотянуться до нее рукой. Зачем-то она это и сделала. Стеклопанная поверхность оказалась ледяной, как поручни трамвая зимой. Это было слишком! Это не нормально! Эл развернулась, чтобы выйти из дома. Но дверь распахнулась и сшибла ее с ног. Эл заорала. С ней вместе заорали два парня. Дневной свет на их лицах быстро сузился до полоски и, наконец, схлопнулся.

— Какого...? — Зашипела Эл, но замолчала. Этого слова в ее словаре не было. Да и вопрос был очевиден. Хорошо, что Леон матерился так громко, что не услышал ее. Наконец, он успокоился и спросил:

— Нафига ты сюда поперлась?

— Дело, — огрызнулась Эл. Из-за дурацкого слова «зачем» она впервые и задумалась об ограничении словаря. А то вечно приходилось кому-то что-то объяснять.

— А мы за тебя волновались, — вставил Один. Он уже совсем успокоился и оглядывался. — Пахнет хреново.

— Бурум, — согласно протянула Эл. С Одним почему-то ей стало спокойнее.

— Ты знаешь что-то про дом? У тебя была какая-то цель? — Продолжал допытываться Леон.

Один ответил за Эл:

— Она же сказала — у нее здесь свое дело. А у нас — свое. Поскольку Эл решила ограничить свой словарный запас, то предлагаю рассказать ей о нашем деле, а потом спросить, можем ли мы действовать вместе, или она предпочитает разделиться.

— Чувак, ты робот что ли? — Удивился Леон.

— Я что-то не так сказал?

— Да нет, сорян, просто все слишком так, — Сказал Леон и повернулся к девушке. — Эл, а может, ты встанешь с пола уже? — и протянул ей руку.

Неожиданно для себя Эл схватила ладонь Леона и даже задержала там руку на секунду больше нужного. Уж слишком она была теплая и живая по сравнению с той холодной, как труп, лампочкой.

— Мы с Леоном решили снять ролик о доме, — сказал Один. — Его сегодня сносят. Я знаю кое-кого из жильцов, поэтому нас должны нормально принять. Пойдешь с нами?

Вместо ответа Эл взяла руку Одина и приложила к лампочке.

— Ауч! — Тут же воскликнул он и отдернул руку. Подушечки пальцев покраснели.

Эл легонько потрогала лампу. Огненная! Видимо, показалось, с перепугу. Значит, можно двигаться дальше. Не так уж тут и страшно.

— Бурум, — ответила она на вопрос Одина. — Запрягай!

— Что это значит? — Спросил Леон одноклассника.

— Значит, — пояснил Один. — Что она идет с нами. И даже считает, что это будет интересно.

— А зачем она руку твою к лампочке приложила?

— Не знаю, — пожал плечами Один. — Если сделала, значит, была причина. И если бы ты был внимательнее, то заметил, что ее моя реакция успокоила.

— По ходу, я единственный нормальный во всем этом доме, — вздохнул Леон.

— С чего начнем? — Спросил Один.

— Я думал, ты здесь будешь командовать. Но раз уж ты спросил, то я дико захотел покурить и последний разок взглянуть на дневной свет. — И Леон толкнул дверь. — Это че за нафиг? Она заперта!

Одноклассники уставились на дверь. Это была старая деревянная дверь, каких уже не встретишь в современных подъездах. Но к косяку прилеплена, как намагниченная. Хотя в свете лампочки поблескивала замочная скважина.

“Нас как будто снаружи заперли”, — подумала Эл и ударила по двери ногой. Намертво. Ей захотелось спросить парней, следил ли кто за ними, знает ли еще кто-то, что они внутри? Но запертая дверь — не повод отступать от принципов.

Леон еще несколько раз долбанул по двери кулаками. Потом повернулся к одноклассникам и спросил:

— Че делать будем?

— Ну, теперь у нас есть повод позвонить в первую квартиру — спросим про ключ от двери, — пожал плечами Один.

— Бурум, — согласилась Эл и двинулась к лестнице. За ней поплелся Леон. Один еще раз потрогал лампочку, поплевал на обожженные пальцы и догнал одноклассников. Эл с Леоном уже стояли на первом пролете перед дверью, обитой бордовой кожей. Внизу вся обшивка была изодрана, а из дыр торчали куски поролона. Было достаточно светло — в окно между первым и вторым этажом щедро лился солнечный свет. Эл нажала на звонок.

Глава 5

Изи

Послышались два мелодичных звонка.

— Он назвал мое имя! — Воскликнул Леон.

— Кто? — Спросил Один.

— Звонок, конечно! Послушайте еще раз.

Леон нажал на кнопку.

— Ле-он, — протянул парень в такт вроде бы обычному дин-дону.

Эл очень захотелось пошутить, что этот старый звонок в пятнах краски — самый истовый фанат Леона.

— Нет, послушайте еще раз, — и Леон снова позвонил нажав на звонок.

— Ну да, тембр звуков очень похож на буквы «е» и «о», — кивнул Один. — Но я бы перестал без конца нажимать на кнопку. Хозяевам квартиры это может показаться неприличным.

— Ну, можно еще разок послушаем? — Попросил Леон. — В квартире же сто пудово никого нет!

Договорить он не успел. Раздался громкий скрип. Солнечный свет полоснул лестницу на первый этаж, но быстро растворился в «ба-бах» подъездной двери. Оранжевый ламповый свет заплясал по тучным формам старухи в зелёном пальто и пухлым тряпичным сумкам.

— Дуть? Курить? Глотать? Бухать? Совокупляться? — Громыкнула она.

— Эээ..., — выдавил Леон, — какое все вкусненькое.

И получил локтем в бок от Эл. Раз уж язык подвешен, то пусть и общается нормально.

— Нам, если честно, всего лишь интервью у жильцов взять, — нашелся парень. И дальше пошло как по накатанному. — Мы из школьной газеты. Пишем о необычных и выдающихся местах нашего района. Считаем, что этот дом надо причислить к памятникам арх...

— А на хрена интервью? — Перебила его старуха, начиная тяжело взбираться по лестнице.

Леон оглянулся на одноклассников. Эл, понятно, будет молчать. Но Один мог бы помочь! Вместо этого он отковырял от стены кусок штукатурки и чистил им ногти. Леон вздохнул и продолжил:

— Ну, типа, дом же сегодня... это...

Вдруг распахнулась дверь квартиры, в которую они трезвонили. Все трое отпрянули вбок. Эл чуть не упала. Леон удержал ее за талию.

— Бабунок! Ты уже пришла? Я услышала тебя! — Раздался девичий голос из темноты квартиры. И добавил требовательно:

— Парни, чего стоите, как истуканы? Ну-ка помогите сумки затащить!

Леон и Один бросились к бабуле и схватили сумки. Девушка высунулась из квартиры. Эл поймала себя на мысли, что она знает это красивое лицо с большими тёмными глазами, острым подбородком, веснушками и высоким лбом. Образ сказочной внученьки завершали чёрная блестящая коса до пояса и цветастая юбка в пол.

— Бабунок, видишь, они хорошие, вежливые, не такие, как все. С ними можно поговорить. Их можно впустить в дом.

— Хорошо, внучка, хоть с живыми ребятами пообщаешься, — подобрела старуха. — Заходите, заходите, у меня как раз с утра котлеты нажарены.

Прихожая была крохотная, темная, с крючков на стене выпирала одежда, сдавливая пространство. Направо шел коридор на в уборную и на кухню.

— Кидайте рюкзаки на пол и проходите сюда, — поманила их вперед девушка, открывшая дверь. — Давайте поговорим в комнате, пока бабушка готовит обед.

Когда одноклассники разулись и подошли к ней по скрипучему полу, она пояснила:

— Это наш зал, и спальня, и всё такое. Мы здесь с бабушкой и живём. Меня зовут Акулина. Бабунка — София Леонидовна. Но на бабунка она не обижается.

Эл осмотрелась. Большая прямоугольная комната. Слева — железная кровать с несколькими полосатыми матрасами «привет больничка». Покрывало рыночно-леопардовой расцветки. Кровать зажата между стеной и старинной швейной машинкой, которая ещё со столом склеена и под стимпанк косит. Тут же от кровати вправо начинается шкаф-стенка. Тот самый, на который в советском союзе полжизни копили, — лакированный и вечно пыльный, с громадами хрустальных салатниц за прозрачными дверями. А прямоугольные ниши забиты книгами так, что ни одну и вытащить нельзя. Вся лакированная поверхность шкафа была покрыта мелкой сеткой трещин. Дотронься — и рассыпется.

Эл удивилась — откуда она это все помнит: шкафы, хрусталь, книги. У нее современная квартира с дизайном. Ну, ладно, с претензией на дизайн. Мамин вкус ей не нравится. Но почему ей так хочется подойти к фикусу, что стоит в этой старой квартире у балконной двери и стереть пыль с его мясистых листьев?

— Садитесь, — сказала Акулина. — Дивана у нас нет. Надо поговорить.

И указала на крашеный истошно-коричневым цветом дощатый пол.

Леон тут же развалился на полу, оперевшись руками за спиной и вытянув ноги вперед. Один присел на корточки. Эл опустилась последняя, между Леоном и Одином, скрестив ноги по-турецки. Акулина сидела на коленках. Она старательно расправила вокруг себя ровным кругом длинную юбку с цветочным узором (стопудово из бабушкиного сундука) и заговорила:

— Вы же знаете, что зашли в необычный дом?

Один кивнул сразу. Эл предпочла бы думать, что он обычный, просто с ней произошла в прошлый заход неприятная история. И сейчас ей бы без лишней мистики найти друга-пингвина и пойти с ним гулять. Леон спросил:

— В каком смысле необычный?

— В прямом, — ответила Акулина. — Необычный — это противоположно тому, когда есть обычные вещи и люди. И они ведут себя так, как мы того ожидаем. Что фикус будет стоять напротив балкона и пылиться. Что горящая лампочка будет всегда горячей. Что никто не будет пытаться тебя вместо приветствия выкинуть в окно.

— Фо риали? — Уточнила Эл. Здесь, и вправду, не обойтись без этого вопроса. Люди любят метафоры. А ей надо знать точно.

— Все, что я говорю — это фо риали, Эл, — Акулина задержала взгляд на ее татуировке. — И ты, и Один, и даже Леон — вы все сюда пришли неслучайно.

— А почему это даже Леон? — Возмутился Леон. — Нет, правда, а я-то почему здесь оказался?

— Так, — Акулина как-то по-старинному всплеснула руками. — Хватит вопросов. А то я не успею вам сказать правила дома. И вы вляпаетесь во что-нибудь сразу же. Готовы слушать?

Одноклассники переглянулись и медленно кивнули.

— Итак, — Акулина выставила вперед тоненькую руку ладонью вверх. — Первое. Мыть руки после еды, — Акулина загнула большой палец и продолжила: — Не оставаться на десерт, — девушка загнула указательный палец. — Из дома ничего выносить нельзя, только вносить, — средний палец. — Если не знаешь, что говорить — говори правду, — безымянный, — Не ходить на четвертый этаж в одиночку, — мизинец. — Отбой — в 9 вечера и ни минутой позже, — Акулина сменила руку и загнула сразу все пальцы. — И, самое главное — ни за что, ни при каких обстоятельствах не давить тараканов, — девушка качала в воздухе кулачками, словно вдавливая в собеседников эти правила.

— Мальчики и девочки! Кушать! — Донеслось из кухни.

— Бабунок, — протянула Акулина, закатив глаза. — Кушать — это нелепо и жеманно!

— Жрать идёте? — рявкнула в ответ София Леонидовна.

— Нельзя заставлять бабунка ждать, — заключила Акулина. — Но это не правило дома, просто котлеты очень вкусные. Пойдем?

— Дичь, — только и смогла сказать Эл. Какие-то правила. Какие-то котлеты!

— Абсолютно согласен! — Леон похлопал ее по плечу. — Но пахнет и правда вкусно. Догоняй. — И он вышел из комнаты.

Эл очень хотелось задать Акулине главный вопрос. Ей же нафиг не нужны все эти правила и загадки. Она пришла сюда найти друга и выйти. Но если с другом-пингвином девушка готова начать говорить, то со странной девчонкой — нет. Эл почувствовала, что на нее пристально смотрит Один. Как коршун, сидит на корточках и пилит взглядом. Когда она посмотрела ему прямо в глаза, парень улыбнулся и ободряюще кивнул.

— Бурум? — Спросил он.

— Бурум, — ответила Эл и поджала губы. Вот бы Один догадался спросить, кто здесь еще живет! Но нет — он поднялся, размял ноги и пошел на кухню. Раздались два мелодичных звонка.

— Он назвал мое имя! — Воскликнул Леон.

— Кто? — Спросил Один.

— Звонок, конечно! Послушайте еще раз.

Леон нажал на кнопку.

— Ле-он, — протянул парень в такт вроде бы обычному дин-дону.

Эл очень захотелось пошутить, что этот старый звонок в пятнах краски — самый истовый фанат Леона.

— Нет, послушайте еще раз, — и Леон снова нажал на звонок.

— Ну да, тембр звуков очень похож на буквы «е» и «о», — кивнул Один. — Но я бы перестал без конца нажимать на кнопку. Хозяевам квартиры это может показаться неприличным.

— Ну, можно еще разок послушаем? — Попросил Леон. — В квартире же столько пудово никого нет!

Договорить он не успел. Раздался громкий скрип. Солнечный свет полоснул лестницу на первый этаж, но быстро растворился в «ба-бах» подъездной двери. Оранжевый ламповый свет заплясал по тучным формам старухи в зеленом пальто и пухлым тряпичным сумкам.

— Дуть? Курить? Глотать? Бухать? Совокупляться? — Громыкнула она.

— Эээ..., — выдавил Леон, — какое все вкусненькое.

И получил локтем в бок от Эл. Раз уж язык подвешен, то пусть и общается нормально.

— Нам, если честно, всего лишь интервью у жильцов взять, — нашелся парень. И дальше пошло как по накатанному. — Мы из школьной газеты. Пишем о необычных и выдающихся местах нашего района. Считаем, что этот дом надо причислить к памятникам арх...

— А на хрена интервью? — Перебила его старуха, начиная тяжело взбираться по лестнице.

Леон оглянулся на одноклассников. Эл, понятно, будет молчать. Но Один мог бы помочь! Вместо этого он отковырял от стены кусок штукатурки и чистил им ногти. Леон вздохнул и продолжил:

— Ну, типа, дом же завтра... это...

Вдруг распахнулась дверь квартиры, в которую они трезвонили. Все трое отпрянули вбок. Эл чуть не упала. Леон удержал ее за талию.

— Бабунок! Ты уже пришла? Я услышала тебя! — Раздался девичий голос из темноты квартиры. И добавил требовательно:

— Парни, чего стоите, как истуканы? Ну-ка помогите сумки затащить!

Леон и Один бросились к бабуле и схватили сумки. Девушка высунулась из квартиры. Эл поймала себя на мысли, что она знает это красивое лицо с большими темными глазами, острым подбородком, веснушками и высоким лбом. Образ сказочной внученьки завершали черная блестящая коса до пояса и цветастая юбка в пол.

— Бабунок, видишь, они хорошие, вежливые, не такие, как все. С ними можно поговорить. Их можно впустить в дом.

— Хорошо, внучка, хоть с живыми ребятами пообщаешься, — подобрела старуха. — Заходите, заходите, у меня как раз с утра котлеты нажарены.

Прихожая была крохотная, темная, с крючков на стене выпирала одежда, сдавливая пространство. Направо шел коридор в уборную и на кухню.

— Кидайте рюкзаки на пол и проходите сюда, — поманила их вперед девушка, открывшая дверь. — Давайте поговорим в комнате, пока бабушка готовит обед.

Когда одноклассники разулись и подошли к ней по скрипучему полу, она пояснила:

— Это наш зал, и спальня, и все такое. Мы здесь с бабушкой и живем. Меня зовут Акулина. Бабунка — Софья Леонидовна. Но на бабунка она не обижается.

Эл осмотрелась. Большая прямоугольная комната. Слева — железная кровать с несколькими полосатыми матрасами «привет больничка» друг на друге. Покрывало рыночно-леопардовой расцветки. Кровать зажата между стеной и старинной швейной машинкой, которая еще со столом склеена и под стимпанк косит. Тут же от кровати вправо начинается шкаф-стенка. Тот самый, на который в советском союзе полжизни копили, — лакированный и вечно

пыльный, с громадами хрустальных салатниц за прозрачными дверями. А прямоугольные ниши забиты книгами так, что ни одну и вытащить нельзя. Вся лакированная поверхность шкафа была покрыта мелкой сеткой трещин. Дотронься — и рассыпется.

Эл удивилась — откуда она это все помнит: шкафы, хрусталь, книги. У нее современная квартира с дизайном. Ну, ладно, с претензией на дизайн. Мамин вкус ей не нравится. Но почему ей так хочется подойти к фикусу, что стоит в этой старой квартире у балконной двери и стереть пыль с его мясистых листьев?

— Садитесь, — сказала Акулина. — Дивана у нас нет. Надо поговорить.

И указала на крашеный истошно-коричневым цветом дощатый пол.

Леон тут же развалился на полу, оперевшись руками за спиной и вытянув ноги вперед. Один присел на корточки. Эл опустилась последняя, между Леоном и Одним, скрестив ноги по-турецки. Акулина сидела на коленках. Она старательно расправила вокруг себя ровным кругом длинную юбку с цветочным узором (стопудово из бабушкиного сундука) и заговорила:

— Вы же знаете, что зашли в необычный дом?

Один кивнул сразу. Эл предпочла бы думать, что он обычный, просто с ней произошла в прошлый заход неприятная история. И сейчас ей бы без лишней мистики найти друга-пингвина и пойти с ним гулять. Леон спросил:

— В каком смысле необычный?

— В прямом, — ответила Акулина. — Необычный — это противоположно тому, когда есть обычные вещи и люди. И они ведут себя так, как мы того ожидаем. Что фикус будет стоять напротив балкона и пылиться. Что горящая лампочка будет всегда горячей. Что никто не будет пытаться тебя вместо приветствия выкинуть в окно.

— Фо риали? — Уточнила Эл. Здесь, и вправду, не обойтись без этого вопроса. Люди любят метафоры. А ей надо знать точно.

— Все, что я говорю — это фо риали, Эл, — Акулина задержала взгляд на ее татуировке. — И ты, и Один, и даже Леон — вы все сюда пришли неслучайно.

— А почему это даже Леон? — Возмутился Леон. — Нет, правда, а я-то почему здесь оказался?

— Так, — Акулина как-то по-старинному всплеснула руками. — Хватит вопросов. А то я не успею вам сказать правила дома. И вы вляпаетесь во что-нибудь сразу же. Готовы слушать?

Одноклассники переглянулись и медленно кивнули.

— Итак, — Акулина выставила вперед тоненькую руку ладонью вверх. — Первое. Мыть руки после еды, — Акулина загнула большой палец и продолжила: — Не оставаться на десерт, — девушка загнула указательный палец. — Из дома ничего выносить нельзя, только вносить, — средний палец. — Если не знаешь, что говорить — говори правду, — безымянный, — Не ходить на четвертый этаж в одиночку, — мизинец. — Отбой — в 9 вечера и до девяти утра — никаких звуков, — Акулина сменила руку и загнула сразу все пальцы. — И, самое главное — ни за что, ни при каких обстоятельствах не давить тараканов, — девушка качала в воздухе кулачками, словно вдавливая в собеседников эти правила.

— Мальчики и девочки! Кушать! — Донеслось из кухни.

— Бабунок, — протянула Акулина, закатив глаза. — Кушать — это нелепо и жеманно!

— Жрать идете? — рявкнула в ответ София Леонидовна.

— Нельзя заставлять бабушка ждать, — заключила Акулина. — Но это не правило дома, просто котлеты очень вкусные. Пойдем?

— Дичь, — только и смогла сказать Эл. Какие-то правила. Какие-то котлеты!

— Абсолютно согласен! — Леон похлопал ее по плечу. — Но пахнет и правда вкусно. Догоняй. — И он вышел из комнаты.

Эл очень хотелось задать Акулине главный вопрос. Ей же нафиг не нужны все эти правила и загадки. Она пришла сюда найти друга и выйти. Но если с другом-пингвином девушка готова начать говорить, то со странной девчонкой — нет. Эл почувствовала, что на нее пристально смотрит Один. Как коршун, сидит на корточках и пилит взглядом. Когда она посмотрела ему прямо в глаза, парень улыбнулся и ободряюще кивнул.

— Бурум? — Спросил он.

— Бурум, — ответила Эл и поджала губы. Вот бы Один догадался спросить, кто здесь еще живет! Но нет — он поднялся, размял ноги и пошел на кухню. Акулина так и стояла в дверях, склонив к плечу бледное овальное личико. Эл направилась в кухню, но вдруг замерла у выхода из комнаты. Ей показалось, что что-то не так. Совершенно не так. Из ряда вон не так. Как гребаная лампочка не так. Эл обернулась. Фикус переместился на два шага правее. Даже краска стерта по кругу на досках по форме горшка! А на открывшемся взгляду Эл

подоконнике стояла фигурка пингвина. Комнату заволокло туманом, у девушки зашумело в ушах.

“Нет, это просто эмоции”, — попробовала убедить себя Эл. — “Все возможно в двадцать первом веке: есть механизмы, иллюзии. С тобой играют. И ведь неплохо играют, подумай. Когда с тобой так интересно играли? Все играли только чтобы заставить себя хорошо вести, убирать комнату и прилежно учиться. Радуйся, что у тебя такой необыкновенный мастер игры. Иди, поешь — игра может быть долгой”.

Эл отвернулась от окна и встретила взглядом с Акулиной. В темных глазах плясал озорной огонек. Однозначно, девчонка внутри игры. Может, здесь живет какая-то крутая группа подростков? Типа супер-ордена? Как в «Бегущем в лабиринте» и в других историях про враждебный мир, в котором нормальным людям не найти себе места. Акулина улыбнулась, словно поняла Эл без слов. В дверях она вдруг сжала ее ладонь своими руками. И посмотрела с какой-то больной надеждой. Эл почувствовала пальцами холод металла.

— Ты должна иметь возможность уйти, — сказала Акулина.

— Бурум, — ответила Эл и положила ключ в карман джинсов.

Леон с Одним уже вовсю уплетали котлеты. Софья Леонидовна стояла у плиты и с умилением на них смотрела. Кухня была небольшая, с кафельным полом и лоснящимися обоями, пузырящимися у потолка и окна. Холодильник низкий, старенький, жужжащий, с одним единственным магнитиком — картинкой китайской стены. Тюль на окне как будто та самая, что мама Эл выкинула лет пять назад («ты все равно уже не будешь шить куклам свадебные платья»).

— А теперь, Софья Леонидовна, когда я съел ваши умопомрачительные котлеты, можно задавать вопросы? — Самым любезным из возможных голосов спросил Леон. Эл заметила, как он аккуратно поставил гоу-прошку между тарелкой и фарфоровой сахарницей. Она села за стол и тоже принялась за свою котлету. Не “Макдональдс”. И не школьная столовка. И не мама. Это были котлеты, из-за которых можно забыть, зачем куда-то пришел.

— Конечно, таким хорошим ребятам расскажу все, что знаю про дом, — ответила Софья Леонидовна.

— Когда, по-вашему, началась необычная история дома? — Спросил Леон.

Бабушка присела на табуретку у плиты и задумалась.

— В тот год было много тараканов, — начала она. — А денег не было. Вот как так? Еды нет, а тараканов навалом? А родителей Акулины отправили в командировку, в Китай. Еще Иван Кузьмич был жив. Это была огромная удача. Что Китай. Но они не смогли взять Акулину с собой. Родители девочки. Ее папа, Коля, мой сын. Но деньги нам исправно посылали, так что жили мы хорошо. Грустила, конечно, Акулина по маме с папой. Хорошо, на четвертом этаже подружка у нее была. Да не о ней сейчас. Когда родители Акулины приехали в отпуск, то привезли в подарок книгу сказок и мелок от тараканов. И снова уехали. И погибли там в автокатастрофе.

Спустя несколько секунд Эл поняла, что в застывшей тишине раздается только один звук — как она чавкает котлетой. Парни не знали, что сказать. Наконец, Леон нашелся:

— Помог?

— Кто помог? — Спросила бабушка.

— Ну, мелок, который от тараканов.

Эл захотелось отвесить ему подзатыльник. Как можно задавать такой дурацкий вопрос, когда у тебя есть все слова мира! Софью Леонидовну, как ни странно, вопрос не удивил.

— Еще пуще полезли. Они от мелков недохнут. Они от сотовыхдохнут. И от техники всякой, современной. У вас же, надеюсь, нет с собой никакой техники? — Отчего-то очень строго спросила она. Эл, Один и Леон дружно замотали головами. Леон подвинул фарфоровую сахарницу, чтобы лучше замаскировать камеру.

— А кто здесь еще живет? — Задал вопрос Леон, за который Эл готова была его расцеловать. Мысленно, конечно, расцеловать.

— Я, Акулина, Венямин, Таинский и... , — бабушка как-то робко взглянула на внуку. Акулина легонько качнула головой. — И все, да, никого больше.

— Так мало? — Удивился Леон.

— Это только официально? — Спросил Один.

— Это вообще, — отрезала Акулина.

— Пирожков хотите? На десерт? — Широко улыбнулась Софья Леонидовна и поставила тарелку с горкой пирожков в середину стола.

«Зато два мужских имени», — мысленно порадовалась Эл, привстала и схватила пирожок с тарелки. Лишь бы разговор продолжался.

— Это что — у тебя сотовый? — Резко спросила Софья Леонидовна. — Я видела, в кармане штанов.

Эл замотала головой и зачем-то откусила пирожок. Видимо, чтобы не отвечать по причине забитого рта. И тут же кинула пирожок в тарелку к Леону. Горло свело от ужаса — она увидела внутри таракана! Эл принялась плевать. Она была права! На тарелку к Леону выползло два таракана. Парень схватил пирожок и придавил насекомых. Эл схватилась за рот, чтобы ее не вырвало.

— Вон! — Взревела Софья Леонидовна. Ее лицо исказилось — выпученные глаза, трясущиеся от гнева щеки, пошедшие розовыми пятнами, раздутые ноздри.

Эл подбросило с места и сдуло в сторону входной двери. Она на бегу схватила кеды и рюкзак, и выкатилась из квартиры.

Продолжая плевать, девушка побежала вниз, вытащила ключ и... Но ее оттолкнул Леон, чтобы долбить во входную дверь кулаками и орать:

— Кто-нибудь! Спасите нас! Здесь сумасшедший дом! Погибает знаменитость! Легендарный Леон Ди! Спасите! Я расскажу о вас в ролике! Но здесь я оставаться не хочу! Это не мой контент! — Последнюю фразу он уже прохныкал, бессильно оперевшись на дверь спиной и сползая вниз.

Пока Леон верещал, у Эл была возможность подумать. Так ли страшно то, что произошло? Ну, старушка немного того. С кем не бывает? Вообще, все это похоже на проверку.словно кто-то подстраивает нелепые, жутковатые события, и смотрит на Эл сквозь щели в стенах: «Отступит или нет?»

Она присела на корточки, похлопала Леона по плечу и сказала самое доброе из своих слов:

— Изи.

А второй рукой задвинула ключ от подъездной двери, подаренный Акулиной, поглубже в карман.

— Руки не хотите помыть? — Спросил Один, выдавливая на ладонь санитайзер.

Эл и Леон мгновенно вытянули вперед руки. И потом долго и тщательно терли каждый сантиметр кожи. Леон шумно вдохнул проспиртованный воздух и мечтательно произнес:

— Выпить бы... — и добавил, — как хотите, а я покурю.

Эл тихонько тронула его за руку и, когда он обернулся, показала на лестницу.

— Ты права, давай лучше подальше от этой злополучной квартиры уйдем.

И парень начал красться вверх, смешно прижимаясь к периллам. Один спокойно шел рядом, заставляя Леона вздрагивать от его шарканья.

Эл бросила взгляд на замочную скважину, еле заметную в сумраке. Сердце екнуло. Почему это так темно? Она медленно подняла взгляд вверх. Лампочки не было вообще. Даже шнур из потолка не торчит. Вздрыгнув всем телом, Эл поспешила догнать парней. Акулина так и стояла в дверях, склонив к плечу бледное овальное личико — прямо внученька из какой-то детской сказки. Эл направилась в кухню, но вдруг замерла у выхода из комнаты. Ей показалось, что что-то не так. Совершенно не так. Из ряда вон не так. Как гребаная лампочка не так. Эл обернулась. Фикус переместился на два шага правее. Даже краска стерта по кругу на досках по форме горшка! А на открывшемся взгляду Эл подоконнике стояла фигурка пингвина. Комнату заволокло туманом, у девушки зашумело в ушах.

“Нет, это просто эмоции”, — убеждала себя Эл.

“Все возможно в двадцать первом веке: есть механизмы, иллюзии. С тобой играют. И ведь неплохо играют, подумай. Когда с тобой так интересно играли? Все играли только чтобы заставить себя хорошо вести, убирать комнату и прилежно учиться. Радуйся, что у тебя такой необыкновенный мастер игры. Иди, поешь — игра может быть долгой”.

Эл отвернулась от окна и встретила взглядом с Акулиной. В темных глазах плясал озорной огонек. Однозначно, девчонка внутри игры. Может, здесь живет какая-то крутая группа подростков? Типа супер-ордена? Как в «Бегущем в лабиринте» и в других историях про враждебный мир, в котором нормальным людям не найти себе места. Акулина улыбнулась, словно поняла Эл без слов. В дверях она вдруг сжала ее ладонь своими руками. И посмотрела с какой-то больной надеждой. Эл почувствовала пальцами холод металла.

— Эл, ты должна иметь возможность уйти, — сказала Акулина.

— Бурум, — ответила Эл и положила ключ в карман джинсов.

Леон с Одином уже всю уплетали котлеты. Софья Леонидовна стояла у плиты и с умилением на них смотрела. Кухня была небольшая, с кафельным полом и лоснящимися обоями, пузырящимися у потолка и окна. Холодильник низкий, старенький, жужжащий, с одним единственным магнитиком — картинкой китайской стены. Тюль на окне как будто та самая, что мама Эл

выкинула лет пять назад («ты все равно уже не будешь шить куклам свадебные платья»).

— А теперь, Софья Леонидовна, когда я съел ваши умопомрачительные котлеты, можно задавать вопросы? — Самым любезным из возможных голосов спросил Леон. Эл заметила, как он аккуратно поставил гоу-прошку между тарелкой и фарфоровой сахарницей. Она села за стол и тоже принялась за свою котлету. Не Макдональдс. И не школьная столовка. И не мама. Это были котлеты, из-за которых можно забыть, зачем куда-то пришел.

— Конечно, таким хорошим ребятам расскажу все, что знаю про дом, — ответила Софья Леонидовна.

— Когда, по-вашему, началась необычная история дома? — Спросил Леон.

Бабушка присела на табуретку у плиты (Эл готова была поклясться, что когда она вошла, табуретки там не было) и задумалась.

— В тот год было много тараканов, — начала она. — А денег не было. Вот как так? Еды нет, а тараканов навалом? А родителей Акулины отправили в командировку, в Китай. Еще Иван Кузьмич был жив. Это была огромная удача. Что Китай. Но они не смогли взять Акулину с собой. Родители девочки. Ее папа, Коля, мой сын. Но деньги нам исправно посылали, так что жили мы хорошо. Грустила, конечно, Акулина по маме с папой. Хорошо, на четвертом этаже подружка у нее была. Да не о ней сейчас. Когда родители Акулины приехали в отпуск, то привезли в подарок книгу сказок и мелок от тараканов. И снова уехали. И погибли там в автокатастрофе.

Спустя несколько секунд Эл поняла, что в застывшей тишине раздается только один звук — как она чавкает котлетой. Парни не знали, что сказать. Наконец, Леон нашелся:

— Помог?

— Кто помог? — Спросила бабушка.

— Ну, мелок, который от тараканов.

Эл захотелось отвесить ему подзатыльник. Как можно задавать такой дурацкий вопрос, когда у тебя есть все слова мира! Софью Леонидовну, как ни странно, вопрос не удивил.

— Еще пуще полезли. Они от мелков недохнут. Они от сотовыхдохнут. И от техники всякой, современной. У вас же, надеюсь, нет с собой никакой техники? — Отчего-то очень строго спросила она. Эл, Один и Леон дружно

замотали головами. Леон подвинул фарфоровую сахарницу, чтобы получше замаскировать камеру.

— А кто здесь еще живет? — Задал вопрос Леон, за который Эл готова была его расцеловать. Мысленно, конечно, расцеловать.

— Я, Акулина, Веньямин, Таинский и... , — бабушка как-то робко взглянула на внучку. Акулина легонько качнула головой. — И все, да, никого больше.

— Так мало? — Удивился Леон.

— Это только официально? — Спросил Один.

— Это вообще, — отрезала Акулина.

— Пирожков хотите? На десерт? — Широко улыбнулась Софья Леонидовна. Она поставила тарелку с горкой пирожков в середину стола.

«Зато два мужских имени», — мысленно порадовалась Эл, привстала и схватила пирожок с тарелки. Лишь бы разговор продолжался.

— Это что — у тебя сотовый? — Резко спросила Софья Леонидовна. — Я видела, в кармане штанов.

Эл замотала головой и зачем-то откусила пирожок. Видимо, чтобы не отвечать по причине забитого рта. И тут же кинула пирожок в тарелку к Леону. Горло свело от ужаса — она увидела внутри таракана! Эл принялась плевать. Она была права! На тарелку к Леону выползло два таракана. Парень схватил пирожок и придавил насекомых. Эл схватилась за рот, чтобы ее не вырвало.

— Вон! — Взревела Софья Леонидовна. Её лицо исказилось — выпученные глаза, трясущиеся от гнева щёки, пошедшие розовыми пятнами, раздутые ноздри.

Эл подбросило с места и сдуло в сторону входной двери. Она на бегу схватила кеды и рюкзак, и выкатилась из квартиры.

Продолжая плевать, девушка побежала вниз, вытащила ключ и... Но ее оттолкнул Леон, чтобы долбить во входную дверь кулаками и орать:

— Кто-нибудь! Спасите нас! Здесь сумасшедший дом! Погибает знаменитость! Легендарный Леон Ди! Спасите! Я расскажу о вас в ролике! Но здесь я оставаться не хочу! Это не мой контент! — Последнюю фразу он уже сказал, бессильно оперевшись на дверь спиной и сползая вниз.

Пока Леон верещал, у Эл была возможность подумать. Так ли страшно то, что произошло? Ну, старушка немного того. С кем не бывает? Вообще, все это похоже на проверку. словно кто-то подстраивает нелепые, жутковатые события, и смотрит на Эл сквозь щели в стенах: «Отступит или нет?»

Она присела на корточки, похлопала Леона по плечу и сказала самое доброе из своих слов:

— Изи.

А второй рукой задвинула ключ от подъездной двери, подаренный Акулиной, поглубже в карман.

— Руки не хотите помыть? — Спросил Один, выдавливая на ладонь санитарайзер.

Эл и Леон мгновенно вытянули вперед руки. И потом долго и тщательно терли каждый сантиметр кожи. Леон шумно вдохнул проспиртованный воздух и мечтательно произнес:

— Выпить бы... — и добавил, — как хотите, а я покурю.

Эл тихонько тронула его за руку и, когда он обернулся, показала на лестницу.

— Ты права, давай лучше подальше от этой злополучной квартиры уйдем.

И парень начал красться вверх, смешно прижимаясь к перилам. Один спокойно шел рядом, заставляя Леона вздрагивать от его шарканья.

Эл бросила взгляд на замочную скважину, еле заметную в сумраке. Сердце екнуло. Почему это так темно? Она медленно подняла взгляд вверх. Худшие опасения оправдались — лампочки не было вообще. Даже шнур из потолка не торчит. Вздвогнув всем телом, Эл поспешила догнать парней.

Глава 6

Хиросима

Они остановились в пролете между вторым и третьим этажом. Эл и Леон одновременно щелкнули зажигалками и с наслаждением затянулись. Один отказался от сигареты и изучал стены. Они, как и шкаф, были все в мелких трещинах. Эл проследила за направлением глаза одноклассника и увидела рисунок — девочка с мелком. Да это же из сказки, которую ей рассказал с утра друг-пингвин. На душе стало спокойно и легко. От приятных мыслей ее отвлек Леон:

— Слушайте, здесь бычки! Значит, кто-то живет! А я думал, старуха соврала! И мне кажется, что я слышу отдаленно музыку и гул голосов. Может, нам ключи там дадут?

— Может, — пожал плечами Один. — Надо спросить. Докуривай и пойдем.

— Ох, чего-то стремно мне, — поежился Леон. И резко вздрогнул — дверь на втором этаже распахнулась и на лестничную площадку вышел толстяк. Прямо

буквально квадратный мужчина. Одет он был в бежевые штаны и кофту очень странного фасона. На бедрах, щиколотках, локтях оттопыривались накладные карманы. Поднимаясь, незнакомец обшаривал их. Из кармана на бедре он достал женские трусики, бросил стеснительный взгляд на ребят, и затолкал в карман на правом локте. Из большого накладного кармана на левом локте мужчина добыл горсть старых небольших игрушек и сказал:

— Никак не могу найти сигареты! Помогите, а? Давайте я вам вот эти игрушки, а вы мне закурить?

После паузы ответил Леон:

— Да держи и так! Зачем нам эти игрушки?

— Да нет уж, давайте игрушки, — вдруг встрял Один. И сделал горсть из ладоней, куда посыпались маленькие бегемотики в морских костюмчиках. Эл узнала в них игрушки из киндер-сюрпризов своего детства. Ее рука сама потянулась, схватила бегемотика со спасательным кругом и отправила в карман джинсов.

— А чем хуже! — И Леон цапнул бегемоту в бикини со стаканом коктейля.

Квадратный мужчина взял сигарету, сделал попытку найти зажигалку, но обнаружил потрепанный блокнот, джостик от приставки и заржавевший кипятильник.

Наконец, Эл сжалась над ним и поднесла зажигалку.

— Я Коля, — сказал мужчина, прикурив. — А вас как зовут, добрые люди?

Эл удивилась, что взрослый не отчитывает их за курение в подъезде, а, напротив, восхищается их положительными качествами.

— Эл, — девушка даже улыбнулась Коле.

— Леон, — он протянул руку, которая на несколько секунд исчезла в мясистой лапе Коли.

— Один, — коротко кивнул Один.

— Нет, вот вы такие хорошие, а она, блин, заколебала! — Как будто продолжая начатый ранее разговор, возмутился Коля.

«Ааа... просто пьяный» — разочарованно подумала Эл. И приготовилась слушать бред.

— Ты толстый! Я так не могу! Ты слишком толстый! И еще цитирует, знаете ли, Оскара Уальда — "Только ограниченные люди не судят по внешности. Настоящая тайна мира в том, что мы видим, а не в том, что скрыто." — Судя по писклявому тембру, Коля пародировал девушку. Потому вдруг замолчал, шумно

и глубоко затянулся и продолжил своим голосом. — А что я сделаю? Если стоит мне немного отдохнуть, как без всякого спроса или минимального уважения в меня сыпется всякое барахло? Думаете, приятно потом из карманов вот это все выковыривать? И я уверен, что мой лишний вес именно от этого. Что никто не хочет оставить меня тупо в покое. Мне вот и так хорошо. Без всякой там чепухи. Правда ведь?

Как полагается в случаях, когда к тебе пристаёт пьяный с разговором, ребята понимающе кивали.

— Я же ей не говорю правду. Мол, ты тупо доска. Да! Доска! Плоская, как доска! А смотрит всегда на меня так надменно свысока. Типа образованная. Типа если к книжкам прикасаться, то умнее станешь! Ага, как же!

Эл на автомате кивала, наслаждаясь сигаретой и мыслями о том, что вот-вот увидит друга-пингвина. Очевидно же, что этот чужак — продолжение дороги в конце которой ждёт чудесная встреча.

— Вот вы, скажите, друг друга обзываете? — Коля неожиданно показал на Леона и Эл.

— Я — никогда, — ответил Леон и положил руку на плечо Эл. — Только нежно, котенок там, или ежик. А она...ууу... то я кривой, то прыщавый, то челка у меня дурацкая, то жесты не такие.

Эл опешила от того, как он точно описал все ее претензии, и забыла вывернуться из-под его руки. К тому же, она вдруг заметила, как из нагрудного кармана квадратного мужчины выполз таракан и проследовал на спину.

— Таракан! — Прошептала Эл и уткнулась в грудь Леона, чтобы побороть подступающую дурноту. В нос ударил морской с еле уловимой леденцовой сладостью аромат туалетной воды парня. Отпустило.

— Как мило, — расплылся в улыбке Коля. — Ой, чего это я туплю. А вы это, на вечеринку не хотите? Все наши сегодня тусят! Компот льется рекой. Такого больше не повторится!

— Хотим, конечно! — Вдруг слишком воодушевленно ответил за всех Один. — И вы нас познакомите со всеми?

— Обязательно! — Сказал толстяк и стал спускаться по ступеням.

Как только мужчина отвернулся, Эл схватила руку Леона, заломала ее за спину и процедила:

— Хиросима.

— Ладно, ладно, прости, — проскулил Леон.

С порога на Эл накатила тяжелый вечериночный дух. Густой приторный воздух навел на мысль о какой-то дешевой настойке. Но в отличие от тех вечеринки, на которых раньше была Эл, музыка не долбила по ушам. Какая-то старперская песня в равных пропорциях была смешана с гамом голосов.

— Можно не разуваться. Пойдем сразу на кухню, налью компот, — позвал Коля.

Эл успела увидеть впереди вход в зал, оформленный аркой. Ее мама тоже в квартире снесла половину дверей и заменила арками — типа, так элитарнее. В зале сливались с цветомузыкой малиново-голубые контуры людей со стаканами.

— Нам сюда, налево, — потянул ее Один за рукав висевшей на бедрах толстовки.

Они оказались в узком темном коридоре с дверью в туалет. Вдруг она открылась, и на Эл выскочил высокий молодой человек в белом атласном костюме.

— Привет, новенькая? — Улыбнулся он.

Синеватый свет туалетной лампочки выделил его безупречные черты лица: ямочки на щеках, ровные зубы, пухлые губы, прямой нос, кошачьи глаза. Идеальный кандидат на роль какого-нибудь Джеймса Бонда.

«Одет странновато, — подумала Эл. — Зато не такой, как все. И в белом. А вдруг это ОН?»

— Чего молчишь, лапочка? — Прожурчал парень.

Даже если бы Эл говорила все слова мира, она не смогла бы из себя сейчас что-то выдавить.

Поэтому она лишь приветливо улыбнулась.

— Тогда приходи в себя, осваивайся и увидимся еще, да? — Подмигнул парень и исчез в арке.

Как дошла до кухни Эл не помнила, — словно ей управляли джостиком от приставки.

— Ты чего это так улыбаешься? — Спросил Леон, когда увидел ее. — Все нормально?

Эл опомнилась (ну и глупое у нее, наверное, выражение лица!), поджала губы и насколько возможно зло посмотрела на Леона.

— Да перестань уже злиться! Подумаешь — приобнял! Мне поговорить с тобой надо. — Он поманил ее в угол кухни у окна. — Тебе не кажется все это странным? Туса какая-то в заброшенном доме. Люди одеты не пойми во что! Музыка — я узнал, это кассета «Союз 21». Слышишь? «Я оглянулся посмотреть не оглянулась ли она...»? И что эта за кухня без стола и стульев?

Эл еще не отошла от встречи с возможным другом-пингвином, от которой у нее вылетели из головы даже ее тридцать слов. Поэтому она смогла только пожать плечами.

— А что странного? — Вдруг рядом с ними возник Один. Он держал два граненых стакана с жидкостью золотисто-морковного цвета. — Ну, странно одеты. Ну, слушают странную музыку. Мы, вообще-то, в Москве. Здесь на любую лабуду набегает по двести фанатов. А на вечеринку в заброшенном доме, уверен, еще и билеты на аукционе разыгрывали.

— Вечеринка в, — Леон достал телефон, — семнадцать ноль-ноль? Это утренник на хрен!

— Так утром дом снесут, потому и рано начали, чтобы гульнуть на полную катушку в последний раз — объяснил Один. — И телефон лучше спрячь.

Эл опять, как перед подъездной дверью, почувствовала тревогу. Нет, это не из-за шматков обоев, которые свисали со стен, словно устав держаться. И не из-за того, что уже пять вечера, через два часа выдвигаться к папе на День Рождения, а друг-пингвин так и не появился. Что-то вновь не так со светом. Вроде день. А в квартире цветастый полумрак. Люстры нет на потолке, плотные шторы, как в кинозалах, закрывают окна. По полу расставлены странные светильники размером с небольшую колонку. Их стенки оформлены сеткой из железных кругов, в глубине которых мельтешат желтые, голубые и красные огоньки. Если Эл и видела такие штуки раньше, то в музее или во снах, куда прорывалось бессознательное из раннего детства. Почему друг-пингвин выбрал именно это место?

Эл почувствовала, что на нее кто-то пристально смотрит. Когда она встретила взглядом с Леоном, он сказал:

— Слушай, я хочу сказать, что то, что ты сделала на уроке физики — это круто. Вообще, все, что ты делаешь — это как-то даже слишком круто. Может, потому что я не вижу смысла? Нет, я знаю, что ты не скажешь. Но просто кивни, если есть смысл.

Эл удивилась, что Леон сказал целую длинную фразу, не превознося себя и не кривляясь. И наградила парня коротким кивком.

— Черт! Мне теперь еще интересней! — Не унимался Леон. Он резко приблизился к Эл и выхватил сотовый из кармана ее джинсов. — Вот, добавляю тебе в контакты Леона Крышесносного. Можешь мне теперь вацапнуть, зачем ты здесь? Может, я помогу тебе, и мы уже свалим?

Эл выдернула у него телефон. Ей не даже думать не хотелось о том, что бы сказал Леон, знай он ее причину. Спас ситуацию Один:

— Леон, когда Эл нужно будет, она попросит тебя о помощи. А пока у тебя есть дело — найти ключ. Смотри, сколько людей вокруг. У кого-то должен быть.

Леон скрестил руки на груди и облокотился на стену:

— Эл, и все-таки, если нужна помощь, просто попроси. Мне не по себе от этого дома. Конечно, я пойду искать ключ. Но у тебя есть целых тридцать слов, чтобы хотя-бы сказать, что ты чувствуешь, или какие у тебя планы.

Эл заметила, как в коридоре мелькнул белый костюм. Ей сделалось так бездумно счастливо, что она смогла выловить из памяти только одно слово:

— Запрягай!

И девушка взяла у Одина стакан с компотом, дождалась, пока Леон возьмет свой, чокнулась с ним и, запрокинув голову, выпила все до капли.

Компот оказался на вкус как... компот. Но из чего — Эл определить не смогла. Разило чем-то детсадовским. Сухофрукты, может? Алкоголь не ощущался вообще. Но с каждым глотком Эл чувствовала, как будто... как будто ее тело меньше давит на землю. Как будто она становится в миллион раз живее. Как будто раньше на ее плечах лежал груз, и его теперь приподняли. И с глаз словно стянули пленку, которая приглушала и размывала то, что видит Эл. Цвета завибрировали оттенками, на картинке мира словно задвинули до предела ползунок резкости.

— Вау! — Допив, воскликнул Леон. — Не знаю, кто варил компот, а я бы попросил рецептик!

— Хочешь, скажу? — Вдруг обернулся к ним паренек с всклокоченными волосами и красными прожилками в глазах. Эл показалось, что он старше их на несколько лет и скорее студент, чем школьник.

— Ну, не знаю, — опешил Леон.

— Я серьезно. Вы же уже чувствуете, что зелье обещает море удовольствий? Представляете, если его для себя и друзей варить? Или, к примеру, продавать?

— Да, я хочу узнать рецепт, — твердо сказал Леон.

— Тогда помоги мне, а я помогу тебе. Меня, кстати, Алик зовут.

— Леон.

— Эл.

Одина рядом не было. А жаль — помог бы отбрить странного незнакомца. Эл парень не понравился. Руки прятал в карманах джинсов, и сквозь ткань было видно, как он постоянно перебирал пальцами. Да и слишком нервно озирается черными бегающими глазами по сторонам, вжимая голову в плечи при каждом резком звуке. Теперь пришел ее черед беспокоиться.

— Хурма и дичь, — сказала она Леону.

— Ой, кто заговорил! Теперь ты напряглась? — Леон поднял брови. Эл благодаря действию компота видела каждый волосок в них. Парню шло то, что брови на несколько тонов темнее волос. Если бы он успокоился, ничего не говорил, не ломал дебильной мимикой красивый черты... Но нет. Леон продолжал. — Если тебе все родители и так покупают, то у кого-то может быть по-другому. Поэтому решай свои проблемы, а я решу свои.

— Гоу! — ответила Эл и размашистым шагом отправилась через коридор к арке. У нее тоже есть дела. Да получше охоты за рецептом зелья.

— Так зачем я тебе сдался? — Спросил Леон Алика, когда Эл исчезла в арке.

— Давай в толчок зайдем — там спокойно поговорим, — предложил тот. И, не дожидаясь реакции, исчез в темном коридоре и просочился в туалет. Леон, задев женщину, все плечи которой были усыпаны татуировками, последовал за новым знакомым.

— А где сам толчок? — Удивился Леон, как только вошел. Алик сидел на ванной. А унитаза не было.

— Хрен его знает. Может, прорвало, и они на другой этаж ходят? Дверь закрой. И давай отвлечемся от осмотра толчка и двинемся к делу, а?

У Леона не повернулся бы язык назвать это место толчком. Стены и потолок покрывала жемчужная плитка. Раковина и ванная вычищены до блеска. Только

вместо зеркала — треугольный осколок. Эта квартирка явно поновее будет прошлого бабушатника.

— Так что за дело? — Леон посмотрел в осколок зеркала, чтобы поправит челку, и опешил. Он показался себе исключительно красивым. Таким, что глаз не отвести.

— Надо достать пастилу и ключ, — сказал Алик.

— Какую пастилу? — Спросил Леон, улыбаясь себе исподлобья — это был его любимый ракурс.

— Из которой они компот варят.

— А ключ какой? — Теперь Леон приподнял подбородок и включил надменный взгляд с поволокой. Получилось здорово.

— Блин, ты debil? От подъезда! — Начал закипать Алик.

— Сорян, у меня от этого компота странные ощущения.

— Хорошо, да?

— Ага, как будто я и вправду очень красивый, и не надо себя в этом убеждать.

— Самый приколы, что у каждого свои ощущения. — Пояснил Алик. — Те самые, которые нужны сейчас. Потрясное варево. Теперь понимаешь, как это круто можно загнать? Слушай, да оторвись хоть на секунду от зеркала! Давай нормально, как мужики, перетрем?

— Ага, — Леону пришлось повернуть голову в сторону Алика рукой. Он оставил ладонь сбоку глаза, как шору. — А ты уже говорил, зачем тебе я сдался?

— Нет, только собирался. Байда в том, что меня в этом доме недолюбливают. Мой папаня здесь живет. Я за ним иногда прошмыгиваю в подъездную дверь. Но с несколькими жильцами я испортил отношения. Жадные они больно. Устраивают драмы из-за нескольких пластинок пастилы!

— А у них-то откуда она, пастила эта?

— С бабкой уже встречался, которая на первом этаже обитает?

Леон поморщился, вспомнив ее десерт.

— Вот она-то и бодяжит пастилу. И жильцам дает, чтобы компот варили или так ели. А выносить из дома, даже за процент от продажи — ни в какую.

— Понятно, — протянул Леон. — А почему ко мне здесь лучше отнесутся? Пока я особой любви не заметил.

— Тебя убить не пытались? Выкинуть из окна?

— Нет, вроде.

— Вот, видишь. И еще я кое-что слышал. Тут есть главный по подъезду. Его Веньямин зовут. Дядька такой, похож на западного миллионера, который яхты рекламирует. Так вот когда началась вечеринка, он сказал: придут трое подростков, два парня и одна девушка, прошу их, типа, любить и жаловать.

— Ни хрена себе! Нас ждали?

— Типа того. Так что, чувак, поможешь мне? Сто косарей даю.

— Сто тысяч? — Сказав это, Леон даже забыл закрыть рот.

— Реально. Смотри, вот они, — Алик достал из внутреннего кармана пачку пятитысячных купюр.

— Блин, мне так сейчас нужны деньги!

— Так бери.

— Так я не сделал еще ничего! — Обалдел Леон.

— А я знаю, что у тебя получится. Это всегда видно. Ты парень, что надо. Красивый и талантливый, типа. Тебя ждет большое будущее.

— Ой, да ладно! — И Леон все-таки посмотрел в зеркало, чтобы увидеть свое чертовски-милое смущенное лицо.

— Прохладно! Теперь слушай сюда. — И Алик руками повернул голову Леона к себе. — С тебя ключ. Совершенно точно про него знает худая девушка в серебристом платье. Подкати к ней, как ты умеешь, с этой своей челочкой. На танец пригласи. А потом скажи, ну, типа, за букетом хочешь ей сгонять.

— Я знаю, что с девушками делать. — Леон сделал шаг назад. Из рта Алика несло какой-то кислятиной. — Только я вместе с тобой из подъезда выйду, хорошо?

— Мне че, жалко, что ли. Заметано. Я тебя скоро найду. — И Алик вышел из уборной.

— Ой, какое красивое у тебя платье сегодня! Новое? — Взвизгнула высокая смуглая девушка в длинном и узком розовом платье.

Эл только зашла в арку, но вопрос был адресован явно не ей. Рядом отозвалась полная девушка в потертом джинсовом сарафане.

— Ты бы бирку сняла прежде чем умничать! Твою шкуру дохлого фламинго никто так и не решился одеть! — Съязвила она.

— Все равно я красивей, — смуглянка вздернула нос и чинно пошла прочь. Девушка утыкалась ногами в ткань, рискуя упасть при каждом шаге. Эл

подумала, что никогда в жизни не наденет узкое платье. А сидеть-то в нем как? А если через забор надо перелезть?

— Дичь, — вырвалось у нее.

— Согласна! — Поддержала ее полная девушка в сарафане. — Тут, вообще, со вкусом у многих проблемы. Меня, кстати, Ли зовут. А тебя?

— Эл.

— Обожаю короткие имена. Пойдем, я тебе про всех тут расскажу.

И Ли взяла руку Эл своей шершавой ладонью и затараторила:

— В правом углу у нас типа семейное сборище. Кружок тех, у кого есть пара, рады они этому или нет. Этого толстяка зовут Коля. Вечно ссорится со своей доскоподобной подружкой — Полей. Она начитанная и изящная, и до смерти любит Колю. Это, по ее же словам, полный абзац. Ведь он толстый и одет черти во что, и вечно из его карманов какая-то муть вываливается. Совершенно не интеллигент. А этот, что в красном костюме с черным блином волос и по сторонам головой вертит — барон Фон Тел. Крайне важная фигура в нашей тусовке. Отвечает за связи с внешним миром. Фигово получается, за что его и пилит его подружка.

Эл пригляделась и увидела, что даже бритую голову Киры покрывают темные узоры, а точнее, цифры и буквы. Ей неожиданно понравилось на этой вечеринке. И дешевая светомузыка, и странные, как на кухне, светильники, были в тему. И люди в странной одежде смотрелись очень даже прикольно. Как будто у них есть какие-то свои интересы и цели, кроме тех, чтобы собрать лайки, замутить с крутым парнем или поступить в престижный вуз.

— Продолжаем, — Ли с Эл встали посередине комнаты, рядом с огромной лампой-фонтаном из светодиодов, которые переливались красным, зеленым, синим и желтым цветами. — Про всех я, конечно, не расскажу. А про некоторых и сказать нечего. Чистые обыватели. Как, к примеру, вон тот обрюзгший мужчина в рыже-коричневом костюме и его подружка, под стать и под цвет ему. Давай лучше про молодежь. Ой.

Ли вдрогнула и порывисто вздохнула. Эл увидела, что ее кожа синее, приближаясь цветом к джинсовому сарафану.

— Скорую? — Воскликнула Эл.

Ли завертела головой и прохрипела:

— Не надо. Я ща.

И побежала на кухню.

Эл осталась стоять одна посередине вечеринки. Из кассетного магнитофона потекла песня «Потому что нельзя быть на свете красивой такой». Она заметила Леона. Парень подошел к девушке в серебристом платье и пригласил на танец. Эл решила еще немного полавировать между людьми. Вдруг случайно натолкнется на кого-нибудь? На кого-нибудь в белом костюме с ослепительной улыбкой.

— Ле-он, — протянул кто-то тихо и мелодично, и заржал в голос.

Эл прислушалась. Музыка мешала разобрать все слова.

— Ага, ну, когда они к бабушке ломились, — продолжал цедить приземистый мужчина в круглой шапке, заляпанной краской. — А он такой: «вы слышали! Нет, вы слышали — он назвал мое имя!» — И мужчина согнулся в беззвучном хохоте. Все восемь человек, что были с ним в кругу, тоже заржали.

— Вов, дай я расскажу, — отдышавшись, предложила девушка в платье со светодиодами. Они мигали в полумраке и никто не смотрел в ее сторону, чтобы не сломать глаза. — Она трогает... холодная... потом его руку прикладывает ... как ошпар... Ой, я не могу! За ними следить одно удовольствие. Федь, расскажи свою историю.

Эл, заслушавшись, чуть не врезалась в Леона, танцующего с девушкой. До нее долетели отрывки их разговора.

— Только живая роза. Только живая роза должна как можно скорее оказаться в твоих волосах. Мне надо срочно в цветочный ларек. Но я потерял свой ключ от дома.

Потом Эл услышала слова мужчины в зеленых джинсах и водолазке того же цвета с воротом:

— Вы бы видели, как ее глаза округлились, когда фикус на каких-то пару метров подвинулся! Вот умора была!

— Есть только два способа прожить жизнь, — заявила подружка Коли. Эл вспомнила, что ее зовут поля. — Первый — будто чудес не существует. Второй — будто кругом одни чудеса. — И смущенно добавила, заметив, что на нее все странно смотрят. — Альберт Эйнштейн.

Музыка стихла.

— Сейчас, кассета закончилась, — сказал мужчина в круглой шапке, который смеялся над Леоном. — Я заменю.

Эл схватила Леона за руку, отклеив от блондинки в серебристом платье. Где же им поговорить? Эл увидела приоткрытую дверь, заглянула — никого, и затащила туда Леона.

Он высвободил руку, прислонился к двери, закрыв ее и странно сказал:

— Мне как раз тоже надо с тобой поговорить, Эл.

Глава 7

Фо риалз

Эл достала из кармана телефон и быстро напечатала:

— За нами следят. Нельзя. Алик. — И показала текст Леону.

— В отличие от тебя, — ответил Леон. — Я уважаю собеседников и говорю с ними с помощью рта. И откуда мне знать, что ты не врешь?

Эл нахмурилась, придав лицу выражение «не понимаю, о чем ты».

— Ах не понимаешь! — Леон расстегнул манжеты рубашки и начал аккуратно закатывать их к локтям. — А я про ключик.

Рука Эл дернулась к карману джинсов, но девушка вовремя спохватилась и потуже затянула толстовку на бедрах. Потом напечатала на телефоне сообщение для Леона:

— Я скажу, где ключ, если без Алика.

— Да я знаю, где ключ, — напряженно и ласково сказал Леон. — Мне моя новая знакомая сказала. Она типа чувствует, что он у тебя. Да я и сам знал. Ты, вообще, Эл, для меня как разлоченный айфон. Все на интерфейсе написано. Давай-ка мне ключ, — Леон протянул ладонь и добавил совсем не приветливо, — пока я еще добрый.

— Хурма, — огрызнулась Эл и мотнула головой, чтобы осмотреть комнату. Слева от нее стоял разложенный диван. Справа — письменный стол. Больше мебели или предметов в комнате не было. Даже какой-нибудь подушки, чтобы кинуть и отвлечь.

Леон сделала шаг к ней.

— Последнее предупреждение, Любовь Любимова, и я забираю ключ сам.

Он назвал ее настоящим именем! Ну, все! Она сама за это кому угодно глаза выцарапает.

— Хиросима, — прошипела она и направила ногу в пах обидчику.

Леон подставил локоть. По щиколотке девушки разошлась тупая боль.

— Просто дай ключ, — сказал парень.

— Пожар...! — Попыталась заорать Эл, но Леон бросился на нее, закрыл рот рукой и повалил на диван.

Взлетело облачко пыли и скрипуче вздохнули старые пружины. Леон чихнул. Эл вывернулась и попыталась уползти, но одноклассник схватил ее за талию и притянул к себе. Она лягнула назад, что есть мочи. Попала! Леон ругнулся и согнулся пополам. Эл воспользовалась передышкой, спрыгнула с дивана и побежала к двери.

Но врезалась в Алика.

— Как удачно я зашел! Помочь справиться с девчонкой? — Спросил он, хрустнув шеей.

— Не трогай ее, я сам! — Крикнул Леон, подбежал к Эл сзади, зажал руками, как в тиски, приподнял над землей и бросил на диван. Лицо девушки обожгло грубой обшивкой. Нос и глаза зачесались от пыли. Леон рывком развернул Эл лицом к потолку и сел сверху. Одной рукой придавил ее руки к дивану над головой, другой откинул толстовку с кармана.

— Не дури, а то хуже будет! — Сказал он.

— Таракан! — Завизжала Эл.

— Где? — Растерялся Леон.

Эл высвободила руку и врезала ему кулаком в глаз.

— Ау! — Леон прижал ладонь к глазу, а второй рукой блокировал новые попытки Эл ударить его.

— Да что ты с ней цацкаешься? — Алик запрыгнул на диван.

Леон теперь не знал, от кого отбиваться:

— Уйди, я же сказал, сам справлюсь!

И они завертелись втроем на диване, колошматя друг друга.

Эл почувствовала, как чья-то рука пролезла в карман джинсов и вынула ключ. Алик встал с дивана, в два шага оказался у двери, обернулся, поднял две руки. В одной был ключ, в другой — пачка денег.

— Спасибо, ребятки! Вы прелесть! — И скрылся за дверью.

Леон медленно поднялся, сел на край дивана, положив локти на колени и опустив голову. Эл уже занесла руку, чтобы врезать ему хорошенько по незащищенной спине. Но заметила, что парень как будто трясется. Она слезла с дивана, обошла его и села на корточки, чтобы хотя бы сказать ему в глаза что-то гадкое. Но увидев выражение лица парня, передумала. Под правым глазом у него наливался фингал. В нижних ресницах дрожали слезы.

— Скорую? — Спросила Эл. Это слово было единственным в ее словаре предложением помощи.

— Ты не представляешь, как мне нужны были эти деньги.

Он поднялся с дивана и пошел к выходу. Схватился за ручку и замер.

— Держите вора! — Заверещал кто-то за дверью. Послышались звуки борьбы.

— Коля, за руки! Фон Тел — держи плечи. Поднимаем! — Командовал высокий мужской голос. — Ли, открой дверь на балкон.

Эл подбежала к Леону. Алика же сейчас выкинут в окно! Парень и девушка высунулись из двери и увидели, как подошвы ботинок вора исчезают на балконе. А потом раздался крик Алика. И звон стекла. И снова крик...

Леон и Эл с ужасом посмотрели друг на друга. И это был приятный, объединяющий ужас — когда беда чудом прошла мимо.

Первым с балкона вышел Коля. Заметив ребят, он поспешил их успокоить:

— Не волнуйтесь, не разобьется. Второй этаж. Плюс компот задержит. Идите скорее к нам.

Как под действием заклинания подчинения Эл с Леоном вышли в зал.

— Лучше их слушаться, — шепнул ей Леон. Эл еле заметно кивнула в ответ.

— Вы чего? — Подбежала к ним Ли в джинсовом сарафане. — Из-за этого подонка так расстроились? А что с этим вором делать-то надо было, если он правила дома нарушал? Или вы ему сочувствуете?

Эл с Леоном что есть мочи завертели головами.

— Правильно, не переживай, Леон, — к нему подошла и обняла за талию миниатюрная блондинка в серебристом платье, с которой он танцевал. — Ты пытался его остановить? Это так... героически.

— А давайте, чтобы отвлечь ребят, сыграем во что-нибудь? — Раздался рядом с Эл бархатный, удивительно приятный, мужской голос. И его обладатель положил Эл руку на плечо.

Девушка обернулась и увидела того самого мужчину в белом костюме, которого встретила в коридоре — с красивыми чертами лица. Может быть, даже друга-пингвина.

— Зовите меня Вилли, — представился он и одарил Эл улыбкой, а Леону пожал руку. — Садимся и играем? — спросил он уже всех в зале.

— Да! Бутылочка! Коля, у тебя нет бутылки? Найдите бутылку! — Послышались оживленные голоса со всех сторон.

Участники вечеринки начали опускаться на пол. Только одна девушка в длинном розовом платье осталась стоять, чему очень радовалась удобно развалившаяся рядом Ли. Эл презирала игру «бутылочку». Как можно хотеть целоваться со всеми подряд? Да еще и у других на виду! Но сейчас ее наполняла такая легкость, что даже если барона Фон Тела надо будет чмокнуть, то что такого? Или толстяка Колю — почему-бы и нет? Весело же! А если уж Вилли выпадет... Эл даже улыбнулась от этой мысли.

— Кто начнет? — Звонко спросил приземистый мужчина в шапочке. Тот самый, который рассказывал про звонок и Леона. — Если никто не хочет, тогда я!

И он крутанул бутылочку. Стекло загремело по ламинату. Эл растворилась в моменте и любовалась, как скользят в воздухе, догоняя бутылочку, зеленые полосы. Постепенно след растворился, очертания стекла стали четкими и горлышко застыло. Все проследили, на кого оно указало. Кира. Лысая девушка в татуировках. Которая с Фон Телом. Она, по-мужски ухмыляясь, вышла в центр круга. Мужчина, поправив шапочку, подошел к ней. Ей пришлось пригнуться, а ему встать на цыпочки. Ого! Они поцеловались не просто «чмоком», а всасос! Несколько секунд висела напряженная тишина. Хотя, может, только Эл она казалась напряженной? Леон шепнул ей:

— Расслабься, перестань хмуриться, это всего навсего игра. И, кстати, спасибо. Если бы не ты, я бы летел с балкона вместе с Аликом.

От этих слов морщинки между бровями Эл растеклись и пропали. Эл осознала, что готова поцеловаться на людях по-настоящему.

Кира вернулась на свое место раскрутила бутылочку. Когда горлышко уже еле ползло, Эл поняла, что сейчас настанет ее очередь. А к поцелую с девушкой она была точно не готова! Слишком много всего в один день! Эл уже напрягла ноги, чтобы подскочить и бежать. Но опасность миновала. Целоваться выпало тому, кто слева от нее — Вилли.

Вилли вышел в центр. Костюм на мужчине сидел умопомрачительно — как на каком-нибудь Кембербатче. Когда к нему приблизилась Кира, он мягко обнял ее, развернул и наклонил вбок. Придерживая голову партнерши, Вилли поцеловал ее так нежно и красиво, как бывает только в старинном кино. Фон Тел что-то недовольно пробурчал. А Эл совершенно не чувствовала ревности. Она воспринимала происходящее как тизер — вот так ей скоро будет хорошо.

После поцелуя Вилли прижал руку к сердцу и склонил голову на бок. Кира, опешив от такого галантного обращения, неловко присела и руками изобразила, что раздвигает юбочку. Мужчина вернулся на свое место и повернулся к Эл:

— Готова?

Эл подняла брови — к чему это ей надо готовиться?

— Готова увидеть мастера бутылочки в полной красе! — И он крутанул бутылочку. Эл почувствовала, как заходится пупырышками мурашек кожа на руках. Без дребезга, мягко бутылочка прошуршала три круга и указала на нее. Эл попробовала встать, но из ног как будто удалили мышцы и кости. Напротив вырос Вилли и протянул ей две руки. Эл крепко схватилась, и, даже оказавшись на ногах, не отпустила его ладоней. Она зажмурилась и вытянула губы трубочкой.

— Подожди, не так быстро, — сказал Вилли тихо-тихо, чтобы слышала только она. — Это же наш первый поцелуй — давай сделаем его особенным. Я начну. А ты считай до десяти. И только потом отвечай.

И он поцеловал ее сначала в правый уголок рта. Один, два. Провел языком по сухим губам. Три, четыре. Скользнул руками к лопаткам и прижал Эл ближе к себе. Пять, шесть. Проник языком в рот и провел по зубам. Семь-восемь. Еще сильнее прижал и уже по-настоящему, по-французски, взасос, поцеловал. И Эл ответила. И было так сладко, так упруго, так легко, что она зажмурилась и перестала думать. Как же хорошо в томной пустоте — без мыслей и страхов. Эл опомнилась, когда услышала песню группы «Ногу свело». Она отстранилась от Вилли и оглянулась. Все вокруг танцевали. Вилли улыбался, довольный как слон.

— Понравилось?

Эл кивнула и улыбнулась в ответ. Вдруг Вилли вздрогнул всем телом. Руки мужчины на долю секунды стали твердыми и тяжелыми. Эл увидела, как расширились его зрачки, как заметался взгляд. Вилли оттолкнул ее и скрылся между танцующими. Она бросилась за ним, но врезалась в Колю:

— Эй, хватит целоваться, давай танцевать, — и он попытался взять ее за руки.

Но Эл обогнула квадратного мужчину, снова врезалась в кого-то. Это оказалась Ли:

— Я смотрю, тебе здесь нравится, — подмигнула она.

Эл, не ответив, нырнула под ее руку. Не выпрямляясь, девушка добралась до арки, ведущей в коридор. Она успела увидеть, как закрывается дверь в туалет, побежала к ней, схватилась за ручку, со всей мочи дернула на себя и... отлетела к стене. Дверь оказалась не заперта. Затылок затрещал и взорвался болью, перед глазами помутнело. Эл сделала глубокий вдох, несколько раз с силой открыла и закрыла глаза — картинка тусклого коридора восстановилась. Она заглянула в туалет. Там никого не было. Унитаз, раковина, ванная — даже спрятаться негде. Наверное, Вилли убежал на лестницу, из дома. И, если он убежал, то зачем она гонится за ним? Ведь если убегал, значит, хотел убежать? Значит, Эл оказалась в реале не такой, как он ожидал. Может, обиделся, что она выглядит так буднично? Ведь он для нее старался — оделся красиво. А что она? Да как она, вообще, возомнила, что кому-то нормальному может понравиться? Эл села на край ванной и часто заморгала. Нет, не плакать же здесь, в чужом доме! Вот бы оказаться у себя в комнате! С торшером, со стеной в стикерах. Почти год она следует своим принципам. Эта стена говорит ей о том, что Эл сильная. Но слезы все равно текут по щекам. Так просто не может быть. Он мог объяснить. Всего один поцелуй и бежать — так не бывает.

Дверь в туалет открылась. Вошел Один. Эл не видела его с тех пор, как появился Алик.

— Привет, — Один сел рядом на ванную. — Я ходил дальше осматривать дом, вернулся, когда вы заканчивали играть в бутылочку. Я видел, да. И хочу сказать, что все на самом деле хорошо. Что ты встретишь того, кого ищешь.

Эл резко повернулась к нему. Хотелось прямо заорать, откуда он-то знает!

— Потому что я встретил его. И он не такой слащавый, как этот Вилли. Однозначно, подходит тебе больше. И он держит обещания. Он как-то сказал тебе, что встреча с ним изменит всю твою жизнь. Вот такая это будет встреча. А еще он пообещал помощь своему другу, который живет в этом доме. Его зовут Вениамин. И так оказалось, что только ты можешь исполнить его просьбу. И он, твой друг, попросил меня спросить тебя, ты согласна?

Эл завертела головой. Ей хотелось сказать, что это дичь, или хурма, или манипуляция. Что это уже слишком. Завибрировал телефон.

«Один говорит правду» — написал друг-пингвин.

Эл подошла к раковине и включила холодную воду. Зачерпнула воды ладонями и выплеснула на лицо.

— Ой, толчок появился, — слышался голос Леона. — Как дела Эл? Тебя принц, случайно, не расколдовал? К тебе вернулся дар речи?

Эл зачерпнула еще холодной воды и плеснула шутнику в лицо

— Хорошо-то как! — Леон затряс головой так, что полетели брызги. — Я, конечно, потеплее люблю, но и на том спасибо. Жаркая пати! Отойди, немного, Эл. — И он снова уставился на себя в осколок зеркала. Сначала расстроился из-за фингала, но приноровился смотреть в полоборота слегка наклонив голову. Получалось одновременно зловеще и соблазнительно.

Эл закатила глаза и отошла.

— Он тоже должен пойти. Мы втроем идем. — Сказал Один. — Типа, тебе понадобится помощь.

— В чем? — Спросил Леон, укладывая растрепавшуюся челку.

— Чтобы получить ключ, нам надо помочь хозяину дома, — ответил Один.

Эл благодарно посмотрела на одноклассника — тот не выдал ее секрета.

— Да уж, выбраться очень хочется. Я столько материала наснимал уже. Руки чешутся смонтировать. Да и здесь мне все-таки не по себе. Вдруг че не так сделаешь — сразу в окно.

— Бурууум, — сказала Эл с интонацией «Пойдем уже».

— Иду, иду! Прямо посмотреть на себя нельзя! Нет, ну скажи, честно, я ведь офигенный?

Эл осмотрела его лицо с фингалом под правым глазом, по которому стекали капли воды и сказала:

— Фо риалз.

Глава 8

Полный дамблдор

На площадке между вторым и третьим этажами теперь стояли изысканные зеленые кресла, как в дорогих ресторанах, а между ними пустая банка из-под консервированной кукурузы.

— Как хотите, а я покурю, — сказал Леон, и плюхнулся в одно из них.

— Только быстрее, — попросил Один.

Эл тоже достала пачку — собраться с мыслями не мешает. И ей нравилось, что в этом доме можно не прятаться с сигаретой, не бояться, что заметит кто-то знакомый. От этого курить было гораздо приятнее.

Раздались шаги. С первого этажа кто-то поднимался.

Леон спрятал сигарету.

— Это не бабушка? Я до сих пор леденею от ужаса, как ее вспоминаю.

Один посмотрел вниз.

— Нет, это как раз тот, кому нужна наша помощь.

К ним приближался высокий мужчина средних лет. Эл встала напротив лестницы, чтобы рассмотреть незнакомца. Нет, это точно не друг-пингвин. Слишком старый. В жестах и одежде мужчины было столько небрежного лоска, что Эл скорее могла его представить в небоскребе Манхетенна, чем в заброшенной пятиэтажке. Ее папа очень хотел таким казаться. Но у него получалось нелепо. Блин! Эл достала сотовый и проверила время: восемнадцать пятнадцать. Еще час и ей бежать в ресторан. А она даже не встретила друга-пингвина!

— Вот сотовыми я бы здесь поаккуратнее тряс — до добра не доводит, — проговорил незнакомец низким голосом. Он вырос над подростками и пристально осмотрел каждого. Эл почувствовала себя экспонатом в музее. Чтобы как-то отгородиться от навязчивого внимания, девушка затянулась.

— И зачем ты эту татуировку сделала? — Спросил мужчина. — Считаешь, так красивей будешь? А ты подумала, как на взрослой женщине эта срань будет смотреться? Вдруг ты захочешь в крутой компании работать, в банке каком-нибудь?

Эл так хотелось ответить что-то вроде: «А что, в банках обязательно раздеваться?» Но не отступаться же от принципов из-за очередного кандидата научить ее жизни.

— Вас ведь Вениамин зовут? — Спросил Леон. Парень приосанился, как будто его этот мужик нанимал на работу. — А расскажите поподробнее о том, что нам предстоит сделать?

— Вам надо привести ко мне одну девушку. Вот прямо сюда. Я буду ждать, — и он сел в кресло рядом с Леоном и погладил широкими ладонями подлокотники. — Угостите сигареткой?

Эл протянула пачку.

— LM синий? На нормальные сигареты не хватает? Вот лучше бы родительские деньги на еду приличную тратили. А то жрете, небось, в макдональдсах, а остальное спускаете на бухло и курево.

Эл подрывало сорваться и уйти. Это ж надо! Обращаться за помощью и измываться! И парни молчат, как бараны. Боятся возразить.

— Пожалуйста, объясните, что нам нужно сделать, — попросил Один. Он-то чего лебезит перед этим придурком? Леон понятно: ему бабло — как кобре дудка.

— Здесь живет одна девушка, — совершенно другим голосом, тихим и мягким, сказал Вениамин. — И я ее люблю. А она на меня часто обижается. Дело в том, что ей многого нельзя. Она... как бы это лучше сказать... болеет. И я знаю, как ее можно вылечить. Но она, как это часто бывает, не хочет лечиться. И вот за это она убегает от меня. Наверх. А я туда ходить не могу. По своим причинам. А сейчас она мне как никогда нужна. И не только мне. Даже вам нужна.

— Полная хурма, — вырвалось у Эл.

Вениамин скосил на нее глаза, потом поднял брови, поджал губы, придав лицу выражение "капец, с каким быдлом мне приходится работать." Выдержав паузу, он проговорил:

— Приведите ее хотя бы для того, чтобы я дал то, что вам нужно. Эл, я прекрасно знаю, как долго ты уже терпишь. И скоро, поверь, все закончится. Леон, мне известно, что случилось с Аликом. Помоги мне, и тебе не придется проворачивать сомнительные делишки, чтобы получить нужную сумму. Один, с тобой мы уже говорили.

Ребята молчали. Эл не понравилось, что надо тащить живую девушку к этому мужику. Во-первых, как она ее убедит? Слов-то у нее всего тридцать!

— Веронике, так зовут эту девушку, — продолжил Вениамин. — Позарез нужно поговорить с Эл. Поэтому она точно объявится и не будет от вас убегать. А там вы что-нибудь придумаете. Ну, что? Согласны? Вероника приходит ко мне, а вы получаете, что хотите?

Эл бросила бычок в банку и поплелась вверх. Ей не хотелось ничего обещать этому мужику. Ей не нравились все эти хитросплетения. От этого за версту тянуло манипуляцией. Разве она отказалась бы помочь другу-пингвину потом, после встречи? Почему он ее держит за кролика? Вдруг одна страшная мысль возникла у нее в голове. Эл выхватила сотовый и набрала друга-пингвина. Так она не делала никогда. Это второе из условий после «никто не должен знать о друге-пингвине» — «не звонить другу-пингвину». Но первое в этом доме не работает — тут все кому не попадя знают их секрет. Значит, и позвонить можно. Казалось, само сердце у нее покрылось капельками пота,

когда она набирала ему. Длинные гудки. Эл прислушалась. Вроде тихо. Ну, если бы Один так не шаркал!

— Ого, у тебя сеть есть? — Воскликнул Леон. — У меня нет. Я пытался друзьям набрать, чтобы вытащили. Не получилось. А сейчас уже и не хочется. Мужик выглядит достойно — обещает ништяки. А тебе чего не нравится? Не слезай сейчас, а, Эл? Давай дело сделаем и разбежимся.

— Бурум, — отозвалась Эл. Ей стало легче. Теперь хотя бы она знала, что не этот разодетый старпер ей манипулирует.

Один, поравнявшись с ней, кивнул на телефон:

— Лучше спрячь. Здесь не любят. И нам вот в эту квартиру, — он указал на бежевую металлическую дверь.

Леон нажал на звонок. Этот противно затрещал, не пытаясь произнести чье-то имя.

Никто не открыл. Леон еще раз позвонил. Эл прикрыла уши, чтобы не слышать этой мерзости. Один отошел от двери и крикнул Вениамину:

— Никто не открывает!

— А там никогда не заперто — заходите так, — ответил мужчина.

И они вошли внутрь. Эл зажмурилась — по глазам зарядили сотни огней и отблесков. Без какой-либо прихожей, с порога, начинался просторный танцевальный зал. По стенам — в несколько рядов, до высоких потолков, тянулись канделябры с искусственными свечами. Их свет отражался в зеркалах, пошедших трещинами, и мерцал в начищенном до блеска паркете. Чуть слышно играла легкая классическая музыка, но никто не танцевал. Пахло необычно: потом, но легко, солено, как чипсами. И еще штукой, которой натирают лыжи.

У зеркальной стены с длинным поручнем, разминались танцоры. Напротив, в огромных окнах от пола до потолка скользили строительные краны. Словно под музыку кружили машинки и люди вдалеке. Эл подумала, что снаружи этих окон не видно. А ведь кто-то, может быть, не раз смотрел на нее сквозь невидимые окна дома под снос и воспринимал как часть большого танца. Погрузиться в размышления помешал один из танцоров — низкий мужчина в черном смокинге:

— Вау! У нас новенькие! Какими судьбами? Что умеете танцевать?

Опять эти вопросы! Хорошо, что Леон рядом.

— Вальс, мы пришли танцевать вальс.

Нет, плохо, что он рядом! Какой вальс?

— Отлично! Мы как раз собирались с него начать.

К ним кошачьим шагом подошел высокий мужчина. Он был одет в обтягивающие черные лосины и белую майку-алкоголичку. Если бы существовали эльфы, то он точно им бы был. Треугольную форму лица подчеркивали заостренные уши. Линия волос на лбу образовывала идеальный по форме верх сердечка. Губы были пухлые, резко очерченные. А мягкая волна зачесанных назад волос спорила с жестким взглядом черных глаз. Двигался он подчеркнуто лениво. Но при каждом жесте по всему телу выделялись бугры мышц.

— Называйте меня Таинский. И, пожалуйста, со следующим шагом оставьте все, что вы знали о мире за этой дверью. Девушка, — обратился он к Эл, — вы знаете о том, что у вас есть позвоночник?

Мужчина подошел к ней сзади, собрал ее волосы в кулак и потянул вверх, отчего Эл невольно вытянулась.

— Вот так лучше. И, позволь, я тебе волосы соберу, — Эл почувствовала, как резинка стягивает на макушке хвост. Ничего такого она, конечно, позволять не собиралась. Поэтому вырвалась и сорвала с волос резинку.

— Нет, я не могу так работать! Мне дали учить танцевать дикообраза! — Манерно произнес мужчина.

Эл чуть не ответила, что никто не просил ее учить танцевать. Когда же кто-нибудь из парней догадается спросить про Веронику?!

— А вы, случайно, не видели девушку по имени Вероника? — Спросил, наконец, Один.

— Конечно, видел, — ответил танцор. — Но в том-то и дело, что она покажется всем нам, когда вот эта взбалмошная барышня научится танцевать.

— Я его в вечернем Урганте видел, — шепнул Леон Эл. — Он знаменитость, соглашайся.

— Хурма, — презрительно ответила Эл и отвернулась, скрестив руки.

— Она будет танцевать, — вслух сказал Один. — Просто не надо ограничивать ее свободу. Она от этого бесится.

— А почему она сама не сказала мне об этом? — Спросил Таинский, наклонив голову к плечу и скользя взглядом по Эл.

— Она решила, что для общения с миром ей достаточно двадцати пяти слов, — пояснил Один.

Таинский улыбнулся:

— А имя твое входит в эти двадцать пять?

— Эл, — буркнула Эл, не поворачиваясь.

— А, знаешь, Эл, мне нравится твой подход. Это правильно, — он аккуратно разложил ее волосы по плечам. От еле ощутимых прикосновений по телу Эл словно прошел электрический разряд. Таинский продолжал, мягко массируя и отводя назад ее плечи. — Ограничить свою свободу, чтобы стать еще более свободным. Понимаешь, танец — это тоже самое. Ты делаешь определенные движения, подчиняясь ритму и настроению музыки. — Мужчина обошел девушку и за несколько секунд оказался внизу, разведя ноги в шпагат. — Это же по сути унижение, да? Но тебе же не пять лет? Ты уже поняла, что мы все перед кем-то или чем-то унижаемся?

Таинский чуть завалился на бок, согнул ноги, нырнул в мягкий кувырок, выпрямился перед Эл и протянул ей руку.

— Ну что? Разрешишь мне показать тебе моего кукловода? Научить моей свободе?

Эл польстило, что мужчина разговаривает с ней на равных. И при этом обозначает очень верные вещи, которые она никогда не слышала от взрослых.

Она медленно кивнула и положила свою ладонь в его. Он повел ее в центр зала.

— Эй, Лола и Шарлотта, парней возьмите на себя.

Девушка в платье со светодиодами, знакомая Эл по вечеринке и новая девушка в плиссированном бордовом платье прошелестели мимо. Один чихнул — одноклассников ощутимо обдало старинными резкими духами. Та, что была в бордовом платье, смерила Эл полным презрения взглядом и процедила:

— Буратино!

А ее подруга добавила:

— Да к тому же толстый!

И они обе залились жеманным смехом.

Эл придумала шикарный ответ — платье у девушки было точь в точь как штора в ЗАГСе, где она была на свадьбе у какого-то родственника. Но и эта остроумная реплика так и останется при ней.

От размышлений ее отвлек Таинский:

— А лабуду-то бесформенную с бедер снять можно?

Эл развязала узел и отдала мужчине толстовку. Он бросил ее в сторону. Эл показалось, что толстовка зависла в воздухе, прежде чем упасть. Как в кино, когда летящий предмет снимают замедленно. Таинский приказал:

— Спину выпрями, вот так. Теперь положи руки на мои, вот так. Ты сейчас сделаешь шаг назад левой ногой, вот так. Теперь в бок правой. И приставь левую ногу. Ты заметила, что ты сделала?

Эл замотала головой.

— Ты не просто шагала, а как бы скользила и при этом приседала. Ты раньше занималась?

Эл снова замотала головой. В детстве мама ее притащила на танцы, но Эл достойно выдержала это испытание — просидела в углу три занятия подряд.

— А зря. Такой сильный стержень с такой грацией — залог успеха в танцах. Продолжаем. Левая назад, правая вбок, приставить. В принципе, все. Хотя нет, самое сложное. Для тебя. Я буду вести, а тебе надо просто довериться мне.

И он крепче сжал ее руки, толкнул ее ногу своей. Эл потеряла равновесие и чуть не упала, потом завалилась вбок — Таинский уже шагнул другой ногой. Девушка брякнулась на пол.

— Нет! — Эл встала на ноги, сделала шаг назад и подняла руки вверх.

— Я правильно понял, что у тебя не получилось один раз и ты говоришь «нет»? — Уточнил Таинский.

— Нет! — Крикнула Эл. Ей не хотелось позориться перед одноклассниками. Ей не приятно было то, что она такая неловкая и несуразная! Она никогда не танцевала и не будет!

— Окей! Только с таким подходом ты никогда ничего не добьешься. Даже своих мелких целей, которые тебя сюда привели.

И танцор лениво пошел от нее.

— Музыку! — Заорал он.

И Эл оглушил вальс. Она не видела колонок. Как будто сам воздух заливал в ее уши эту гадкую старперскую музыку. Она, как в детстве, села на пол и скрестила руки. Танцор подхватил одну из стройных девушек у стены и закружил в вальсе. Конечно, она хотела бы так танцевать. Конечно, она хотела бы рисовать, петь или что-там умеют все, кроме нее.

— А со мной попробуешь? — Перед ней на корточки присел Один.

— Бурум? — Презрительно спросила Эл.

— Да, я танцевал. Раньше. Даже на соревнованиях выступал. Давай. Нам нужна эта тетка. Чтобы она появилась, надо всего лишь затанцевать. Тебе просто кто-то внушил, что ты должна быть идеальна или не быть вообще. А мы сделаем пару кружков и отстреляемся.

С Одином было не страшно. Эл поднялась. Один вкрадчиво заговорил:

— Давай, одну руку мне в ладонь. Дальше я кладу руку тебе на лопатку, а ты мне на плечо. Мы сделаем пару кругов и готово. Давай ты закроешь глаза? И я буду просто говорить, что тебе делать. Левая нога назад. Правая вбок. Приставили. Правая нога вперед. Левая вбок. Приставили. Это нормально, что ты наступаешь мне на ноги. Я пять лет всем наступал, прежде чем чему-то научился. Просто расслабься. Поехали сначала. Левая назад. Правая вбок...

Эл с удивлением заметила, что у нее получается двигаться под музыку. Через несколько кругов она уже не наступала парню на ноги. Один поднял ее руку над головой и она, вспомнив, как это делают в кино, прокрутилась вокруг своей оси и... как-будто что-то толкнуло ее снизу, в подошвы кед. Она оступилась и упала.

— Все падают, — мягко сказал Один.

Эл хотелось объяснить, что это не она — это воздух, но даже всеми словами тут сложно было бы. Поэтому она поднялась и снова встала на исходную.

— Сейчас начнут происходить странные вещи, это нормально, меня предупредили, — сказал Один.

Эл вопросительно посмотрела на него. Хотелось бы знать побольше!

— Понимаешь, есть вещи, которые даже всеми словами не объяснишь.

И тут рядом заорал Леон:

— Что это было? Меня кто-то пнул в ноги! Снизу! И потянул! Вверх!

Эл с Одином рассмеялись.

— Ну, ладно, просто у Леона язык так подвешен — говорить о своих чувствах без барьеров, — оправдался Один. — А то, что будет происходить — прикольно. Точно не хурма. Тебе понравится. Если по-простому, то мы начнем танцевать и будем потихоньку отрываться от земли. Чтобы не упасть, надо всего лишь продолжать танцевать.

— Охренеть! — Воскликнул рядом Леон. Ему, видимо, объяснили тоже самое.

— Готова? — Спросил Один.

Эл сделала глубокий вдох.

Левая назад. Правая вбок. Приставить. Правая вперед. Левая вбок. Приставить. Проворот. И очень медленный прыжок. Только это не она прыгнула, а ее прыгнули.

— Не думай. Просто левая назад. Правая вбок. Вот-так, — шептал в ухо Один. А ноги каждый раз скользили вверх. Тело потеряло вес. Стало как-то нереально легко. В коленях, в животе, между лопатками, под волосами на голове. Эл перестала думать о ногах, они двигались сами. Она запрокинула голову наверх. Где-то высоко сверкали люстры. Она чувствовала их теплый свет на щеках. Мимо прокружил Леон с девушкой в сверкающем платье. Он крикнул Эл:

— Ну что, в твоём словаре есть, чем такое описать?

Они с Одним кружились с такой скоростью, и было так странно и хорошо, что Эл не сразу вспомнила нужных слов. Хотя совершенно точно, что-то было. Вдруг Один подхватил ее под плечами и подкинул вверх. Она взлетела, сделала кувырок в воздухе и легко опустилась на руки к Одину.

— Полный Дамблдор! — Прокричала Эл и счастливо рассмеялась. Один поставил ее на ноги. Теперь удерживать равновесие не составляла никакого труда. Как езда на велосипеде — чтобы не упасть, надо крутить педали. Только гораздо лучше — вальсировать между полом и потолком, отражаясь в старинных зеркалах.

Глава 9

Манипуляция

— Эл, поверни голову вправо. Видишь, вон там — балкончик? — Спросил Один, когда они завершали третий круг по залу. — А на балкончике девушка. Это та самая Вероника, которая нам всем нужна. Танцуем к ней.

Эл кивнула и еще большее расслабилась, чтобы позволить Одину направлять ее. Достигнув цели, они отлетели друг от друга, схватились за перилла пухлого балкона и попробовали на них сесть. Это оказалось не так легко — тело стремилось вверх, заряженное энергией танца.

— Сейчас держись крепче! — Крикнул ей Один. — Я включу сотовый, и ты снова станешь тяжелой.

Эл успела вцепиться в край перилл, но все равно еле удержалась, когда ее тело повисло на руках. Запястья вспухли болью, пальцы начали соскальзывать, ноги болтались на высоте второго этажа от пола. Под ее пальцами от поручня балкона отвалился кусок камня. Еще немного и Эл бы рухнула вниз. Но тут ее

кто-то подхватил за щиколотки, подтолкнул вверх и поставил подошвы кед между балясинами балкона.

— И куда вы, девушка, без меня! — Леон парил рядом с ней словно какой-то греческий бог, хитрый и в летучих сандалиях.

— Быстро лети! — Заорал ему Один, который уже стоял на балконе. — Ща тебя отпустит.

Леон успел схватиться за столбик ограждения балкона одной рукой, когда его тело дернуло вниз. Вторая рука сжала ногу Эл. Девушка заскулила от боли и напряжения, когда парень подтягивался, стискивая со всей силы ее лодыжку. Наконец, он сумел поставить ноги и вырос перед ней — красный и потный, в обычных кедах.

— Ну, сорян, а что было делать? — Подмигнул Леон. — А ты крепкая девчонка!

Эл оставалось только хорошенько пнуть одноклассника и быстро перемахнуть через ограждение, чтобы увернуться от ответного пинка. Она присела, потерла ногу и осмотрелась. Балкон был небольшим, как обычный, в квартире. Из необычного — ярко-малиновая дверь посередине. Девушки, которую они с Одином здесь видели, теперь не было.

— А че мы сюда заперлись? — Спросил Леон. — Мне неплохо было летать. Блин! Мы ж летали! Только что! Как вон те, — он указал на кружащие под потолком пары. — Кому расскажи — не поверят. Эй, Один, будь другом, сними это, а? У меня все село. Я поделюсь с тобой доходами от рекламы.

— Все равно скажут — монтаж. В такое не верят. А нам надо дело сделать. — Один выключил телефон и убрал в карман. — Эта девушка боится сотовых, сейчас она подойдет.

— А чего сотовых-то бояться? — Спросил Леон.

— Они убивают магию, — за спиной Леона открылась дверь и вышла девушка. — Меня зовут Вероника. Про вас я знаю.

Леон обернулся и воскликнул:

— Твою ж мать! А че такая красивая-то?!

Вероника, и вправду, поражала внешностью. Эл тоже с минуту пялилась на её безупречные черты, черные волосы, начесанные и перехваченные цветными детскими заколками, раскосые глаза, сорочку. Да, она была в просторной белой сорочке, под которой угадывалась идеальная фигура, и босая. И от этого,

вообще, как ангел или кинозвезда. Нездешняя, чересчур идеальная. То ли пятнадцать лет, то ли тридцать пять.

— Надеюсь вы меня не к этому старому ублюдку собрались вести? А то я вас троих сейчас же скину с балкона. — Вместо приветствия сказала Вероника и прищурила большие блестящие глаза. Радужки были цвета кока-колы, с пузырьками янтарно-красного блеска. А белки бархатные, как зефир.

— Нет, что вы! — Самым искренним голосом ответил Леон. — Разве можно вас... и к такому. Вам нужна молодая кровь!

Эл фыркнула и покосилась на Леона. Тут к балкону подлетел Таинский и обратился к Веронике:

— Может, кружок со мной?

— Тай, сейчас не время. — Строго ответила девушка.

— Да, может, уже не настанет этого времени? Ты же сама говорила, надо здесь и сейчас. А таскаешься с этими недомерками. Полетели, проведем лучшие пару часов и не будем ни о чем жалеть!

— Нет, я решила бороться. Извини. — И Вероника обратилась к подросткам. — Идите за мной, — и исчезла за малиновой дверью.

Таинский выхватил девушку у партнера, когда пара пролетала мимо, и с какой-то невероятной скоростью закружил её дальше.

Эл попыталась осознать смысл диалога между Таинским и Вероникой. Но кроме пафоса, свойственного финалу голливудских фильмов, она ничего не смогла различить. Ну, разве что намек на скорый конец, конфликт интересов, надежда... И совершенно никакого намека на друга-пингвина.

Один отвлек ее от размышлений, мягко коснувшись плеча и указав на исчезающего в проеме Леона.

За малиновой дверью оказалась спальня — обои в розочках, а посередине огромная кровать со столбиками и плотным балдахином, расшитым цветами и какими-то жуками. Приглядевшись, Эл поняла, что это тараканы. Вероника запрыгнула на кровать:

— Давайте, все сюда.

Эл парализовало, только голова произвольно вертелась из стороны в сторону:

— Нет.

— Леон, тащи ее сюда силой! Один, закрой дверь на все замки! У нас слишком мало времени, чтобы кого-то уговаривать! — Приказала Вероника.

— Слушаюсь и повинуюсь! — Ответил Леон, подхватил Эл на руки и пошел к кровати. Эл колотила его по всему, что попадалось под руки — носу, щекам, ушам, груди. Леон вжал голову в плечи и тараторил:

— У тебя никакой тяги к приключениям. Расслабься — до этого все хорошо было. Может, и в этот раз тебе понравится.

Когда Леон скинул Эл на кровать, то она тут же изогнулась, чтобы пнуть его пяткой в пах. Но так и застыла, лежа на спине и с поднятой ногой — Вероника взяла ее за руку — ладонь оказалась теплой, очень приятной, как кашемировый плед:

— Ничего такого не будет, обещаю. Это не кровать, ты скоро поймешь. Один, задерни шторы полога.

Одноклассник послушно закрыл их от внешнего мира. В полумраке Эл еле увидела, как Вероника пересела к изголовью, перекладины которого были схвачены пестрыми лентами. Ни подушек, ни одеяла, ни простыни на кровати не оказалось — только матрас, схваченный черными ремнями и, видимо, ими соединенный с каркасом.

Вероника, не оборачиваясь, крикнула:

— Держитесь за ремни! Регулятор скорости не работает.

— Что не ра..., — хотел спросить Леон, но не успел. Кровать рухнула вниз. Эл это напонило то жуткое ощущение, когда в полудреме тебя вдруг опрокидывает назад — неожиданно и грубо. Только что с балкона падала она, и тело было очень тяжелым. Теперь они с бешеной скоростью неслись вниз. Тело стало легким, а опора — тяжелой. Эл вцепилась в ремень, ноги оторвало от кровати. Рядом болтались Один и Леон. Шторки задрались вверх, плескались и хлопали по бокам от кровати. На Веронику законы физики не действовали — она по-прежнему сидела у изголовья и дергала за цветные ленты, от чего кровать трясло и болтало.

— Давно не пользовалась! Забыла! Извините, — различала Эл её слова сквозь свист воздуха в ушах.

Они остановились также резко, как полетели. Эл упала на матрас. Кровать теперь неспешно поднималась вверх. Шторки вновь закрывали обзор и заслоняли свет. Рядом плюхнулся Леон, больно заехав рукой по уху. Но Эл была настолько поражена, что не стала отвечать. Она уставилась на Веронику, дожидаясь, когда Леон очухается и начнет сыпать вопросами. Ждать пришлось секунд пять.

— Это что?! Кровать-лифт?! Нет, это гребаная съехавшая с катушек и тросов кровать-лифт?! Мы куда едем-то? Почему нельзя было нас нормально пристегнуть?! — Кричал, брызгая слюной, Леон.

— Скажи спасибо, что я догадалась ремни приделать! Вы первые из обычных людей, кому мы показываем этот этаж, — ответила Вероника.

— Мы, это кто? — Спросил Леон.

— Настоящие жители дома. Один, посмотри, пожалуйста, что за бортом.

Один отодвинул шторку. Эл увидела в щёлку троих рабочих, которые шпаклевали стены. Четвертый сидел на цементном полу и готовил всем самокрутки. Вкусно потянуло известкой и табаком.

— Проскочили, только строят, — ответил Один. Эл собралась было удивиться, что парень как будто знает, куда им надо, но тут Вероника резко дернула за одну из лент. Кровать накренилась на бок и бешено завертелась. Эл еле успела вцепиться в ремни. Их теперь швыряло то вверх, то вниз, то волокло вбок, то кровать делала сальто. Эл сквозь разлетающиеся шторы видела, что их несет сквозь дом — по разным комнатам и подъездам. Предметы, стены и люди перед ними растворялись в воздухе и обретали твердость и фактуру, пропустив бешеную кровать. Она успела заметить, как мужчина распаковывает коробку с телевизором — ещё старым и пухлым, а рядом прыгают и хлопают в ладоши его жена и сын. Потом кровать швырнуло вверх и протащило мимо двух девчонок в ситцевых платицах, которые клеили на стену фантики от жевачек. Перед тем, как оказаться в другой комнате, Эл успела прочитать “Любовь — это когда почва уходит из-под ног”. Разглядеть новое место девушка не смогла — они ухнули вниз на несколько этажей, кровать сделала сальто и застыла.

— Чёрт, — заорал Леон. — У меня сотовый выпал. Задержите эту штуковину, я на секунду. — И он спрыгнул с кровати.

— С ума сошел? Мы же тебя потом не найдем! — Закричала Вероника. — Все за ним! — И скрылась за шторами.

— Давай! Чего ждешь? — Спросил Один Эл.

Эл указала рукой в сторону Вероники и жестко спросила:

— Бурум?

— А что такого? Она и ваши имена с Леоном знает.

— Бурум? — С той же интонацией повторила Эл. Один прекрасно знал, о чем идет речь. Он точно в этом доме либо был не первый раз, либо прочитал книжку о нем.

Один сложил ладони перед грудью.

— Я обещаю, скоро все объясню, давай уберемся с этого корабля, она же в любой момент может снова взбеситься!

И как по его заказу, кровать затрясло. Эл вцепилась в ремни.

— Быстрее, прыгавай! — Закричал ей Один. Но отцепиться было страшно. Кровать уже потащилась вниз. Эл крепче сжала пальцы на ремнях. Один оказался прямо перед ней:

— Дай мне руки, пожалуйста, мы почти пришли, куда тебе надо.

Эл недоверчиво посмотрела ему в глаза. Теперь она явно видела, что тот обманывает. Что даже хуже того — манипулирует. А на это она не соглашалась никогда. И она сжала ремни так, что побелели костяшки пальцев. Пусть друг-пингвин сам ее ищет теперь.

Но тут Один вцепился свтими тонкими пальцами в мизинцы Эл, распрямил их и заломал так, что ей пришлось отцепить руки. Кровать ухнула вниз моментально. Ее полог пролетел сквозь Один и Эл, как привидение. Они же шмякнулись на пол, покрытый линолиумом. Прямо к ногам Леона и Вероники.

— А теперь расскажите, что это, вообще, было!? — Спросил Леон.

Вероника несколько секунд молча смотрела на Леона, поправляя заколки на волосах. Наконец, спросила:

— Знаете, в сказках есть такие предметы, которые позволяют находящимся на них людям путешествовать сквозь препятствия?

— Знаем, — кивнул Леон, все еще ошарашенный.

— Так вот не только в сказках, — заключила Вероника.

Эл поднялась на ноги и оглянулась. Комната, в которой они оказались, после сверкающего танцевального зала, вызвала беспокойство.

— Контрасненько, — оценил Леон.

Эл была согласна: обои шелушились глубоким болотным цветом. Видимо, создатели пытались их спасти продольными полосками и цветочными узорами времен Людовика, но только усилили эффект безысходности. А на зеленом, камышовом диване, трюмо, откинутой столешнице секретера — на каждой горизонтальной поверхности, восседали плюшевые гиганты — медвежата, зайцы, белки, динозавры, коты...

А еще Эл заметила, что у нее болят глаза — хотелось все время щуриться.

— Мы сошли раньше, чем надо, — сказала Вероника и пошла к двери.
— Теперь придется пешком.

— Так странно, — сказал Один. — Все плывет перед глазами. Как будто резкость уменьшили.

— Этот этаж, вообще, самый странный, — отозвалась Вероника.

— То есть страннее, чем предыдущие? Я на всякий случай уточняю, — с издёвкой в голосе спросил Леон.

— Сейчас вам надо справиться с часовым, чтобы пойти дальше.

— С кем? — Переспросил Леон. — Зачем?

Вероника закатила глаза.

— Ну что такая бездна глупых вопросов! На этом этаже действует магия времени, поэтому здесь есть часовой. Чтобы дальше по нему, этажу, передвигаться, надо пройти часового.

— Типа квест? Его надо устранить или лучше с ним договориться? — Спросил Один.

— Эммм..., — Вероника почесала за ухом. — Попробуйте лучше договориться.

— А кто это будет? — Леон разминался, словно перед боем.

— Неизвестно. Вы как бы втроем сами его создадите, — объяснила Вероника.

— Всё, больше ничего не говори, а то у меня мозг взорвется.

“И нас всех забрызгает пустотой”, — подумала Эл и отпрыгнула: из воздуха проявился мальчик. Его черты показались девушке знакомыми. Черные бегающие глаза, вжатая в плечи голова, руки в карманах. Это точно был Алик, только маленький. Он слегка дернул плечами — невроз, который с возрастом только усилился.

Мальчик обвел глазами подростков и Веронику и спросил:

— Вы кто?

Леон среагировал быстрее всех:

— Меня зовут Леон. Этот странный парень Один. Эта странная девушка — Эл. Эта другая странная девушка — Вероника.

— А ты нормальный? — Мальчик как будто только что плакал. Голос дрожит. Лицо в красных пятнах, глаза блестят.

— Я да. И если ты тоже нормальный, то нас пропустишь и не будешь разводить мистику.

— Но я не могу вас пропустить. Только вы сами можете меня пропустить.

— А, ну, тогда, чего мы стоим, — Леон сделал шаг к двери, занеся руку, чтобы отодвинуть мальчика, но тут же раздался треск. Леон схватился за лоб и закричал, — Блин! Как больно! Стеклянные стены хреначить ума хватает, а табличку повесить не додумались! — Он тер лоб секунд пять, а потом добавил обиженно, но уже без крика. — Я, между прочим, знаменитость! Что скажут подписчики, когда увидят меня с фингалом и шишкой?

У Эл родилось с десяток язвительных ответов, самый удачный из которых озвучил маленький Алик:

— Что, наконец, у тебя в жизни произошло что-то интересное?

— Шаришь, — протянул Леон, не услышав сарказма. — Так что надо сделать, пацан, чтобы пройти?

Мальчик опустил глаза и уставился на свои ноги в полосатых носках:

— Нужно что-то такое сказать мне, чтобы я вас пустил. Что-то нужное и мне, и вам.

— А что тебя волнует, малыш, — Леон картинно оперся на стеклянную, невидимую стену, скрестив ноги. — Ты же тот, как я понимаю, при...

Эл толкнула Леона, и он опомнился:

— Презабавный малый, Алик.

— Да, я — это он, только маленький, — глубоко вздохнул мальчик. — И я знаю, что его жизнь сложилась так себе, и не хочу так. И я знаю, что все это из-за моего отца, Таинского. Он катается по гастролям. А я сижу в доме, с няней, и распаковываю коробки с мягкими игрушками. Уже их девать некуда! Мне восемь лет, восемь! — Алик топнул ногой. — А он все шлет и шлет этих дурацких медведей, белок, зайцев. И даже если в Москве живет, то скрывается от меня в отелях.

— Да у тебя папаня — знаменитость! — Воскликнул Леон. — А ты сопли развесил! Скажи спасибо, что ты его с детства по вытрезвителям не ищешь! — У Алика у нижнего края глаз начали оформляться слезы. — Что тебе приходится иметь дело с мягкими белочками, а не с теми, что после паленой водки случаются!

Мальчик не мог больше сдерживаться. Он сполз по стене и заголосил. Слезы и сопли лились ручьем. Алик смахивал их кулаками и размазывал по стеклянной стене между ним и подростками.

— Похоже, у Леона не получилось, — заключила Вероника. — Кто еще попробует.

Эл села на корточки перед мальчиком и спросила единственное, что могла:

— Скорую?

Мальчик окатил ее обиженным взглядом, отвернулся и скрестил руки на груди.

Вероника покачала головой:

— Один, на тебя вся надежда.

Один сел спиной к стеклу и, глядя в одну точку — как будто в глаза розовому, с голубыми подошвами лап, медведю, заговорил:

— Понимаешь, ты хочешь свободы. А действуешь вопреки этому желанию. Чтобы что-то папе доказать. То, что ты его любишь. Или то, что ты его ненавидишь. — Мальчик перестал плакать и повернулся к Одину. — А также то, что ты без него можешь обойтись. То есть ты все равно выбираешь точкой отсчета своего отца, — Алик поднялся на ноги, не отрывая взгляда от Одина. — Не делай ничего для него. Не делай ничего ему назло. Только ты сам для себя можешь быть причиной и следствием.

Лицо мальчика исказилось гримасой злости и обиды. Он замахнулся кулачками и ударил по стеклу. Облако осколков взметнулось в пыльный квартирный воздух. Одноклассники еле успели загородиться руками. Эл почувствовала легкое жжение на коже. Не больно. Даже приятно. Когда она опустила руки, то увидела, что мальчика в комнате нет. О том, что он был здесь, напоминали осколки стекла, торчащие из каждой мягкой игрушки.

— Похоже на начало какого-то ужасика, скоро нас должны начать заматывать в целофан, — заключил Леон, тщательно осматривая свои руки — не появилась ли ранка.

— Давайте за мной, шустрее, — и Вероника открыла дверь, перед которой стоял мальчик.

Глава 10

Хейтинг

Они оказались в коридоре, давящим беспросветной газетной простыней на стенах. Эл пригляделась к одному из заголовков — «Правда 1960 год». Мимо них пробежала молодая пара — словно из старого фильма. Она в летящем платье, а он в светлых брюках и в старомодной полосатой рубашке — под стать обоям в предыдущей комнате.

— У нас наконец-то будет своя квартира, — ворковала она, — даже не верится! Своя! Где, как думаешь, мы поставим телевизор?

— У нас сразу не хватит денег на телевизор, — он обнял ее и прошептал, — так что предлагаю начать с кровати. Мы же будем одни, представляешь, одни?

— Если будете на всех оглядываться, — строго сказала Вероника, — то мы никогда не дойдем.

— А куда мы все-таки идем? — Спросил Леон.

— Увидите! Быстрее!

Вероника вышла во входную дверь.

— Не отставайте! — Бросила она и побежала вверх по лестнице.

Эл заметила, что подъезд выглядит совсем по-другому, чем тот, в который они зашли с Леоном и Одином. Вообще, эта новая реальность была слишком странной и даже пугающей. Воздух, словно накаченный белесым веществом, дрожал и смазывал картинку. Движения требовали гораздо больше усилий.

Эл спросила себя — почему ее не так уж удивляет, что мир вокруг сходит с ума. У нее было две версии. Первая — действует компот. Либо так, что принимаешь чудеса без лишних восторгов. Либо так, что все происходящее — просто глюки, а она лежит на полу кухни второго этажа. Эта мысль показалась Эл досадной, и она заменила ее другой, абсурдной на первый взгляд, но странно близкой: она уже все это видела, ощущала, знала.

Через два пролета вверх, Эл запыхалась до тошноты. Когда она доковыляла до площадки, там стояли, согнувшись и сплевывая густую слюну, Леон с Одином.

— Бурум? — Прохрипела Эл.

Один указал на дверь справа от лестницы. Оттуда как раз высунулась Вероника, свежая и бодрая:

— Я вас очень прошу, не отставайте.

— А замков, что ли, вообще нет? — Уточнил Леон.

— Здесь и дверей-то на самом деле нет, — ответила Вероника.

Из коридора, похожего на предыдущий, но затянутого в бежевые безликие обои, они прошли в ванную. Лилась вода и из-за шторы доносилось мужское мурлыканье. Вероника, ничуть не смущаясь, забралась в ванную к мужчине. Ребята переглянулись. Впервые они были абсолютно согласны друг с другом — лезть в ванную к голому мужику совершенно не хотелось.

— Просто смотрите в другую сторону, когда будете залезать! — Крикнула им Вероника. — И он как призрак, тень, он нас не видит.

— Но мы то его видим! — Взмолился Леон. Но все же полез, ноя. — А все так хорошо начиналось — кровать, девушка из аниме в ночнушке.

Один уперся взглядом в Эл, явно дожидаясь, когда она сделает это первой. Конечно, он боялся, что она предпочтет остаться. И был прав. Хотя не совсем. Эл начинало нравится их путешествие. В нем было что-то щекочущее и вызывающее. Что-то от друга-пингвина.

"Он бы мог все это придумать", — подумала Эл, зажмурила глаза и нырнула под шторку. Нащупав Леона, она вцепилась в него, чтобы не подскользнуться — на них лилась вода. Но уж лучше обнимать недалекого ютубера, чем упасть на незнакомого голого мужика.

Ванная поехала вверх. Эл чувствовала, как дышит Леон рядом. Слышала, как чавкает жевачкой. Радовалась, что запах мяты не дает ей узнать, какой запах у мыла, которым натирает себя мужик.

— Все, нет мужика, можешь отлипнуть, — прошептал Леон.

Эл открыла глаза и обернулась. Ванна все еще ползла вверх. Цвета плитки сменяли друг друга — грязно-белый на уныло-голубой, уныло-голубой на печально-желтый. Когда на плитке появился веселенький оранжевый узор, ванна остановилась.

— Прибыли, выползаем, — скомандовала Вероника.

Они вышли из ванны и завернули на кухню. Мужчина с серым лицом, курящий за столом, вдруг схватил Эл за руку и сказал:

— Ну что, это ты тот самый Артур, который вытащит меч из камня?

Эл завизжала и затрясла рукой. Прикосновение мужчины ощущалось как ожог сухим льдом.

— Да, это она, — спокойно ответила Вероника. — Мы спешим. — И она погладила Эл, — спокойно, спокойно, да, это не совсем призраки, но вреда они

причинить не могут. А те, кто могут, надежно заперты. А пока я с тобой, никто тебя не обидит. Главное, не отставай. Мы почти пришли.

Мужик опрокинул в себя рюмку водки и тут же налил ещё. Потянуло шпротами. Эл зажала нос.

— А водка настоящая? — Спросил Леон. — А то как будто компот выветривается и начинаешь охреневать от происходящего.

— Некогда пить, — ответил Один. — Давай, лезь за ними.

И Леон, согнувшись, последовал за Вероникой и Эл, которые только исчезли в низеньком тарахтящем холодильнике “Бирюса”.

Когда они оказались в другой комнате, у Эл заслезились глаза от вони дешевых духов.

— Да... шпроты пахли куда лучше, — сказал Один. За тумбочкой-трюмо с тремя высокими зеркалами-створками сидела щекастая тетка и красила губы помадой цвета запекшийся крови.

— Извините, — сказала Вероника. — Мы немного заблудились. — У вас какой год и сторона света?

— Шесят пятый, юго-запад, — бросила женщина, ничуть не удивившись тому, что трое подростков и девушка в сорочке вмешались в ее утренний туалет.

— Спасибо, — поблагодарила Вероника, нырнула к ней в шкаф. Одноклассники следом протиснулись между леопардовым платьем и шубой. Женщина подошла и закрыла за ними створки шкафа. Они, как на лифте, заскользили вверх.

Эл, чтобы не упасть в обморок от гремучей смеси запахов ретро-духов, пота и средства от моли, принялась массировать виски.

— И когда вы уже объясните нам, что за хрень здесь творится? — Спросил Леон.

— Когда будем на месте, уже скоро, — ответила Вероника. — Потерпите, я знаю, что здесь не Париж. — Но сторона света правильная. Жалко уходить.

Эл зажмурилась и задержала дыхание. Может, если себя ущипнуть, то проснешься? Хотя, блин, даже в таком дурацком сне увидеть друга-пингвина было бы приятно. Так что терпим.

— Прибыли, — Вероника распахнула дверцы шкафа. Эл выпала на колени и несколько раз с хрипом вздохнула.

— Ох какие мы неженки, — съязвил рядом Леон.

— Все ок? — Наклонился к ней Один.

Эл кивнула. Теперь и вправду все было хорошо. Пахло так приятно, что сложно описать. Наверное, похоже на запах жевачки, которой заканчивался в детстве чупа-чупс. Они оказались в комнате девочки — цветочки на обоях и домик Барби в углу. Это, конечно, не детская из американских фильмов — с кучей игрушек. Но все равно — здесь было уютно: диван, раскрашенный под радугу, повсюду валяются разноцветные подушки, детские рисунки на стенах. Эл села к домику Барби и начала его рассматривать. Что-то в нем было знакомое.

— Что, любимая игрушка? — Плюхнулся рядом Леон. — Давай, я за Кена, ты за Барби. — Он взял игрушку-мужчину в руку и сказал низким голосом. — Привет, крошка, у тебя, говорят, раковина засорилась. Прочистить?

Эл рукой куклы с удовольствием влепила Кену пощечину.

— А ты горячая штучка! — Воскликнул «Кен».

— Нам не до игр! — Вмешалась Вероника. Все уставились на нее. Девушка развела в сторону сорочку и села на диван, подогнув под себя ноги. Наконец, она спросила: — Вы заметили, что с домом что-то не так?

— Нет, обычный такой дом. Полеты, параллельные реальности, кровати-лифты, галлюциногенные компоты из пастилы, — поди найди домик без этого — ответил Леон.

— Я сейчас серьезно. Вы заметили, что дом умирает? — Вероника повысила голос.

— Что это значит, поясни подробнее, — попросил Один.

— Все жители, стены, мебель, все, — как будто отчаялись спасти дом!

И Эл вспомнила трещины на лакированном шкафу и зеркалах, отходящие от стен шмотки обоев, отвалившийся кусок балкона...

— То есть его можно спасти? Можно сделать так, чтобы дом не сносили? — Удивился Леон.

— Да, именно поэтому вы зашли сегодня в дом.

— То есть мы типа супергерои? — Леон выставил вперед кулак.

— Не вы. Она, — Вероника указала на Эл.

— Фо риали? — Вырвалось у Эл.

— Это что еще значит? — Не поняла Вероника.

— Это просто уточнение, типа, правда? Эл использует всего двадцать пять слов для общения с окружающим миром, — объяснил Один. Эл в очередной

раз удивилась его спокойствию, какой-то даже подготовленности. Ее же распирало от вопросов, главным из которых был «А где друг-пингвин? Я пришла сюда ради него, а не ради спасения дома!»

Вероника обратилась к ней:

— Ты же принесла его?

— Бурум?

Вероника посмотрела на Одина.

— Это значит Эл не понимает, о чем или о ком идет речь, — перевел Один.

— Это я поняла, но я не поняла, какого черта ты приперлась в дом без него?

— Разозлилась Вероника.

Эл вскочила на ноги и направилась к двери — она не в кабинете директора, чтобы на нее орали.

— Стой, — Вероника прыгнула с дивана, догнала ее и схватила за руку, — не надо одной шастать по этому этажу. Здесь чего-только не случилось!

— А давайте вы попробуете объяснить нам все с самого начала. И почему дом такой странный, и как можно спасти его, — предложил Леон. — А я посторожу выход, чтобы Эл не наделала глупостей.

И он встал у двери. Эл скрестила руки, и плюхнулась на пол, оперевшись спиной на шкаф. Вероника снова села на диван, расправила вокруг себя ночнушку и обратилась к подросткам:

— Я попрошу вас слушать, не перебивая. Я вам расскажу сказку. Но именно с этой истории все началось. Обещаете не перебивать?

Обещаю, — ответил Один.

Эл пожала плечами — мол, как будто у нее есть выбор. Леон свернулся калачиком у двери, как ребенок, подложил ладони под голову, и преданно посмотрел на Веронику.

Та улыбнулась, покачала головой и начала рассказывать.

— Итак, вторая сказка дома под снос. У одной маленькой девочки по имени, что жила в Китайской провинции, появился волшебный мелок. И она разрисовала им свою жалкую лачугу. Когда родители уходили на работу, ее дом преображался. Это уже была не тесная каморка, но огромный дворец.

Эл удивленно посмотрела на Веронику. Забыв о раздражении, она подвинулась поближе к рассказчице и уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

— Точнее, Лу считала свой дом дворцом, — продолжила Вероника. — Потому что в нем она насчитала столько этажей, сколько у нее пальцев на руке. И на каждом этаже была своя магия. Самая лучшая, по мнению Лу, на втором. Предметы, которых там коснулся мелок, превращались в людей. Лу оживила котел, и он стал отменным ворчуном. Девочка нарисовала сердечко на шторе и та превратилась в красавицу в ветхом платье. Ворчун и красавица полюбили друг друга и развлекали Лу своими спорами и воркованием. Лу раскрасила свои башмаки и они стали забавными близнецами, которые вечно спорили, кто привлекательнее и умнее. А иногда играли с Лу в догонялки и прятки. Убегая от них, Лу врезалась то и дело в пухлого ворчуна и тот принимался причитать и возмущаться пуще прежнего. Лу оживила свою ложку, чтобы у нее появилась подружка. Ведь надо же кому-то поведать, кто из близнецов-башмаков ей нравится сильнее. Правда, приходилось забираться в дальние комнаты, чтобы мальчишки не могли их найти и дали посекретничать. Однажды они спрятались так далеко, что встретили Зеркало. А с Зеркалом лучше не встречаться. Оно злое, как тысяча и один осколок. Зеркало уже успело выкинуть из окна Чашку Лу, забавную пухлую девушку, которая знала миллион смешных историй. Та разбилась и никогда больше не ожила. Так что Лу с Ложкой бежали во все пятки из той комнаты, запирали двери за собой на засовы, путали следы, чтобы Зеркало никогда не выбралось и не причинило зла.

Ведь однажды Старая Лежанка, добрая старушка, к которой Лу приходила, устав от детских забав, рассказала девушке о коварном плане Зеркала. Дело в том, что магия оживляет предметы только внутри дома. Но один из них может обрести свободу. Просто покинув дом в одиночестве. Именно об этом мечтает Зеркало.

Поэтому Лу перестала ходить на четвертый этаж, где жила злодейка. Тем более, на других этажах тоже было, чем заняться. Где-то она становилась легкой-легкой и могла прыгать до потолка.

Лу стала замечать, что в некоторых комнатах происходят странные вещи. Где-то она как будто становилась легкой-легкой и могла прыгать до потолка. А однажды девочка с подругой-ложкой забрели высоко-высоко и проговорили там несколько часов — не могли остановиться. Лу рассказала все свои секреты, даже те, которые не хотела открывать никому-никому — как поймала большого таракана и издевалась над ним, отрывая по одной ножки. Или как про себя

обзывала маму ужасными словами и внутри смеялась над тем, что никто не догадывается о ее мыслях.

— Вы уж меня простите, — перебил Веронику Леон. — Я всего лишь тупой ютубер, но я ни фиги не понял, зачем вы нам все это рассказываете. Эл даже если поняла, то не сознается. Один, а ты как?

— Я так понимаю, эта сказка имеет отношение к дому, в котором мы находимся. И ты просто перебил Веронику, потому что не привык, что кто-то так долго говорит, а это не ты.

— Эй, парень, ты повежливей что ли, — предупредил Леон. — Ты думай, с кем говоришь, — и парень вскочил.

— Ты так голову задираешь, что сопли видно, — огрызнулся Один.

— Изи, — Эл вскочила и встала между парнями.

— Один прав, я не закончила, — Вероника так грозно посмотрела на Леона, что он сделал шаг назад и завел руки за спину. — Эта сказка стала началом истории этого дома. В нем тоже жила маленькая девочка. И у этой девочки были мама, папа, бабушка и подружка. С подружкой они очень любили играть в сказочные приключения.

— Это что, правда важно по отношению ко всему вот этому? — Леон сделал широкий жест руками.

— Хиросима, — шикнула на него Эл. Ее жутко бесило, когда человек начал рассказывать, а его перебивают. Ясно же, если говорит, значит, важно.

— Так вот, девочки любили сказки. А вокруг творились обычные будни. Точнее, очень тяжелые будни, где деньги давались очень непросто. И родители девочки уехали в Китай. Девочка осталась жить одна с бабушкой. Она скучала по родителям, но с тоской ей помогали справиться подружка и сказки. Целыми днями девочки сочиняли свои истории с волшебством и уходили в них с головой. Мама с папой вернулись и привезли дочке книгу китайских сказок. А бабушке мелок от тараканов. Ей соседка сказала, что в Китае они волшебные.

— Сходится! Сумасшедшая бабулька с первого этажа что-то похожее затирала! — Воскликнул Леон.

— Видите, все, что с вами происходило в этом доме, имеет причину, — ласково сказала Вероника. — Девочка с подружкой принялись играть в путешествия по китайской магии.

— То есть у них в руках оказалась та самая книжка, которую вы до этого пересказали, я молодец? — Леон стал похож на главного ботана в младшей школе.

— Ты молодец, — похвалила его Вероника, — но дай, пожалуйста, мне закончить. Мама с папой снова уехали. И только меловые следы по всему дому (бабушка поделилась с соседями, чтобы вывести тараканов из всего дома одним махом) напоминали о родителях. Через два месяца бабуле позвонили и сказали, что родители девочки погибли в автокатастрофе.

— Вы — та девочка? — Чуть не плача спросил Леон. — Извините, пожалуйста, что я был так груб.

— Нет, я не девочка. Но я тоже есть в истории. Так вот, скоро в доме начали происходить странные вещи.

Леон подпрыгнул на месте и выставил две руки вперед, словно давал решающий ответ в телешоу:

— Мелок оказался волшебным!

— И это правильный ответ, — засмеялась Вероника. — А какую магию вы заметили?

— На третьем точно полёты, — сказал Один.

— На четвертом хренотень какая-то и временные дыры, — добавил Леон. — На втором прикольный компотик.

— Компотик это скорее усилитель, — пояснила Вероника.

— А из чего он? — Спросил Один.

— Позже расскажу. Мы так никогда до сути не дойдем. Важно, что на втором этаже образовалась такая магия, которая оживляет предметы.

— Что? — Воскликнул Леон. — То есть все те люди на вечеринке — это тумбочки да шкафы?

— Не только, — сказала Вероника. — Предметов много. — Я, например, Книга Сказок.

— И что, они, точнее, вы, прям как мы, живые?

— Не всегда, только когда выпьем компот. Но все равно, мы погибнем по-настоящему, если дом будет разрушен. Внутри меня есть ответ, как спасти дом. Но я могу сказать его в определенных обстоятельствах. Ну, знаете, как это в сказках заведено — куча условностей. Поэтому мне важно, чтобы Эл привела моего друга.

Эл захотелось сказать, что как-то слишком много друзей, которых кто-то ждет и ищет. А смысла — никакого.

— Хурма, — припечатала она.

— Это что еще значит? — Спросила Вероника Одина.

— Ерунда, или ложь, зависит от контекста — перевел Один.

— То есть ты считаешь, что то, что дом погибает, это ерунда? — Спросила Вероника.

Эл хотелось ответить, что «хурма» — это в данном случае именно «хурма». Не про историю про какой-то дом и жителей. А про ее историю. Сколько всего она вытерпела, чтобы сейчас ее кормили какой-то хурмой вместо того, зачем она пришла. Но Вероника разозлилась не на шутку.

— Я не ожидала, что ты вырастешь такой эгоисткой! Чего тогда приперлась сюда, а? Чтобы посмотреть, как мы умираем? Мне говорила Штора, что нынешних подростков волнуют только они сами! Но я думала, что Любовь Любимова никогда не поменяется.

— Эл, — процедила Эл.

— Подождите-подождите, сбавьте обороты, — вмешался Леон. — Вы так и не сказали, что конкретно нужно сделать в этом доме. И мы все приходим куда-то с какой-то целью. И, прикиньте, это правда наша цель. Может, если помочь Эл с ее целью, а потом объяснить, что требуется от нее, то мы найдем компромисс?

Эл напряглась всем телом. Так Леон никогда раньше не говорил. В его мягком тембре отчетливо позвякивал какой-то подвох. Парень продолжал:

— Раз уж Эл не может сама говорить, то позвольте мне вспомнить события последних часов. Эл не собиралась выйти из дома, когда зашла. Как я. Эл было интересно исследовать дом. Она что-то там искала. Или кого-то.

— Хиросима, — прошипела Эл и попыталась пнуть Леона в голень. Но он поймал кураж и продолжал:

— Точно! Единственный раз, когда Эл была не похожа на себя обычную — это когда мы играли в бутылочку. Когда был этот, Кен в белом костюме. Или, как его там звали?

— Вилли, — подсказала Вероника.

— Так вот Эл вдруг растаяла, и даже позволила себя поцеловать, и даже бежала за ним и... Подождите, я что-то понял, — и он затрясся всем телом от смеха. — Этот Вилли, он же, — смех накрыл его, сложно было говорить. Эл

подскочила к нему и попыталась зажать рот, но Леон увернулся и продолжил. — Он же, он же... ой не могу, когда я первый раз был в ванной, там не было унитаза! А потом появился! — И парень упал на пол перед диваном и смеялся уже там, пиная воздух ногами, чтобы Эл не могла подойти. От безысходности девушка пнула стоящий рядом домик барби. И под перекаты пластикового крушения на нее сыпались слова одноклассника, — Эл целовалась с унитазом. Он, наверное, в честь Виллерой энд Боша так назвался. Ой, не могу. Любовь Любимова сосалась с унитазом!

У Эл зашумело в ушах. Комната и так чуть плыла перед глазами, а теперь по ней заплясали темные звездочки. Она словно в замедленном кино увидела, как расплываются в улыбке губы Одина, как Вероника откидывается на спинку дивана, чтобы закатить голову в звонком хохоте. Как корчится на полу Леон. Эл в один прыжок оказалась у двери, а в следующую секунду уже открыла дверь и побежала.

— Догоните ее! — Закричала вслед Вероника. — На этом этаже ни в коем случае нельзя оставаться одному!

Глава 11

Нет!

Эл пробежала через прихожую и оказалась в подъезде. Тяжелый воздух тут же обволок ее, замедлив движения. Выжимая из себя все силы, Эл устремилась вверх по ступеням. Как в дурном сне, ноги прилипали к полу, а от подошв кед соплями тянулись волокна прилипшей серой материи. Очертания стен и перил колыхались и расплывались. Через два пролета Эл поняла, что до следующего не дойдет — рухнет на площадке между этажами. Она ввалилась в квартиру справа и захлопнула за собой дверь. Эл оказалась в квадратной прихожей с тремя дверьми и коридором направо. Девушка оперлась руками на колени и сплюнула. Кожа головы и позвоночник взмокли от пота, вместо дыхания из груди вырывался хрип. Сердце, казалось, сейчас взорвется. Эл вздрогнула, когда одна из дверей распахнулась, и из комнаты выбежали две девочки — в майках и колготках.

— Это всего лишь очередные “жители” дома, — успокоила себя Эл, — какие-нибудь сахарница и перечница.

Девчонки, не заметив Эл, скрылись за другой дверью, забыв закрыть ее. Тут на лестнице за спиной послышались голоса Вероники и Леона. Хоть они и

звучали словно из-под воды, но девушка знала, что преследовали близко. Эл распрямилась, сделала глубокий вдох, и, помогая себе расталкивать воздух руками, добралась до третьей комнаты, вход в которую не потревожили хихикающие девчонки. Аккуратно, чтобы преследователи не услышали, она открыла и затворила за собой дверь. Девушка стояла в небольшой спальне. Кровать, шкаф и трюмо с прямоугольным зеркалом притворялись благородным лакированным белым деревом. Но в желтом свете люстры-тарелки углы мебели скалились сколами, обнажая дешевую пестроту прессованной фанеры. Краем глаза, прячась под кроватью, Эл заметила, что зеркало в трюмо испещрено трещинами.

За дверью, в прихожей, послышались звуки шагов. Леон закричал:

— Эл! Ну, извини! Ну, правда же, смешно! Смотрите — дверь открыта!

И они направились туда, где исчезли две девочки. Эл расслабила шею и уронила лоб на ламинат, с наслаждением ощущая кожей прохладу и покой. К ней никто не будет прямо сейчас приставать. Никто ничего от нее прямо сейчас ничего не хочет. И никто не будет над ней ржать.

Заметив движение, Эл так резко крутанула шеей, что захрустели позвонки. С кровати свесились ноги в синих джинсах и черно-белых конверсах и подошли к двери. Раздался легкий щелчок поворота ключа. Владелец ног запер дверь. Как Эл не заметила, что здесь кто-то был? Незнакомец согнул ноги, поставил ладони на пол и лег. В проеме между кроватью и полом показался светловолосый парень ее возраста. Эл вскрикнула и тут же пожалела об этом.

— Я что-то слышала, там, в соседней комнате, — глухо прозвучали слова Вероники.

А между тем, рассмотрев спокойное, улыбочное лицо парня, Эл поняла, что больше всего на свете не хочет, чтобы кто-то сейчас ворвался в комнату. Его соломенные волосы, не тронутые гелями и лаками, топорщились в разные стороны. Именно так Эл себе и представляла друга-пингвина — никаким, без лоска и претензий, близким и простым. Наверное, как пастуха или свинопаса из старой сказки.

— Ну, привет, заждался, — улыбаясь и рассматривая лицо Эл, сказал тот.

В дверь заколотили.

— Не против, мы проедемся на несколько этажей, чтобы нам никто не мешал?

Эл кивнула.

— Тогда скорей запрыгивай на кровать!

Эл вылезла из тайника, отряхнула пыль и по-турецки села рядом с другом-пингином. Он потянул за ленточки, привязанные к изголовью.

Кровать заурчала и поехала вверх. Крики Леона «Эл, прости!» и Вероники «Не доверяй никому, здесь очень опасно!» смазались и растворились, когда над ними сомкнулся потолок. Комната менялась незначительно от этажа к этажу — в фотографиях на стенах сначала была семья с одной маленькой девочкой, потом появилась вторая, а на трюмо без зеркала, то появлялся, то исчезал фен.

— Чтобы ты понимала, мы сейчас как бы путешествуем во времени.
— Мягко пояснил друг-пингвин. — Едем вверх — в будущее. А если быть совсем точным — то поближе к настоящему.

Эл на всякий случай кивнула, хотя это не означало понимания его слов.

— Наконец-то, — сказал друг-пингвин, когда они приехали в спальню, которая отличалась от предыдущей букетом желтых роз в оранжевой вазе на трюмо. И подтвердил заветную мечту Эл, — я друг-пингвин.

— Наконец-то, — повторила Эл за ним, хотя это было слово не из ее словаря.

— Ну что, как тебе мой сумасшедший дом? — Спросил парень, разведя руки в стороны.

— Ты что, здесь живешь? — Удивилась Эл.

— Жил. Сегодня переезжаю. Дом же сносят. Я хотел, чтобы ты увидела, как я живу, что меня окружает. Мне кажется, так ты лучше меня узнаешь, — он прижал руки к груди. — Лучше будешь понимать.

Эл опустила голову, восстанавливая в памяти детали того, что с ней происходило. Она не задумывалась, что это будут их общие с другом-пингином воспоминания. Некоторые она рада была бы вычеркнуть. Да, получается, почти все: полоумную старуху с тараканами в пирожках, дерганого Алика, борьбу с Леоном, поцелуй взасос с унитазом, напыщенного мужика с поручениями, танец... А вот танец, при мыслях о нем, обдавал теплым светом. Но потом были двинутая кровать и не менее двинутый липкий дом. Ну, почему она не пыталась замечать хоть что-то хорошее? Чтобы рассказать об этом своему другу? А то все, что у нее есть — это танец с другим парнем.

Друг-пингвин легко коснулся ее татуировки.

— А ты смелая.

Эл смущенно улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

— И красивая, — добавил он

— Ты тоже хороший, — выдавила Эл, хотя язык прилипал к небу и с трудом двигался, словно она наглоталась вязкого воздуха дома и теперь каждое слово требует колоссального напряжения.

— Почему ты так боялась идти ко мне? — Спросил друг-пингвин, перебирая ее волосы.

— Мне тяжело об этом говорить, — Эл пробила мелкая дрожь. И от прикосновений парня, и от жутких воспоминаний, которые она заперла глубоко-глубоко внутри себя.

— Но когда-то же надо. Если все так держать внутри, то это разъедает. Давай, я буду рядом, я поддержу, — он взяла Эл за руки, развернул ладонями к своим ладоням и пропустил свои пальцы через ее.

— Ладно, — Эл сделала глубокий вдох и скосила взгляд к окну, закрытому зелеными шторами. — Я была в этом доме год назад. Нетрезвая. Мы выпили с парнями из двора по бутылке Балтики девятой. И было так шально, что захотелось приключений. Тогда-то мы и решили зайти в этот дом. Он уже тогда был под снос и имел дурную славу. Мы с парнями носились туда-сюда, пугали друг друга, клип какой-то снимали. — Эл отпустила пальцы друга-пингвина и обхватила свои колени. — И я отбилась от остальных — перестала слышать их голоса. Бродила по пустым комнатам и лестницам. Кричала, звала на помощь.

Друг-пингвин лег на спину, закинув руки за голову. Он не спускал с Эл внимательных глаз бутылочно-зеленого цвета. Девушка удивилась, как просто ему рассказывать свои тайны. Раньше она никому бы не решилась открыться. А тут только увиделись, и слова сами текут. Конечно, влияла история их переписки, но и не только это. Друг-пингвин жил в этом доме, знал его странности, и не поднимет ее на смех, если услышит что-то глупое. Ведь они только что приехали в эту комнату на кровати-лифте.

— Мой голос словно не мог пробиться сквозь плотный воздух вокруг. Все плыло, двоилось, я думала, просто из-за Балтики в крови никак форватер не найду. И тут я захожу в комнату. Спальню. Даже на эту похоже. — Эл обвела взглядом комнату и на несколько секунд замерла от пронзившей ее мысли.

— Это очень возможно, что мы в той же комнате, — сказал друг-пингвин. Он вынул руку из-за головы и протянул ей. — Дай мне руку. Так будет проще. Так всегда проще — знать, что кто-то рядом.

Ладонь Эл снова встретилась с ладонью друга. Девушка теперь поняла, почему отняла руку в первый раз. Друг-пингвин был... не то чтобы ледяным, но от его прикосновений пробирала дрожь. Эл решила, что это всего лишь мандраж первой встречи, заставила себя не отдергивать руку и продолжила.

— И тут я услышала голоса. Они приближались. Я не нашла ничего лучше, как спрятаться за штору. Мне почему-то стало очень-очень страшно, — Эл почувствовала комок в горле, к глазам подбирались слезы. Друг-пингвин сел по-турецки, положил другую свою руку ей на плечо и ободряюще кивнул. — И тут заходит мой папа. Я его точно узнала, хотя перед глазами стоял густой туман. Но голос, манера держаться. И он был... — Эл сделала паузу. — Не с мамой. С другой женщиной. Выше мамы, и волосы совсем другие — коричневые, тонкие и взбитые. И лицо у нее какое-то хищное — с длинным загнутым носом. А глаза красивые, кошачьи, зеленые. Только на щеке не понятно что — то ли подтеки, то ли царапины, черные почему-то. И платье странное, мама бы сказала безвкусное — все в блестящих палетках, как в девяностые на дискотеки ходили. Блин, это не важно! — Эл всплеснула руками. — Понимаешь, мой папа раздевал другую женщину, целовал, что-то ей шептал, повалил на кровать. Мне казалось, что у меня внутри вместо органов и скелета — только рвота, что сейчас блевотина из всех дыр полезет. Я не выдержала. Я побежала оттуда, не оглядываясь. Еле нашла выход из этого дома. Залила в себя еще банку пива. Стрельнула у каких-то мужиков сигарет. С тех пор и курить стала. — Эл заплакала. Совершенно не романтично, как ей хотелось бы, а с хрипами и соплями. Но друга-пингвина это не оттолкнуло. Он вынул из джинсов платок и сам промокнул ей глаза. Но потом твердо сказал:

— Продолжай, сейчас нельзя останавливаться.

Эл на мгновение показалось, что друг-пингвин получает удовольствие от рассказа. И это было необычно. В ее мире последнее, что хотят слышать парни — это откровения и рыдания. Но самая страшная часть истории была уже позади, так что она успокоилась и заговорила:

— А потом я пришла домой, а там папа. Как ни в чем не бывало — сидит на кухне и читает книгу. Как сейчас помню — про святых, зеленую такую. И он как увидел меня, говорит: “Ты бы видела, на кого ты сейчас похожа. Мама еще не вернулась. Бегом в душ. Нельзя расстраивать маму. А потом поговорим”. “Пап, я сейчас хочу поговорить. Я тебя сегодня видела”, — сказала я. “Я же сказал, потом”, — рявкнул он. И я решила, что этого “потом” не будет. Никогда. С тех

пор я общаюсь с миром двадцатью пятью словами и клею стеки на стену за каждый день, что мне удалось не сдаться. Завтра год, как я ни с кем не говорила. На меня орали учителя и родители, надо мной прикалывались одноклассники и кассирши. Но я держалась. И вот, увидев тебя, решила снова начать говорить. Ты еще не устал от меня?

— Нет, что ты, мне интересно, — ответил друг-пингвин.

— А ты можешь рассказать что-нибудь про себя? — Спросила Эл.

— Могу. Но ты можешь испугаться и убежать, — произнес друг-пингвин, не меняя ласковой интонации и спокойного выражения лица.

Эл рассмеялась и замотала головой, но внутри у нее все напряглось. Она втянула ноздрями воздух. Ей остро захотелось узнать, как пахнет ее друг. В посте у блоггера Эл прочитала, что именно обоняние имеет решающее значение в выборе парня. Но почему-то она чувствовала только сладковатый запах роз в вазе на трюмо, и ничего больше.

— Я серьезно, — друг-пингвин встал с кровати и, скрестив руки, прислонился к шкафу. — Некоторые истории лучше узнавать привязанным к батарее.

Эл снова почувствовала это сосущее волнение внутри, которое приходило с каждым письмом друга-пингвина. Как будто идешь по мокрой крыше — и красиво, и страшно. Сейчас ей бы, конечно, хотелось уютного разговора в обнимку, без острых впечатлений. Но этим и отличался ее друг — уверенной непредсказуемостью. Он же сдержал все свои обещания — ничего по-настоящему опасного в этом доме с Эл не случилось, а в самый сложный момент они встретились. Так что почему бы не довериться ему и в этот раз?

— То есть чтобы рассказать свою историю мне, тебе надо привязать меня к батарее? — Уточнила Эл. Она знала, что друг-пингвин не училка по литературе — не станет использовать метафоры. Она уже пыталась договориться на тату хной или купить фиолетовый парик — не сработало. Да и это было бы совсем не то — не по-настоящему, не наотмашь.

Друг-пингвин кивнул.

— Окей, я согласна, — Эл даже ударила себя ладонями по коленям, как будто пытаюсь прихлопнуть растущий внутри страх. — Только до этого один вопрос от меня.

— Давай.

— Как тебя зовут?

— А ты как думала? Ведь знаю, думала.

— Я думала Кирилл.

— Ты угадала, — улыбнулся друг.

— Так не может быть, — возмутилась Эл.

— С другими не может, а у нас с тобой все может, — парировал парень, подошел к окну и раздвинул шторы. — Готова?

Окно было открыто. Оно бы и не смогло закрыться, потому что от батареи, словно портативный подъемный кран, на улицу тянулась труба. Эл почувствовала острое желание убежать. Но разве можно позволить себе слабость сейчас, когда она только нашла друга-пингвина? Даже если ей предстоит надеть наручники, которые болтаются у основания странной трубы, приваренной к батарее. Даже если она видит во взгляде друга-пингвина какое-то жадное предвкушение, которое ее пугает.

Эл встала с кровати и села спиной к батарее. Отопления не было. Кожей плечей и рук она почувствовала прохладный шершавый металл. У Эл застучали зубы — она не могла толком разобраться — от холода или от страха. Девушка снова шумно втянула воздух. Ничего. Только сладко-пыльный московский осенний воздух.

— А чего все так сложно? — Спросила Эл. — Зачем эта труба?

— Разве я когда-нибудь обещаю больше, чем даю? Разве со мной не всегда интересно? — С обидой в голосе спросил друг-пингвин.

— Нет, прости, — Эл протянула левую руку, на которой парень защелкнул половинку наручника. Потом он присел перед ней на корточки и сказал:

— Теперь держись, девочка, — и поцеловал. Нежно, просто губы к губам. Друг-пингвин оказался очень хородным. У Эл создалось ощущение, что она прикасается губами к морозному стеклу. Кирилл поднялся, дернул за штору, прогремели по карнизу кольца, и Эл накрыла мягкая материя. Дверь открылась и захлопнулась.

С минуту Эл сидела одна в тишине. Потом она поняла, что вовсе не в тишине. Девушка была слишком поглощена встречей с другом-пингином, что не замечала обычных звуков дома — стуков дверей, смеха и музыки, сморканий и смываний туалетного бочка. Да, Эл слышала их словно из-под подушки — глухо и размыто. Но ей было спокойнее с ними. Все-таки действия друга-пингвина ее напугали. Она считала, что прошла все проверки, что достойна простого доверия. Но, видимо, друг-пингвин весь состоял из внезапных поворотов. И

теперь Эл как будто больше доверяла съехавшему с катушек дому, чем своему другу.

И тут из гула голосов выделился один — ей знакомый. Это был голос ее отца.

— Кажется, мы остались одни, — он сказал это так липко, что Эл почувствовала, что ее сейчас вырвет.

— Точно? Мне не верится! — Ответил женский голос. Томный и совершенно Эл не знакомый.

Они зашли в комнату. Папа и другая женщина. Штора слегка съехала в бок. Так, что Эл могла видеть кровать. И на нее упал папа, страстно глядя на кого-то, кого Эл пока не видела. Отец был моложе. Волосы сидели на его голове плотной шапкой — ни намек на лысину. Фигура была еще мускулистее, каждое движение говорило о внутренней уверенности, а не как этим утром дома — о страхе сделать что-то не так. Он закусил губу и принялся стягивать галстук. Эл зажмурилась сильно-сильно. Если все-таки, ну, пожалуйста, это сон или глюки, то вот сейчас пусть прервутся. Но открыв глаза, Эл увидела, как длинные пальцы с бордовым маникюром расстегивают рубашку на отце. Женщина наклонилась и Эл смогла увидеть ее лицо. Это была точно не мама. Это была та самая пигалица, что и год назад: волосы каштановые, тонкие и взбитые, а на щеке какие-то уродливые серые полосы, словно трещины. Эл возненавидела себя за то, что оценивает красоту женщины, а не тошнотворность ситуации. Нет, дальше смотреть на это она не сможет. Эл дернулась, чтобы убежать. Блин! У нее же руки в наручниках! А куда подевался друг-пингвин? Знал ли он, что сюда придет ее отец? Или специально все это подстроил? Эл дернула еще раз, что есть мочи. Дом разрушается, может, ей удастся снести батарею? Метал врезался в руки, нажал на кости. Только боль и шум, никакого толка. Эл повернула голову к кровати. Женщина уже сидела на папе. Если она начнет стягивать с себя одежду, Эл не выдержит.

— Нет! — Заорала она, что есть мочи.

— Я, кажется, что-то слышу, — насторожилась женщина.

— Мой котенок, тебе кажется, — ответил папа. — Ты чего такая холодная? Иди ко мне скорее, я тебя согрею.

«Мой котенок!» — так папа называет маму! Урод!

— Стоп! — Эл так напрягла связки, чтобы крикнуть, что горло засадило.

— В этом доме последнее время полно странных звуков, дорогая, — и папа перевернул женщину, уложил на кровать, чтобы оказаться сверху, и начал расстегивать ей блузку.

По щекам Эл полились слезы. Она повторяла:

— Пожалуйста, хватит, не надо!

Девушка пробовала зажмуривать глаза, но отчетливо видела все сквозь кожу век. Это было не причудой. Когда она снова открывала глаза, то сцена продолжалась. Женщина уже была в одном лифчике. Нет, она не собирается все это смотреть. И быть здесь не собирается. Эл яростно задержала наручниками. Они как будто поддались. Эл увидела, что наручники свободно елозят по трубе, приделанной к батарее. И что их можно даже снять. Труба заканчивается за окном. Придется прыгнуть с подоконника. Разобьется или нет — пофиг. На хрена жить в этом мире, когда кругом обман и боль? Отец учит ее жизни по утрам, а вечером, когда мама ждет его в ресторане — развлекается с другой женщиной. На хрена жить, если тот, кто обещал дружбу, кто был рядом, на кого она надеялась, когда мир захлестывал лицемерием — именно он пристегнул ее к батарее и заставил смотреть на все это? Он думает, мне не хватит смелости сбежать? Что я настолько малодушна, что буду смотреть на эту мерзость? Нет! Нет, нет, и еще раз нет.

Эл провела наручники по трубе вверх. Оперевшись локтями, забралась на подоконник. Труба была специально придумана для тех, кто хочет выкинуться из окна. Она поднималась вверх и вбок над подоконником, чтобы Эл могла встать на ноги и хорошенько оттолкнуться. Колени охватила тягучая слабость. Тело била мелкая влажная дрожь. Девушка оглянулась на кровать. Ее папа яростно целовал другую женщину. А женщина смотрела прямо на нее, надменно улыбаясь. Эл как будто узнала эту улыбку. Но вглядываться дальше в эту отвратительную сцену и размышлять она не собиралась. Отвернувшись, она все равно видела эти мерзкие кошачьи глаза. И только когда кеды оторвались от подоконника и наручники поехали по трубе, в голове стало легко и свободно. Наконец-то.

Глава 12

Хурма

Через мгновение Эл накрыл ледяной страх. Только сейчас она осознала, что сделала. Она покончила жизнь самоубийством. Земля летела на нее, размытая и черная. В ушах свистело. Страшно было как никогда. Она безвозвратно неслась, к чертовой матери, в тупую дебильную смерть.

Эл зажмурилась. Замелькали страшные картинки: заплаканные лица родителей, сестры, закрытый гроб, потому что то, что под крышкой, нельзя никому показывать. Эл сжала глаза еще сильнее и попыталась вспомнить какую-нибудь молитву. Последней была мысль, что не поможет — самоубийц не прощают и не пускают в рай.

Она упала плашмя, лицом вниз. На что-то мягкое, пружинистое. И полетела вверх. Потом снова вниз. Когда открыла глаза Эл увидела, что вместо земли под ней колыхается черная ткань. Как будто дом выставил крыло, чтобы спасти ее. Девушка отметила, что железный каркас с натянутой тканью торчал из ниши под окнами первого этажа. Еще Эл подумала, что, вероятно, она уже разбилась, а это какой-то смертельный сон. Но было слишком хорошо внутри, как будто только начал есть мороженое Макфлури, а впереди еще большая часть удовольствия. Не может быть это смертью, точно нет. Она еще три раза приземлилась на ткань и спружинила вверх, сбавляя амплитуду. Эл наслаждалась ощущением огромной и чудесной жизни впереди. И больше она ни под кого подстраиваться не будет. Слабость разбилась о землю. Осталась сильная, уверенная в себе девушка.

“Слишком пафосно”, — обвинила Эл саму себя, но и ответить на это было что — “после прыжка с четвертого этажа можно!”

Наконец, она перестала пружинить и перевернулась на спину. Раскинув руки, Эл залюбовалась закатным небом цвета хурмы. Глаза слезились, по телу ласковыми волнами перекачивалось тепло. Наслаждаться счастьем мешало ощущение, что кто-то пристально на нее смотрит. Эл повернула голову к дому. Из окна первого этажа на нее таращились Один, Леон, Акулина и Вероника. Она отвернулась от них и снова уставилась в небо. Как же хотелось тишины — простой и ясной.

Хрустнуло и заскулило окно.

— Ты рехнулась! — Вопил Леон. — Нет, ты дура? Чокнутая? Я прям уверен, что если бы твоя башка разбилась, то оттуда ничего бы не вытекло!

Эл улыбнулась Леону. Даже если всю жизнь слушать только его болтовню — это лучше, чем головой об асфальт. Ведь все равно, ему надо когда-то спать и есть. И в эти моменты она бы могла наслаждаться жизнью.

— Нет, давай ты еще раз заберешься туда и сиганешь, а? И уже без этого крылышка! Что это за хрень, кстати, Акулина? Что еще из этого дома вылезает?

— У тебя стресс, выпей компота, — Акулина похлопала Леона по плечу. И мягко сказала Эл. — Ты еще полежишь, или тебе помочь забраться?

— Вообще-то, времени разлеживаться уже нет! — Возмутилась Вероника и приказала, — Давай сюда.

Эл понимала, что ее все равно в покое не оставят, на четвереньках поползла к окну. Там девушку подхватил Леон и помог перебраться в дом, не переставая при этом бубнить, какая она бестолковая. Эл оказалась в незнакомой комнате, заставленной столами с компьютерами. На каждом из них была своя зелено-серая подрагивающая картинка. Заметив на одном из компьютеров детскую, в которой они побывали с Вероникой, Эл догадалась, что это трансляции с камер видеонаблюдения. Она успела увидеть злополучную спальню, где встретилась с другом-пингином, и настроение резко ухудшилось.

— Где мы? — Спросила Эл. Она решила, что раз начала говорить с другом-пингином, то не собирается никого дальше обманывать. Ведь иначе получится, что это было для эффекта, а не для нее.

— Она разговаривает! — Воскликнул Леон. — Этот день, пятое октября, я назову “Днем сюрпризов от Эл”. Или “Эл-день”... А хорошо звучит. Почти как Элджей. А, может, лучше как в кино — “День Эл”? А может...

— Мы в моей настоящей комнате, — перебила его Акулина, чтобы ответить Эл. И указала на компьютерный стул. — Садись сюда. Будем разговаривать.

Когда Эл села, девушка подъехала на своем стуле к ней. В окружении компьютерной техники Акулина с ее черной косой, оленьими глазами, румяными щеками и юбкой в пол выглядела более, чем странно.

— Можешь задать сейчас любой вопрос, и я на него отвечу правду, — произнесла она, посмотрев в глаза Эл. Но тут же перевела взгляд на экран за ней. За секунду проверив его, переключилась на следующую картинку.

Эл только открыла рот, как в комнату ворвался Вениамин.

— Вот ты где! — Он подбежал к Веронике. — Почему вы не привели ее, как договаривались?

— Эммм..., — ответил Леон. — Все немножко пошло не по плану. Эл сбежала. Мы бросились ее искать. Не нашли. И Вероника нас отвела вот в эту чудесную комнату, из которой мы уже увидели, как Эл пролетела мимо окна.

— Бред какой-то, ты же об этой девчонке говоришь? — Вениамин бесцеремонно указал на Эл пальцем.

— Я увидела ее на одной из камер, — пояснила Акулина. — И поймала. Это один из механизмов, на который я у тебя просила денег, помнишь? Когда Зеркало выкинуло подругу Вилли, помнишь? Ты тогда еще говорил, что это необязательные траты. А пару месяцев назад какая-то девчонка забрела на четвертый. И там ей что-то привидилось, что она сиганула. Как видишь, дому нужна страховка от выпадающих из окна. Так что, возможно, я права и в другом, — Акулина скрестила руки и отклонилась на стуле, — что нам надо сейчас спокойно разобраться в ситуации и выработать план дальнейших действий?

— Но она освободила Зеркало! — Выпалил Вениамин и снова ткнул пальцем в Эл. — Предметы почувствовали, по всему дому паника. — Мужчина повернулся к девушке в ночнушке. — Вероника, нам надо успеть выйти. Скоро будет слишком поздно!

— Угомонись! — Урезонила его Акулина. — Садись. Я послала бабункауспокоить предметы. Мы попробуем спасти дом. Если не получится — выведем Веронику. За Зеркалом я слежу. Оно пока не нашло выход с четвертого этажа. — Акулина кивнула на экран справа от Эл. По нему передвигалась худощавая женщина со взбитыми волосами. Эл похолодела — это была та самая другая женщина.

Вениамин под строгим взглядом Акулины сел на стул рядом с Вероникой и сложил руки на коленях.

“Вот, кто здесь главный, оказывается — внученька.” — Подумала Эл. И со знакомым чувством страха от встречи с необъяснимым заметила, что розетка от системного блока валяется на полу. А компьютер, между тем, работает.

— Здесь что, все на батарейках?

Акулина снова повернулась к ней:

— Это точно тот вопрос, на который ты жаждешь услышать ответ?

— Нет, есть другой.

Вопрос у Эл был готов давно, но ей снова не дали его задать — в комнату вбежал танцор Таинский:

— Вы видели? — Он театральным жестом выставил вперед руку и медленно опускал, пока говорил. — Девушка пролетела мимо моего окна! Я не успел разглядеть, кто это. Скорее всего та, что должна была спасти дом! Но, признаться, она слишком вредная и бестолковая, чтобы возлагать на нее такие надежды.

— Вау-вау-вау! Кто это вдруг обеспокоился спасением дома?! — протянул Вениамин.

— Что за нападки! Меня всегда волновала судьба дома! — Возмутился Таинский, уперев руки в бедра.

— Да ты пальцем не пошевелил ради него! Пока я относил свое состояние чиновникам, ты дрыгал ногами! У тебя виллы раскиданы по всему миру, мог бы их продать и подарить дому лишних года два.

— Но ведь потом дом все равно бы снесли, — оправдывался Таинский. — Твои деньги закончились. И мои бы закончились. Так зачем бы я ввязывался в эти бессмысленные тяготы, разбирался бы в бумагах, налогах, опускался бы до всего этого?

— Видишь, Вероника, он не хотел ради тебя и дома ничего делать! — Вениамин попытался взять девушку за руку, но она стряхнула его ладонь и встала со стула:

— Зато когда я с ним танцевала, то была счастлива. А ты вечно только и говорил о том, как многим жертвуешь ради меня и дома.

— Но вы танцевали, потому что я жертвовал! — Вскочил Вениамин.

— Сейчас выгоню всех из моей комнаты! — Закричала Акулина. — Все хотят спасти дом, так? Тогда сядьте, ежик кот, и замолчите!

Таинский, Вениамин и Вероника как нашкодившие дети опустили глаза и поспешили куда-нибудь сесть. Причем Таинский успел юркнуть на место Вениамина, чтобы оказаться рядом с Вероникой. А бизнесмену пришлось довольствоваться краешком стола.

— Вот эта девочка, — Акулина наклонилась к Эл и погладила ее от плеча к локтю, — наш единственный шанс разобраться, как спасти дом.

— Ой, ты жива! А кто тогда упал? — Спросил Таинский.

Акулина закатила глаза.

— Она и упала, просто мы ее поймали. В крыло. Я же давно занимаюсь оснащением дома.

— Я думал, ты только для стен внутри придумала механизмы. Крыло-то зачем?

— Потому что на четвертом этаже есть добрая традиция — выходить в окно, — теряя терпение пояснила Акулина. — Иногда сами, испугавшись фантомов прошлого, иногда Зеркало помогает. Можно нам поговорить уже спокойно?

Таинский изобразил, как застегивает свой рот на молнию.

Акулина в третий раз обратилась к Эл:

— Что ты хочешь у нас спросить?

Эл набрала воздух в легкие. Впервые ей обещали открыть правду. Да, вокруг были уши, которые бы лучше вышли покурить со своими хозяевами. Но в этом доме все было так зыбко, так непредсказуемо, что Эл боялась упустить шанс, и поэтому выпалила:

— Где он? Где тот парень, который писал мне, чтобы я зашла в этот дом? Ты его знаешь?

Леон тут же заставил ее пожалеть о сказанном:

— Все-таки парень! Я так и думал! Надо было на телефон записать свои мысли! Один, вспомни, я же говорил тебе, ну?

— Заткнись! — Хором рявкнули Акулина и Один.

Акулина подвинула стул поближе к Эл. Ее карие глаза с большими зрачками смотрели виновато и даже немножко с опаской. Акулина тихо произнесла:

— Извини меня, пожалуйста. Я поступила очень плохо. Но я сделала это для того, чтобы спасти тех, кто мне дорог. Я придумала друга-пингвина, чтобы заманить тебя в этот дом. Только ты можешь нас спасти.

— Нет! — Отрезала Эл. — Я говорила с ним. Он или заблудился, или специально. Я не знаю. В общем, он оставил меня одну. Но я его найти, и разобраться, почему он так поступил.

— Его нет, — глухо продолжила Акулина. — И никогда не было.

— Да повторяю тебе! Ты не понимаешь! Я его видела, касалась, мы говорили, мы, мы...

— Да пойми уже! Это был не он, — вмешалась Вероника. — Это было зеркало. Если есть магия и сказка, то, значит, есть и зло. Как злая мачеха, как Снежная Королева, как... Саурон или Волан де Морт. В этом доме живет Зеркало. Когда-то это было обычное Зеркало. Не злое и не доброе, как все мы. Но одна девочка так нелюбила себя, что ударила в свое отражение в этом зеркале. И оно пошло трещинами. И стало уродливым: щеки покрыли ужасные

серые трещины. С тех пор Зеркало стало мстить всем в этом доме: разбило все зеркала, заманивало предметы и людей на четвертый этаж и подталкивало к самоубийству. Зеркало умеет принимать облик других людей. Любых. Считывать нужные нам черты прямо из головы и принимать нужную форму, копировать повадки, обороты, голос. Именно поэтому на четвертом этаже нельзя оставаться в одиночестве. Зеркало умеет перевоплощаться только для одного человека. Если рядом есть еще кто-то, то магия не сработает. Ведь даже одного и того же человека каждый видит по-разному.

— Мы его заперли, — подхватил Вениамин. — Потому что оно хочет выйти из дома. А в сказке написано, что только один предмет может покинуть дом и остаться в человеческом облике. Но тогда остальные навсегда застынут комодами да унитазами. Если дом снесут, то выйти должна Вероника. Я ее силой выведу, — Вероника насупилась, скрестила руки на груди и отвернулась. — Да, выведу. Потому что она дорога мне. И она хорошая. А Зеркало уже столько бед натворило. И теперь из-за своей глупости и вспыльчивости ты его выпустила! Зачем надо было заходить в ту спальню? Как можно было доверять какому-то парню, которого видишь в первый раз!

— Да еще и пришла в этом дом без того, что нужно! — Добавила Вероника возмущенно.

— Да что тебе нужно-то, скажи! — Закричал Вениамин на Веронику.

— Не ори, — огрызнулась Вероника. — Тысячу раз повторяла! Не знаю. Узнаю, когда она принесет.

— Это бред! — Вспылила Эл. — Хватит нести бред! Не может быть, чтобы друга-пингвина не было. Он же писал мне. У нас была дружба. Он как-будто знал меня, между нами была какая-то связь. Это не хурма, это невозможно было вот как бы просто так подстроить. — Эл путалась в словах, они липли к языку, как паутина — и все не те, и мешали ей обозначить простую логику, которая, казалось, никогда не ночевала в этом доме.

— Это было не просто так, — с какой-то гордостью произнесла Акулина. — Я долго все продумывала. И мы же были подругами в детстве. Это ты забыла, — в голосе девушки прозвучали нотки обиды. — А я нет. Я тебя хорошо знала. Вот и придумала друга, который тебе был нужен. Я не виновата, что ты сорвалась на четвертом этаже и позволила Зеркалу использовать твою слабость. Я все продумала досконально. Что ты придешь в дом, что увидишь всех нас: Колю, Вениамина, Веронику, меня, — Акулина запнулась, но сглотнула и продолжила,

— что вспомнишь, как это — летать. Что узнаешь и что захочешь спасти. И у меня был отличный помощник.

И тут Эл поняла, почему друг-пингвин часто угадывал, что с ней происходит. Откуда это ощущение связи. Она повернулась к Одину и прошипела:

— Подонок!

— Ну, не надо прям слишком на него злиться, он, как и ты, был очарован мною, — Акулина в этот момент отвлеклась на проверку камер и не заметила, как это надменно прозвучало.

— А его ты как заарканила? — Спросил Леон. — Ты прям какая-то паучиха. Мне ты начинаешь нравиться! Не хочешь себе для коллекции ютубера в сети, а?

— Она нашла меня в World of warcraft, сетевая компьютерная игра, — ответил Один, виновато смотря на Эл. — Она играла очень серьезно и умно, и в то же время умела удивлять, много рейдила и... — парень подумал, продолжать ли, но все же догооворил. — Проявляла заботу. Она ставила меня на очередь в сервак, чтобы я сразу после школы заходил в игру. А потом предложила общаться за пределами игры. Понимаешь, девушка предложила мне общаться за пределами игры?

— А ты с ней до этого виделся? До того, как мы вошли в дом? — Глухо спросила Эл.

— Нет, она сказала, что покажется, если я все исполню.

— То есть поможешь затащить меня в дом?

— Да.

— То есть ты пошел хрен знает куда и повел других людей только потому, что влюбился в аватарку?

Один замолчал и опустил глаза. За него вступилась Акулина:

— Как будто ты по-другому!

Эл не выдержала и вскочила со стула. Ее взгляд забежал по комнате в поисках того, на чем бы выплеснуть злость.

— Оу, мужики, у вас попкорн есть? — Вставил Леон. Но никто не оценил его шутку.

Эл схватила клавиатуру с соседнего стола и запустила в стену.

— Ты бы полегче с предметами в этом доме! — Строго сказала Акулина, все еще переводя взгляд с одной картинки на другую. Эл заметила, что одну из комнат на видео пересекла женская фигура. Но девушка была слишком зла, чтобы думать о чем-то, кроме своей боли. Эл ударила по одному из мониторов,

тот качнулся несколько раз и рухнул на пол, обдав комнату трескучим хлопком. Эл буравила Акулину взглядом и выкрикивала каждое слово:

— Мой друг настоящий. Может, козел и странный, но настоящий. И ждал меня. Чтобы обнять. Просто чтобы обнять. Если бы ему надо было, чтобы я спасла этот чертов дом — он бы сказал. У нас с ним были такие разговоры, такие идеи, которые вам, тухлым обитателям варкрафта, даже не снились!

Эл нависла над Акулиной. Казалось, вот-вот, и она ее ударит, или толкнет. Казалось, Акулине нечем ответить и она вот-вот признается, где искать друга-пингвина. Наконец, ее тихий голосок лезвием полоснул по Эл:

— Встать в четыре тринадцать утра, чтобы слушать со мной музыку. Вставить линзы, как у меня, чтобы смотреть на мир одними глазами. Перекрасить волосы в мой любимый цвет. Сделать татуировку с моим тотемным животным. Пойти в школу без трусов, чтобы доказать бесстрашие. Закурить на уроке физики. Может, мне номер карточки сказать, куда я тебе деньги на тату переводила?

Леон присвистнул и спросил:

— А в какой день это было — без трусов? Как я мог такое пропустить?

У Эл перехватило дыхание. Ей показалось, что она снова летит вниз с четвертого этажа. Все чувства, которые были смыслом жизни последних месяцев стали посмешищем. Все рисунки, которые она рисовала — пеплом. Все поступки — пятнами стыда, которые теперь никак не сведешь. Самый мерзкий парень в классе все слышал. Все о том, как Эл попало на удочку какой-то девчонки и ходила по ее приказу в школу без трусов. Она ненавидела каждую клеточку себя. Каждый сантиметр мира, особенно эти глаза, которые смотрят на нее. Все, хватит. Эл прыжком оказалась у стола и запрыгнула на подоконник. На этот раз она точно знала, что земля близко, что нет никакой опасности. Жить Эл хотела — просто точно не так. Ноги пронзила короткая боль — и с первого этажа прыгать ощутимо. Хватит домов, хватит тайн, хватит боли. Эл побежала, не задумываясь, куда.

Глава 13

С Днем Рождения

Вокруг скакал и дергался в такт сбивчивому дыханию Эл, обычный вечерний мир. Она бежала, а мимо мелькали фонари, мамы с колясками, красно-рыжие деревья, ковыляющие бабульки, девушки, снимающие сториз, мужчины,

спешащие домой. Или не домой. А к этим, с которыми надо успеть до возвращения к семье. В темных провалах арок вспыхивали огоньками на концах сигарет стайки подростков. Эл тоже рада была бы так заныкаться, чтобы ее никто не нашел. Но никак не могла увидеть укромного местечка — словно на зло ей все заняты. Она почувствовала резь в боку и перешла на шаг.

— Волшебный закат, посмотрите, — прошептала в телефон рядом девушка с обесцвеченными волосами и нарощенными ресницами.

— Да говно! — Влезла в кадр Эл.

— Дура, я в прямом эфире! — Сказала девушка и чуть взбила пальцами у корней копну неестественно белых волос, вытянув и надув губки. — Повсюду хейтеры. Вот она, известность.

Эл тошнило от каждой мысли, которая приходила ей в голову. От каждого взгляда. Казалось, весь мир ее ненавидит, и это чувство взаимно. Она остановилась посередине тротуара, не дойдя нескольких метров до оживленного перехода, достала пачку сигарет с зажигалкой из кармана джинсов и закурила. Толстовка осталась в танцевальном зале. Эл ежилась в майке от осенней прохлады и от прикосновения к коже курток и плащей чужих людей. Раньше, когда ей было плохо, она писала об этом другу-пингвину. А теперь-то что делать? Даже Одина не осталось. А подруг у нее и подавно не было.

— Курит тут как пуп земли. А дети этим дышат! Мне полицию вызвать? — Прошипела мамочка в белом пальто.

— Валяйте, сказала Эл, достала телефон и вставила наушники в уши. Прокрутила до песни Фараона и снова затянулась:

*Я навечно буду в своей зоне,
Ты лишишься жизни, если тронешь,
Мы ни разу не просили помощь
Как слова, которыми ты соришь.
Ты так хочешь быть мной?
Но есть помеха
Попыткам не будет светить ничего
Громе громкого смеха
Ты похож на это стадо в Instagram'e*

Ее огибали люди, причем каждый считал своим долгом бросить презрительный взгляд, но под любимый рэп Эл находила в этом щекочущее удовольствие. Как будто она сама себе теперь стала другом-пингвином и дает себе задание — выбеси этот мир, чтобы он кривился и скалился.

Песня прервалась. Черт! Входящий от мамы! Фак! Как можно было забыть! У папы же день рождения. Аааа...

— Сколько времени? — Спросила Эл, выдергивая наушники, у проходящего мимо дядечки в бежевом плаще.

— Курить бросай! — Процедил он надменно. Эл еле подавила желание прожечь в его аккуратном плаще круглую дырку.

— Семь пятнадцать, — ответила проходившая мимо девушка в мягком зеленом свитере и вдруг остановилась и спросила. — А сигаретку не стрельнешь? Вроде бросила, но начальник сегодня такой урод.

Эл протянула пачку, стараясь взглядом изобразить поддержку, и сняла вызов.

— Люба! — закричала в трубку мама. — Ты где? Уже в кафе? А то мы с Лизонькой так увлеклись шоппингом, что только выходим из магазина и ловим такси. А ехать нам целый час! Такие пробки! Можешь там папу поразвлекать? Ну, пожалуйста!

Эл хотела ответить маме, что, может, ради папы спуститься в метро? Но промолчала и сбросила. Папа ведь заслужил такое отношение — она сама видела. Но, раз все равно некуда идти, Эл бросила бычок в слив у перехода и поплелась в сторону кафе.

В углу кафе, за их «семейным» столиком сидел папа — в джинсах и пуловере. Он потирал лысину руками, вперив бездумный взгляд в симпатичную официантку. Играла американская жизнеутверждающая попса и пахло тортиками. Даже для младшей сестры Эл, Лизы, интерьер кафе стал слишком детским. Но мама с папой, видимо, застряли в тех временах, когда вкусная еда, яркие обои и плюшевые кактусы в горшках радовали детей и позволяли на пару часов забыть, что их отношения стали как холодная овсяная каша — типа все еще полезно, но давно невкусно. Нелепости картинке добавлял большой мягкий заяц, который пристроился рядом с папой. Эл вспомнила плюшевые игрушки в осколках стекла на четвертом этаже дома под снос. Она подумала,

что точно не хочет стать такой, как Алик — испортить себе жизнь, так и не решившись поговорить с отцом. Эл быстрыми шагами пересекла зал кафе и тут же затараторила, чтобы успеть сказать, что хотела, пока хватает наглости.

— Пап, с днем рождения, я тебя люблю и все такое. Но раз мама опаздывает, скажи, ты ей изменял?

— Ээээ... может, что-нибудь закажешь? — Ляпнул папа. И этот ответ не удивил Эл. Он всегда что-то невпопад говорит. Но она не собиралась отступать. Внутри еще klokотало желание сорвать на ком-то злость и поиздеваться, как только что сделали с ней. Она получала странное удовольствие, наблюдая, как бегают взгляд отца, который никогда в принципе не говорил с дочкой на серьезные темы, а тут еще и про секс. Эл повторила:

— Реально, пап, в том доме под снос, я тебя видела два раза с другой женщиной. Год назад и сегодня.

— Подожди, ты ходишь в дом под снос? Зачем? — Папа повысил голос, что большая редкость. Видимо, ухватился за возможность перейти в комфортную зону, где он ругается, а она закрывается и молчит.

— Давай попробуем по-другому, — вздохнула Эл. — Раз уж мы в оказались в этом детском кафе и у тебя День Рождение, то сыграем в игру. Называется "правда или действие". По очереди задаем вопросы. Либо отвечаем «правда» и говорим правду. Либо выбираем «действие» и исполняем, что скажет другой.

— Погоди-ка! Ты говоришь? — Опомнился отец.

— Я выбираю правду. И отвечаю — да, папа, я говорю. Поздравляю, ты наибездарнейшим образом потратил первый ход. Теперь мой черед. Готов?

— Я так рад, что ты говоришь, что готов на все, — улыбнулся папа.

— Хорошо. Так ты спал сегодня с другой женщиной? — Эл присела на край стола перед ним и скрестила руки на груди.

— Правда, выбираю правду, не спал, — сглотнул папа и посмотрел на нее снизу вверх. — Не спал, честно.

— А раньше спал?

— Так, ты правила игры не соблюдаешь! — Папа сказал это с каким-то обаятельным задором — прикусив губу и стрельнув глазами. — Мой черед.

— Хорошо, — буркнула Эл, хотя изо всех сил сдерживала улыбку. Ей нравился новый, пусть на зубочисточку, но более живой папа.

— Что ты делала в доме под снос? — Он постарался сказать это строго.

— Действие, — выбрала Эл.

— Хм... окей, раз не хочешь говорить, станцуй! — Папа откинулся на спинку диванчика.

— Здесь?

— А что такого?

— Я же не танцую, забыл?

— Это ты забыла. Еще как танцуешь! Ты в детстве так здорово двигалась — я глаз не мог оторвать, — признался папа. — Просто когда мама отвела тебя на кружок и стала орать, чтобы ты танцевала как все, ты перестала это делать.

Эл отошла от стола, подняла руки вверх и сделала несколько движений вправо-влево бедрами, взбивая невидимую подушку сверху.

Папа засмеялся и захлопал в ладоши. Эл крутанулась, сделала реверанс и, изображая балерину, просеменила к стулу. Она заметила, что посетители оглядываются на них. Официант с серьгой в ухе застыл у выхода из кухни. А женщина в возрасте, с редким рыжим каре, забыв про ложку с зеленым супом у рта, неодобрительно качает головой. Ее внук, воспользовавшись моментом, закинул в рот сахарок. Эл села на стул напротив папы, наклонилась к нему и тихо спросила:

— Ты раньше спал с другой женщиной?

Папа тяжело вздохнул. У Эл внутри все сжалось.

— Я бы хотел выбрать действие, — мягко ответил папа. — Но вижу, как тебя это волнует. И, наверное, ты уже взрослая, чтобы это можно было с тобой обсудить. Понимаешь. Все не так просто. Я не помню. Это если и случилось, то давно, когда тебе было семь лет. Тогда, вообще, много странных событий происходило. В том доме, в котором мы жили, который под снос.

— Мы жили в этом доме? — Воскликнула Эл.

— Ага. На четвертом этаже. Странности начались после того, как родители девочки с первого этажа погибли в Китае. Или раньше. Знаешь, точно не помню. Я временами чувствовал, что как будто оказывался внутри сна, только наяву. Воздух вокруг становился густой-густой, как кисель, — папа потянулся к кувшину с водой, но задел стакан. Тот грохнулся со стола и с грохотом покатился по полу. Папа проводил его безразличным взглядом, кивнул официанту, который поднял стакан, и продолжил. — Я стал слышать какие-то странные звуки, типа дверь кто-то хлопнул, а дверь вот она — спокойно себе висит на петлях. Или голоса, как будто со мной в комнате кто-то еще, а я не вижу. Я думал, схожу с ума. Иногда не мог вспомнить, чем занимался весь день. Твоя

мама на меня постоянно кричала. Ведь Лизе был всего годик, тебе пять, она тогда только с вами и сидела. А я мог выйти и забыть, что иду на работу. Ей звонил мой начальник, спрашивал, где я. Она меня обвиняла, что я себе нашел кого-то. А я боялся ей признаться, что не помнил, где был.

Папа взял салфетку и вытер капельки пота на лбу. Потом налил себе из кувшина целый стакан воды и залпом его выпил.

— Пап, я тебя понимаю, честно, — произнесла Эл.

— Вряд ли, — отозвался папа. — Точнее, надеюсь, что не понимаешь. Видимо, у меня была какая-то болезнь. Я до сих пор живу в страхе, что она вернется. Не могу работу найти нормальную. Так вот, в один из таких мутных дней что-то страшное случилось. Детей забрала на прогулку твоя бабушка, мама Лиды. День еще был такой погожий, солнечный. И я помню, что мы с твоей мамой остались одни. И что Лида была не такая. Не будничная. Но именно такая, как раньше, как давным давно, когда мы только познакомились, до того, как ты родилась, — страстная, спонтанная... и на меня смотрела, ну, как я хотел бы, чтобы она смотрела. Помню еще, что холодная, я ее спрашивал, не замерзла, не заболела? Ведь день-то теплый был...

— Холодная? — Переспросила Эл, вспомнив поцелуй друга-пингвина. — Как стекло?

— Именно, как стекло или зеркало, — подтвердил папа. — Подожди, а ты откуда знаешь?

— Пап, ты расскажи, что собирался сказать. Ну, это, без подробностей. Просто чем все закончилось.

— Ты не поверишь.

— Обещаю поверить.

— Когда у нас, ну, это было, зашла твоя мама. Представляешь, я с ней любовью занимаюсь, а она в дверь заходит!

— И ты что?

— Я рассмеялся. Как последний придурок рассмеялся. Как в кино маньяки смеются. Ржал в голос. Дальше был месяц какого-то безумия. Не знаю как, но мы приняли верное решение — уехать из дома. Ты, помню, плакала и цеплялась за предметы — не хотела уезжать. У тебя еще подружка была — какое-то странное имя на «А»

— Акулина, — подсказала Эл.

— Да, точно. Ты так вцепилась в торшер, что мы тебя смогли вынести только с ним. Но мама мне так и не простила того, что случилось. Она же в тот страшный день ушла с вами гулять. Никакой бабушки не было. И она считает, что я кого-то позвал. А я не помню. Помню, что был с ней. И после этого мама сказала, что теперь она будет работать, а я сидеть с детьми. Так что я бросил карьеру. Но у нее и вправду лучше получается.

Эл почувствовала, как огромный груз, величиной с пятиэтажку, скатывается с ее плеч.

— Пап, я знаю, что произошло. И ты не виноват. Но тебе придется поверить в полную чушь. Может, даже лучше тебе пойти со мной и я тебе покажу.

— Подожди, но мы же ждем маму. Давай завтра.

— Завтра уже дом снесут.

— Давно пора.

— Почему?

— Он старый.

— Но там же до сих пор много кто живет!

— По-моему, остались только бабуля и вот эта девочка, твоя подруга.

— Акулина, она не подруга уже. Но там еще куча разных жильцов. Понимаешь, когда намазали весь дом мелком от тараканов, то предметы начали оживать. Они все очень хорошие и милые, но вот одно Зеркало оказалось завистливым и злым. Да, точно! К тебе тогда, когда мама ушла с нами гулять, пришло Зеркало, которое приняло облик мамы. — Эл захлебывалась словами, но ей так не терпелось поделиться своим счастьем с папой, что она не старалась подбирать нужные, просто говорила. — И оно мне специально показало, чтобы из окна выкинуть, ту сцену из прошлого. А я же со стороны смотрела. А Зеркало же может только для одного человека облик менять, поэтому я видела ее, эту мерзкую женщину. А ты маму. Вот!

Эл расправила плечи и вскинула подбородок. Папа почему-то уронил голову на руки.

— Пап, ты чего так расстроился? — Удивилась Эл. Все же теперь было прекрасно.

— Я думал, что ты ради меня, понимаешь, говорить начала. А ты, видимо, наелась каких-то таблеток и мелешь здесь бред. Что ты ела, а? Хоть не мешала? Ты представляешь, что скажет мама?

Карета превратилась в тыкву, и папа стал обычным папой.

— Пап, я, честно, не глотала ничего. И не пила. Вот.

Она достала из кармана пачку сигарет:

— Я курю. Курю с того дня, как увидела тебя с ней.

— Что это? — Взвизгнул на все кафе голос мамы.

Эл похолодела. По спине как будто пробежал таракан.

— Так вот ты какой сюрприз папе подготовила, да? — Орала мама, не замечая, что все посетители отвлеклись от своих тортиков и смотрят на нее. — Не ожидала! Вот много чего от тебя ожидала, Люба, но такого! Чтобы в день рождения отца!

— Лид, послушай, — вмешался папа. — Эл хорошая, это не то, что ты думаешь.

— Знаешь, эту фразу я от тебя уже слышала! Это не то, что ты думаешь!

— Мама передразнила отца. — Но я вижу нашу дочь с фиолетовыми волосами, с линзами-туннелями, с татуировкой, с пачкой сигарет. И это не то, что я думаю?

— Лида...

— Что, Лид? Только и можешь мямлить! До семи лет была нормальная девочка, а потом... покатилося.

— Ну, Лид, чего-ты...

— Да потому что у меня был такой прекрасный день! Мы с Лизой так здорово время провели! Я костюм нашла в продольную полоску, о котором два года мечтала! А потом мне директриса Любиной школы позвонила. И такое рассказала! Ты уже успела обрадовать папочку, что закурила на уроке физики? Хорошо, что она жена префекта — удалось с пожаркой замять и нас не впутывать. Но у нее золотое сердце, а ты... только пользуешься всем, засранка!

— Дичь и хурма! — Крикнула Эл и выбежала из кафе. Потом рывком открыла дверь, вернулась к столу, сгребла пачку сигарет, посмотрела на папу уничтожающим взглядом и снова ушла.

Эл порядком надоело убегать. Но терпеть хейтинг она никогда не согласится. И на этот раз все было по-другому. Она больше не убегала. Она знала, куда пойдет. Просто перед этим надо было покурить и набраться сил.

Глава 14

Дичь

Эл курила в холодном сумраке у подъезда высоко белоснежного дома. Она перекладывала сигарету из одной руки в другую, чтобы успевать тереть себя по плечам и хоть немного разгонять зябкие мурашки.

— А тебе родители не говорили, что курить вредно? — Проскрипела старушка, выживая из кармана ключи.

— Доверять вреднее, чем курить, — парировала Эл и подставила ногу, чтобы дверь за старушкой закрылась не до конца. Потом она затушила и отфутболила бычок, дождалась, когда загудит лифт, унося старушку с ненужными вопросами, и зашла внутрь. Такой чистенький, свеженький дом. Вестибюль отделан мрамором. Пахло строительной пылью, дорогими духами и дешевыми сигаретами охранника.

Не понятно, откуда у директора ее школы деньги на квартиру в таком шикарном доме. Но адрес Эл помнила точно — в прошлом году она помогала Алле Геннадьевне донести сумки до дома. Та надеялась, что оставшись один на один с ученицей, в доверительной атмосфере совместной прогулки, ей удастся вывести Эл на разговор. Как бы не так! И до, и после нее таких было хоть отбавляй — от психологов до друзей.

“И единственный, кому это удалось, оказался ненастоящим” — Эл горько усмехнулась этой мысли.

— Вам куда, девушка? — Из-за стойки вышел приземистый охранник. Эл прочитала в его маленьких темных глазах решимость схватить наркомана-подростка и не дать нарушить мирное благоденствие мраморной крепости.

— Я к директрисе — Татьяне Геннадьевне. Сто тридцатая квартира.

— Я тебя провожу, — сказал мужик, прищулив глаза и почесав темную щетинистую щеку.

Эл пожала плечами и пошла за ним.

— Дыхалка еще есть на второй по лестнице? — Спросил он, когда они оказались на площадке перед лифтами.

— Да вы просто чертова бездна остроумия! — Ответила Эл. Как же хорошо, оказывается, иметь все слова!

Охранник не нашелся, что сказать, криво усмехнулся и толкнул дверь на лестницу. Эл последовала за ним. Ее окружили гладкие, без надписей, чистые стены. Рука скользила по ровным холодным периллам. Не дом, а уже труп, хотя только построен. Эл удивилась, с какой теплотой она вспомнила о доме под снос. Сколько было в нем спонтанной жизни, сколько всего могло произойти на

следующей ступеньке. А тут она просто переставляла ноги, чтобы дойти до квартиры.

— Прошу прощения за беспокойство, к вам посетитель, — сказал охранник выученную фразу. Прозвучало так нелепо, что даже Татьяна Геннадьевна не сдержала улыбку — и ее лицо пошло полукружьями и лучами морщин.

— Да, это моя девочка, — ответила директриса. — Заходи, Эл.

Когда дверь за ней закрылась, Эл выпалила:

— У вас же муж префект, да?

— Ого! Ты говоришь! Нам надо срочно за это выпить! Чаю, конечно, — подмигнула Татьяна Геннадьевна. — Разувайся, мой руки, я жду тебя на кухне.

Эл немного потопталась на подогреваемой плитке пола, а потом зашла в просторную ванную, отделанную жемчужно-белой плиткой. От воды в джакузи поднимался пар. Видимо, директриса собиралась расслабиться, а Эл ее отвлекла. Тонко тянуло лавандой и каким-то еще ароматом, слишком роскошным, чтобы школьнице знать его название.

— Фу, ну и амбре от вас, девушка. Курить — здоровью вредить. Садись давай, — выдала Татьяна Геннадьевна, когда Эл вошла в кухню. Директриса поставила на стол чашку из двойного стекла и начала наливать в него напиток из чугунного чайника. Чай был явно не простым. От рубиново-красной жидкости поднимался травяной, сладко-свежий аромат. Эл даже испугалась, что ее сейчас укутает, ублачает всей этой неуместной роскошью, и она забудет, зачем пришла и уснет прямо за столом.

— Так у вас муж префект? — Перешла к делу Эл.

— Есть такое дело, — ответила директриса и застыла с чайником в руке посередине кухни. — А что?

— А где он?

— Говорит, что в спортзале, — предположила директриса.

— Можете ему позвонить и попросить кое о чем?

— Ну, ты сначала скажи, о чем.

— Чтобы завтра не сносили один дом, чтобы подождали неделю.

— Нет! — Директриса звонко поставила чайник на мраморную столешницу. — Этот дом точно завтра снесут и точка!

Эл опешила от такой бурной реакции Татьяны Геннадьевны. Для храбрости она отхлебнула чая, но обожгла горло. На глазах выступили слезы. Татьяна Геннадьевна подумала, что девушка плачет.

— И не надо мною тут манипулировать! Мы уже пять лет ждем этого события!

— А почему вы ждете? — Удивилась Эл.

— Потому что нам же важен облик нашего района, мы любим Москву. А эта старая рухлядь сыпется и все портит!

— Точно поэтому? — Нахмурилась Эл.

— Ты меня в чем-то подозреваешь? — Директриса уперла руки в бока.

— Да нет, просто странно. Какой-то дом, я прошу всего один день. А у вас такая реакция.

— Знаешь, а мне ты больше нравилась насупленной и молчаливой. Но у меня сегодня праздник, а разделить не с кем, так что расскажу тебе немного про историю этого дома — все равно уже все решено.

Эл заметила, что директриса уж слишком раскованно с ней говорит. А движения, чеканные раньше, стали плавнее. И еще в кухне сквозь чайно-травяной аромат угадывалась открытая бутылка крепкого сладкого алкоголя. Татьяна Геннадьевна продолжила:

— Этот дом в плане на снос уже пять лет. Уже писана и переписана земля под ним. Уже защищена хренова туча проектов реновации. Уже расселено девяносто процентов жильцов. Но этому придурку, Вениамину, фамилию не помню, уж очень далась эта старая развалина. Сначала заносил деньги моему мужу. Потом пошел выше. Потом, видимо, еще выше. А мой муж, обиженный невниманием и уверенный, что вот-вот даже если дом не снесут, то он рухнет сам, пообещал большим и богатым людям, что все устроит самым быстрым образом. А такие люди ох как не любят, когда их обманывают. Я понятно объясняю, деточка?

Эл кивнула. Да они с мужем просто образец добродетели! И директриса еще учит ее как себя вести!

— Так вот, — произнесла Татьяна Геннадьевна. — Муж пообещал большим и богатым людям, что дом скоро снесут. И принял, так сказать, от них подарки за это обещание. А дом все не сносили. И на нас начали давить. Знаешь ли ты, что такое жить в постоянном страхе? С одной стороны говорят, что если экскаватор приблизиться к дому, то тебя закатают в цемент. А с другой стороны обещают в

этот же цемент закатать, если не приблизится. Вот в этом кошмаре мы и варились последний год. Поэтому завтра я лично поеду проверить, что камня на камне не останется. Наконец-то у этого урода закончились деньги.

И директриса, ничуть не стесняясь, выдвинула спрятанный за тостер бокал с бейлисом и с удовольствием отхлебнула.

— Но я прошу всего один день. Мы совсем скоро разберемся, что нужно сделать. Пожалуйста, — протянула Эл.

Директриса с размаху поставила бокал, сливочные капли подпрыгнули и шлепнулись на мрамор.

— Так, что-то мне кажется, мне кто-то хочет праздник испортить.

— Ну, вы же всегда такая понимающая, такая простая, — Эл изобразила максимально жалостливый взгляд.

— Слушай, у всего есть предел, — Татьяна Геннадьевна рубанула напряженной ладонью воздух. — Я хороший директор. Не надо лезть за кулисы.

— А если я всем расскажу?

— Что расскажешь? Что я ликер пью?

— И что взятки берете и что вот такая у вас квартира, — Эл ткнула на лепнину на потолке.

— Очень всех удивишь, валяй. Именно с этого и начни говорить с миром. Произведешь фурор. Только что-то мне подсказывает, что это воспримут как хурму и дичь. Я правильно, да, выразилась?

Эл взглянула на телефон. Одиннадцатый час.

— Можете позвонить моим родителям? — Вздохнула она.

— Зачем?

— Ну, сказать, что я у вас была — извинялась за курение на физике.

— Это всегда пожалуйста. Ты сама до дома дойдешь или такси вызвать?

— Сама. Тут близко.

Эл зашла в свою комнату и свалилась на кровать. Никогда у нее не было такого странного дня. Неуж-то назавтра начнется самая обычная жизнь? Она пойдет в школу. Начнет разговаривать с учителями и одноклассниками. Все сначала будут в шоке, потом привыкнут. С Одином они сядут за разные парты. Леон растрезвонит, что она сосалась с унитазом. Посмеются, потом забудут. И

все воспоминания о доме под снос затянет холодной пушистой пылью. Как снег, только серой и без предчувствия праздника.

Эл принялась обдирать со стены стики. Даже это закончилось. Она не говорила триста шестьдесят четыре дня. Но с завтрашнего дня она станет самой обыкновенной девочкой на свете. Без никакой особенности. Без тайного друга. Эл поставила телефон на зарядку, выключила свет, только оранжевый торшер оставила, чтобы не утонуть в этой одинокой темноте, скинула джинсы, забралась под одеяло и тут же уснула.

Ее разбудила нежная мелодия поверх которой были записаны квакающие и шваркающие звуки. Те звуки, которые издают пингвины. Это был будильник — самый любимый звук последних двух месяцев для Эл. Она вскочила с кровати и подбежала к телефону. Но вспомнила, что сегодня в четыре тринадцать утра не произойдет ничего удивительного. Друга больше нет. Даже дома скоро не станет. Эл отключила телефон и залезла под одеяло.

— Можно? — В дверях стояла Лиза. В просторной ночнушке, как Вероника.
— Мне всю ночь сегодня не спится. Услышала у тебя будильник.

— Мои платья еще тебе велики. Но могу прямо сейчас отдать. Не жалко,
— осказала Эл, не поворачиваясь к сестре.

— Хватит быть такой злой, — Лиза вошла и затворила за собой дверь.

— А зачем тогда ты про татуировку сказала? — Буркнула Эл.

— Вырвалось! Мне на самом деле она понравилась. Покажи, — Лиза подошла к кровати. Она была уменьшенной копией мамы — волнистые блестящие волосы, высокие скулы, четко очерченные губы, миндалевидные глаза — только кожа как будто мастерски обработана в приложении.

— Вот, смотри, — Эл откинула одеяло и села на кровати, протянув руку сестре. Так зачем ты пришла?

Лиза нежно провела по еще опухшей татуировке:

— Лапочка такой. А больно было?

— Адски.

— А зачем делала?

— А твоя какая любимая буква?

— Даже не знаю. Может, буква эл. Наши имена с нее начинаются.

— А нелюбимая?

— Же

— Вот на этом и закончим.

— Знаешь, я так соскучилась по разговорам с тобой, что мне пофиг, что ты огрызаешься, — Лиза улыбнулась и с такой теплотой посмотрела на Эл, что та передумала язвить дальше. — Хотела спросить тебя про тот дом. Я же тоже там жила. Пусть ничего совсем не помню. Мама говорила, что это проклятое место. А сейчас я услышала, как в разговоре с директрисой она назвала дом под снос и сказала, что не пустит тебя туда ни сегодня, ни завтра, ни никогда.

— Вот же зараза! — Вырвалось у Эл. — Не мама. Директриса.

— Что ты про тот дом знаешь? Мама говорила, что там творились необъяснимые вещи. И я верила, что там живет магия. Очень хотела побывать. Но боялась. А ты смелая, смогла зайти.

— Да, там и правда было страшновато, — согласилась Эл.

— Например, что?

— Тараканы в пирожках! — Эл выпучила глаза, чтобы добавить эффекта.

— Да ладно? Врешь! — Отмахнулась Лиза.

— Нет! И предметы там оживают! Я с комодом кур... — Эл осеклась — не захотела быть для сестры дурным примером, и поправилась, — точнее, танцевала. И с телефоном болтала, который еще, знаешь, такой, с круглой штукой сверху, как в музеях.

— То есть как танцевала? — Переспросила Лиза.

— Они, эти предметы, превращались в людей, — пояснила Эл

— Как в «Красавице и Чудовище»?

— Нет, в мультике предметы оживали, но оставались в своей форме. А в доме они не просто оживали. Они превращались в людей, — Эл встала на колени в кровати и размахивала руками — так ее переполняли чувства. В свете торшера картина получалась несколько зловещей — по стене скользили беспокойные большие тени.

— Блииин, я так хочу посмотреть! — Лиза сгорбилась и ударила себя ладошками по коленям. Ну, почему я таскаюсь с мамой по шоппингам, а ты в волшебных домах в это время тусишь?

— Я думала, что тебе нравятся новые шмотки, магазины.

— Я даже не знаю, нравится мне или нет. Я так усердно делаю вид, что да, что не знаю. Понимаешь?

— Не очень.

— Это потому что тебя не волнует, что чувствуют другие. Извини.

— Но это правда так. Чего извиняться? — Эл подвинулась к Лизе и обняла.

— Я же чувствую, что тебе неприятно это слышать. И меня это волнует. А мама... — Лиза комкала и растягивала края ночнушки. — Ей так хорошо, когда она видит мой дневник с пятерками, когда мы в награду идем на шоппинг. Она вот такую жизнь представляла.

— Только с двумя дочками, — вздохнула Эл. — А получилось с одной.

— Ну, я за двоих могу шопить, — хитро подмигнула Лиза. Эл не сдержалась и потрепала ее по щеке.

— А еще там можно летать — в этом доме, — призналась Эл.

— Нет! — Лиза даже вскочила с кровати.

— Тише ты! — Эл приложила палец к губам. — Ты не веришь?

— Извини, в это просто так сложно поверить, — Лиза развела руки. — Но все равно Расскажи, как это — летать?

— Прикольно, че, — Эл принялась стирать пальцем пыль в складках торшера. — Ты начинаешь танцевать вальс и потихоньку отрываешься от земли.

Лиза скрестила руки и поджала губы:

— А я тебе верила! Как ты могла так облажаться! “Хурма и дичь”, выражаясь твоим языком. Ведь я то знаю, что ты лучше таракана съешь, чем будешь танцевать.

— Я танцевала! — Эл сжала кулаки и твердо посмотрела на сестру. — На меня тогда что-то странное нашло. Наверное, тоже какая-то магия, что я согласилась танцевать.

— Нет уж, извини, — Лиза села на кровать и скрестила руки. — Но в то, что Эл танцевала, только лохи верят.

— А ну поднимайся! — Эл встала напротив неё. — Я покажу, раз не веришь.

Лиза, сжав губы в трубочку, чтобы не засмеяться, встала в стойку.

— Ты это... — смущенно сказала Эл, — можешь повести? Потому что я только задачу партнерши помню.

Лиза взяла Эл под лопатку правой рукой, а левой накрыла ладонь сестры. Сделала шаг правой ногой, потом левой, потом правой... Эл, подстроивалась под движения сестры, не переставая в голове перебирать «И раз-два-три». Наступив всего три раза на ноги Лизе, она выдержала испытание.

— Офигеть! — прошептала Лиза. Они продолжали вальсировать по комнате. — Давай тогда рассказывай, как это — летать!

— Это бесподобно! Тебя снизу толкает воздух. Ты легкий, как шарик. Ты искришься! Ауч!

Эл плечом зацепила торшер, он полетел на пол. Лиза бросилась на колени и в последний момент поймала.

— Спасибо, — сказала Эл и села рядом. — Я бы очень расстроилась, если бы он сломался. Эй, ты чего?

Сестра опустила голову, волосы закрыли лицо.

— Ты же пробовала! — Заныла Лиза. — Ты была в настоящей сказке! А я никогда!

— Ну, побываешь ещё! Ведь тебе лет пока очень мало! Все успеешь! — Попыталась ее подбодрить Эл.

— Что ты за глупости морозишь! — И слезы упали на оранжевый абажур торшера. — Я же сама слышала — дом через несколько часов снесут!

Эл смотрела, как пятна от слез расползаются по любимому торшеру. Лиза была сейчас похожа на маленькую принцессу. Рапунцель с живительными слезами, какую-нибудь. Может, и торшер был когда-то живой, ведь его Эл забрала из того дома?

— Дура! — Заорала она, и тут же зажала себе рот руками, чтобы не разбудить родителей.

Лиза подняла на нее красные глаза:

— За что?

— Да нет, это я дура! — Громким шепотом произнесла Эл. — Вероника же говорила, что я должна принести его. Что она расскажет сказку о спасении дома тому, кто дает свет, и все в том же духе! Как я могла не догадаться, что речь идет о торшере?

— Он что, живой? — Лиза встала и аккуратно поставила его вертикально.

— Да! И, Лиза, я обещаю, что ты будешь летать, только помоги мне свалить из дома, — Эл уже натягивала джинсы.

— Как? — Лиза вытерла слезы рукавами ночнушки.

— Задержи родителей — они услышат входную дверь, — Эл вынула из шкафа первую попавшуюся кофту и надела.

— Но за тобой же побегут! И догонят! С торшером наперевес тебе далеко не уйти!

— Если хоть чуть-чуть дашь мне времени, я успею запрыгнуть в такси.

— Обещаешь, что я побываю в сказочном доме?

— Обещаю. Только мне позвонить надо.

Эл взяла со стола телефон и стала листать список контактов.

— Блин, у меня же нет его номера. Ой, есть! Точно! Он же мне сам вписал — Леон Крышесносный... блин.

— Кто? — Переспросила Лиза. — Это так твоего друга зовут? Постой, это же знаменитый ютубер! Ты каждый раз фыркала, когда я просила тебя автограф взять!

— Лиз, — ответила Эл. — Мы не друзья. Просто он единственный, кто в теме. Извини, сейчас некогда, — в трубке послышался сонный голос Леона. Ало, привет! Можешь подъехать как можно скорее к моему дому? Да я знаю, что у тебя нет машины, хоть ты и клевый! Да, я в курсе, сколько сейчас времени. Еще скажи, что в школу скоро! Короче, возьми такси, заплати мужику больше, чтобы не удивлялся, что я залечу в машину с торшером. И надо будет трогаться как можно быстрее, за мной возможно погоня. Понятно? — Эл закатила глаза, улыбнувшись Лизе. — Отлично, что ты недавно принял душ и волосы мокрые. Значит, ты будешь давать интервью после спасения дома. Да, мы снова туда. Да, я знаю, что делать. Слушай, сорян, если я тебя сейчас не остановлю, то мы полгода проговорим, а дом скоро снесут. Сможешь подъехать? Класс! Через сколько? Отлично! Набери мне, как будешь внизу.

Глава 15

Пожар

Эл подбежала к припаркованному такси, поставила торшер, открыла дверь и аккуратно положила его на заднее сиденье. Ура! Впритык поместился. Она запрыгнула внутрь машины, затянула размотавшийся провод от торшера, хлопнула дверью и крикнула:

— Погнали!

Машина резко тронулась и, подскочив на лежаке, завернула в арку. Эл посмотрела назад и успела заметить, как отец выбежал из дома. Она испортила ему День Рождение вчера и сегодня папе предстоит очередной скандал с мамой. Еще и Лизе достанется. Эл слышала, спускаясь по лестнице, как сестра делает вид, что пытается одеться, чтобы броситься в погоню, а на самом деле мешается папе под ногами. Но родители так хотели, чтобы у нее появилась цель в жизни.

“Получите-распишитесь”, — улыбнулась Эл, оглядывая машину. Потертый салон, сильный хвойный запах ароматизатора, не справляющийся с задачей

скрыть сигаретный дух и то, что водитель давно не мылся, — все говорило о том, что Леон вызвал такси эконом-класса.

— Слушай, дарагой, мы что, невесту похищать? — Спросил улыбчивый желтозубый таксист у Леона, который сидел на переднем сидении.

— Почти, — ответил парень. Потом обернулся, чтобы подмигнуть Эл. У Леона было помятое лицо, а челка растрепалась и совершенно не отдавала ненавистным Эл ютубным лоском. Она улыбнулась парню и одними губами сказала “спасибо”.

— А лампа на кой? — Не отставал таксист.

— Послушайте, я же заплатил в два раза больше, чтобы вы не удивлялись, — сказал Леон.

— Дарагой, я уже три года в такси работать. Я ничему не удивляться. Просто у меня жена любить такой романтичный истории. Мальчик-девочка, ночь, лампа большой. У них обустроен уютный пещерка?

— Домашку делать будем, — процедила Эл.

— А лампа-то на кой? — Не унимался таксист.

— Что б светлее было! — Подхватил Леон.

— А как же темнота — друг молодежи?

— Вот здесь направо и приехали. — Эл хоть и не была против поболтать, но очень боялась не успеть спасти дом.

— Эээ... менты там. Мне не надо. Тут выходить.

Леон вышел и помог Эл выбраться, подхватив торшер. По сравнению со вчерашним днем на улице заметно похолодало. Было еще темно, ледяной ветер морозил уши. Когда такси отъехало, Леон возмущенно произнес, доставая сигарету:

— Нет, ну как можно быть таким болтуном!?

— Действительно, — покачала головой Эл, сдерживая улыбку. — Покурим потом. Мы очень спешим.

— А ты когда мне объяснишь, что мы делаем-то? И на кой лампа? — Передразнил Леон водителя.

— Давай когда в дом зайдем. Это важно. И побыстрее.

— Лады, — Леон еле успевал с торшером наперевес за Эл, которая размашисто шагала к подъезду.

Когда они уже подходили к знакомой двери, их окликнул полицейский из машины.

— Эй, вы куда?

— Домой, — спокойно ответил Леон.

— А торшер зачем? — Полицейский вышел из машины и встал между подростками и дверью, выпятив живот и криво улыбаясь мясистыми губами. В руке он держал недоеденную шаурму.

— Купили, для уюта, — поддержала Эл версию Леона.

— Где так хорошо врать научились? — Полицейский улыбнулся указал на них шаурмой и одноклассникам пришлось отпрянуть, чтобы он их не испачкал.

— В школе, — хором ответили Эл и Леон.

— Вот и ломитесь в школу, а сюда вам нельзя. Этот дом выселили. Через два часа снесут .

Леон приблизился к полицейскому, откинул челку со лба и прошептал:

— Вы могли бы войти в мое положение? Ну, знаете, как это у девочек бывает? Нужна романтика. Настрой. Старый дом, который через несколько часов превратится в тлен. Торшер я этот пер, как набитый дурак. И это только первый поцелуй! Поверьте, мы нормальные, просто влюбленные. В мире так мало романтики. И ради таких девочек ничего не жалко, никаких денег. Понимаете, о чем я? И Леон протянул ладонь для рукопожатия.

Эл заметила там тысячную купюру и отвернулась. Из машины вышел и подошел к подъездной двери еще один полицейский и, оперевшись на нее, скрестил руки на груди. Блин! Даже с разбегу прорваться не получится.

— Детки, — уже без улыбки процедил полицейский. — А теперь вы меня послушайте. — И он снова чуть не задел их шаурмой — на асфальт упало несколько капель соуса. — Я считаю до трех и заталкиваю ваши романтические задницы в машину, и вы почувствуете всю романтику мира в нашем уютном участке.

Пришлось отступить. Эл с Леоном доплелись до ближайшей стройки и спрятались за углом забора.

— Что будем делать? — Спросил Леон.

— А где Один? — Вместо ответа произнесла Эл.

— Он остался в доме. Когда ты ушла, я пытался в прямом эфире в YouTube поднять народ на демонстрацию. Но, прикинь, только они поняли, что я не очередной прикол показываю, а призываю жопы оторвать со стульев — все, я остался один. — Леон тяжело вздохнул, запустил ладонь в волосы и зачесал

челку вверх. — И я пошел домой. Что оставалось делать-то? В доме я никому не нужен. А у Одина, видимо, на Акулину какие-то планы. Вот он и остался.

— Добро пожаловать в мир мудаков, — Эл похлопала Леона по плечу и достала телефон.

Смахнув пропущенные звонки и гневные sms-ки от мамы, она набрала Одина.

“Абонент временно недоступен” — отрапортовал безразличный голос.

— Черт! Черт! Черт! — Эл врезала кулаком по жестяному забору. На нее обернулась группа работяг, которая заходила рядом через ворота на стройку.

— Тихо ты! — Шикнул Леон. — Давай покурим. Может, что-нибудь придумается. Мне всегда помогает, когда затык с контентом. И пока расскажи, зачем торшер? И чего это тебя так взволновала судьба дома.

— Если коротко, помнишь, Вероника напала на меня, что я пришла без какой-то очень нужной хрени? Ну, на шизанутом четвертом этаже?

Леон кивнул, челка снова упала на лоб из закрыла половину лица. Эл отвернулась и посмотрела на краешек дома под снос, который был виден из-за забора.

— Так вот, — продолжила она, доставая сигарету. — Я думаю, она имела в виду торшер.

— Да ладно? — Процедил Леон, прикуривая. — Типа они тоже пара — как Коля и Поля? И ты этот торшер забрала, когда из дома съехала? — У парня выпала сигарета изо рта. — А как же этот Вениамин, который в Веронику влюблен? А еще Таинский. — Леон закатил глаза и достал новую сигарету.

— Я честно говоря в любви мало понимаю, — ответила Эл. — Но если бы меня спросили, кто больше любит Веронику, я бы сказала, что Вениамин. Потому что жертвует чем-то ради нее, деньги тратит. А Таинский так — просто танцует. Но этим Вениамин и бесит Веронику. Она же ему вроде как обязана. Что так на меня уставился?

Леон, и вправду, не сводил глаз с Эл, и даже забыл прикурить.

— Да просто это так необычно — говорящая Эл, — и он чиркнул зажигалкой.

Девушка наклонилась над огоньком в руке Леона и вдруг краем глаза заметила, что в окнах дома сверкнул свет.

— Ты видела? — Подпрыгнул Леон.

— Свет в доме? — Спросила Эл.

— Да нет же! Торшер вспыхнул и погас!

— А я видела, как в доме свет загорелся.

— Прикинь, они общаются, — зловеще прошептал Леон.

— Кто?

— Торшер и дом, — и Леон посмотрел на нее своим фирменным, загадочно-ужасающим взглядом, от которого сходили с ума его фанатки-школьницы.

Эл хотела было приколоться над абсурдностью догадки Леона, но увидела, как снова заморгал торшер — то короткими вспышками, то задерживая на несколько секунд мягкий, оранжевый свет.

— Нет, я не могу этим не поделиться, — Леон включил камеру на телефоне.

— Смотрите, дорогие фанаты, это вилка валяется на земле, а это торшер, который светится, — Леон снимал видео. — А это Эл, и ей очень идет оранжевый свет.

— Теперь все узнают, что я курю, — сказала Эл.

— Ну, ты мне льстишь. Я еще не так знаменит, — бросил он Эл и поменял камеру на фронтальную. — Лайвхак для настоящего ютубера. Пришел домой — заряди сразу камеру и телефон. Потому что мало ли тебе в ночи позвонит странная девушка и попросит украсть ее из дома на такси, чтобы снова ломиться в заброшенный дом. На этот раз мы собрались его как-то спасти. Как я понимаю, этот торшер, что светится за мной — это та хрень, без которой Вероника отказывалась рассказывать третью сказку о том, как спасти дом. Скажи, что я умный, да, Эл? — И Леон встал рядом с девушкой и прижался к ней плечом.

— Он умный, но если этот ум размешать в словах, получится очень слабый раствор! — Приветливо улыбаясь в камеру, съязвила Эл.

— Так, Эл, молчаливой ты мне нравилась больше. На чуть-чуть. Сейчас тоже нравишься. Просто... блин. Я сбился! Эл! — Леон опустил телефон.

— Извини! Не спрашивай меня тогда! И, вообще, я волнуюсь, а ты свои видео снимаешь! — Эл развела руки и задела жестяной забор, отчего тот громко загремел.

— У тебя есть другие идеи, чем заняться?

— Нам надо внимательнее смотреть. Должен быть какой-нибудь сигнал.

Эл почувствовала вибрацию и вынула телефон из кармана. На экране высветилось сообщение от друга-пингвина По телу прошел привычный разряд, но мурашками не разлился — Эл вспомнила, что это Акулина.

“Скоро полицейских отвлекут. Ждите. А как начнется, попробуйте пробраться в дом.”

— Слушай, как можно влюбиться в кого-то виртуального, а?
— Прищурившись, спросил Леон. Торшер теперь горел постоянно, и Эл залюбовалась, как от его ресниц на веки ползут длинные тени. Потом опомнилась и резко ответила:

— Отстань, а?

Леон снова включил камеру на телефоне.

— Я же вам не рассказал об Эл! Собственно, я же из-за нее попал в этот дом. Она влюбилась в виртуального друга, и тот позвал ее в дом. А потом оказался девочкой. А до этого она еще успела поцеловаться с унитазом! А вы как провели вечер четверга?

Эл выхватила у Леона телефон и кинула на землю.

— Свихнулась, что ли? Если с камерой что случилось, тебе конец!

— Испугал! — Огрызнулась Эл.

Леон аккуратно, как ребенка, поднял телефон, осмотрел:

— Тебе повезло. Все нормально.

— Ты не трогай меня, и дальше тоже все нормально будет.

— Я буду говорить, о чем хочу. Ты тоже, если хочешь, снимай свое видео. А у меня история будет неполной без упоминания те...

— Смотри, несколько машин во двор заехало, — перебила его Эл. Пойдем, поближе подойдем. — Торшер возьми.

— Думаешь, началось? — Спросил Леон, волочась за Эл.

Вдруг в тишину пустыря перед домом ворвалась музыка. Это была смесь классики и электроники. Что-то мощное, нездешнее. Эл с Леоном выглянули из-за забора и увидели, как из машин начали выскакивать люди в блестящих обтягивающих костюмах. Пять человек залезли на крыши и принялись танцевать — настолько синхронно, что это завораживало и даже пугало. Как будто они какие-то потусторонние существа. Эл один раз была в клубе и, наверное, что-то было в происходящем общее с тем, как выступают танцоры гоу-гоу. Остальная толпа, что вывалилась из машин, направилась к дому широкими, пружинящими шагами, извиваясь и дергаясь под музыку. В доме зажглись синим, зеленым и красным светом несколько окон, потом погасли, потом вспыхнули другие, и продолжили пульсировать в такт музыке.

— Прямо какой-то “Триллер”... — вырвалось у Леона.

— Что это? — Спросила Эл.

— Старый клип Майкла Джексона, темнота... — пожурил он Эл.

Танцоры продолжали идти на полицейских, пугая выпученными глазами и абсолютной синхронностью движений.

Только солист впереди, Таинский, подпрыгивал и совершал в воздухе нереальные для земной гравитации фигуры. Эл оглянулась. Рассвет только занимался, поэтому людей на улице было совсем немного. Очередная партия строителей, девушка с собачкой и парень в велосипедках на пробежке. Все застыли, как вкопанные, любуясь представлением. В окнах соседних домов загорелся свет и раздвинулись шторы.

— Эл, это дичь или полный Дамблдор? — Спросил Леон.

— Это наш шанс! Хватай торшер и погнались!

Полицейский подошел к машине и сказал в громкоговоритель.

— Немедленно прекратить! Вы все будете арестованы! Эта акция не согласована! — Его голос сорвался. Он заметил, что из окон дома под снос повалил дым.

— Пожар! — Закричала девушка с собачкой. Эл с Леоном застыли на месте .

— Пожар! — Подхватили люди из распахнутых окон соседних домов.

Но пожаром не пахло. Пустырь наполнил концертный дым, окрашенный в огненно-оранжевый светом фар. Танцоры приближались. Их лица были измазаны красно-зеленым гримом. Эл от их вида захотелось развернуться и убежать. Парень в велосипедках так и поступил.

Эл заставила себя оторваться от жуткого зрелища и двинуться к подъездной двери. Леон поспешил за ней. Полицейские их заметили и ринулись наперерез.

Танцоры тут же заполнили пространство между стражами порядка и подростками.

— У нас репетицию сюда перенесли! Есть бумага! Вы мешаете! — Кричал Таинский и прыгал вокруг полицейских, которые пригибались и отпрыгивали, чтобы не быть задетыми длинными ногами танцора.

— Какая к черту репетиция? Пустите, а то всех посажу! — орал полицейский.

— Береги торшер, — кричала Эл Леону, когда они смешались с толпой танцоров у двери. — Блин, расступитесь! Дверь не могу открыть.

Леон уперся руками в стену слева от двери в подъезд, сдерживая натиск, охраняя пространство вокруг торшера.

— Разойдись, сейчас будет гранд батман! — Гроыхнул Таинский.

Танцоры у двери расставили руки и оттеснили назад полицейских. Эл рванула на себя дверь. Таинский прыгнул, раскидав ноги в шпагате, и первым влетел в подъезд. Эл цапнула за ворот Леона, обнимавшего торшер, и втянула в подъезд. Дверь за ним тут же захлопнулась.

— Ну все, мы дома, в безопасности, — выдохнул Таинский и сполз по двери.

Эл вдохнула знакомый запах пыли и плесени, и поняла, что и сама чувствует то же самое, хотя еще этим днем боялась сделать шаг от двери вглубь дома.

Глава 16

Скорую

По лестнице к ним сбежали Акулина и Один.

— Мы смогли! Мы герои! Это было прям стильно! — Кричал Леон.

— Тихо! Еще ночь! — Акулина даже зажала ему ладонью рот. — Нельзя шуметь.

— Это еще почему? — Промычал Леон под ладонью.

— Одно из правил дома, которые вы, кажется, все нарушили, — деловито прошептала Акулина. — Нельзя бродить по ночам — пугать тараканов. Они ночью размножаются. Бабунок услышит — всем мало не покажется.

— Объяснила, спасибо, — проворчал Леон себе под нос.

Акулина начала на цыпочках подниматься по лестнице и рукой поманила всех идти за ней.

Один, Леон с Торшером, Эл и Таинский последовали за ней.

Они добрались до второго этажа и вошли в квартиру, где проходила вечеринка. Зал тонул в цветном полумраке скользящей светомузыки. Только без музыки. Около двадцати жителей дома сидели в кругу и передавали друг другу чашки. В тишине было слышно, как они отхлебывают компот. Только девушка в узком розовом платье стояла рядом, оперевшись на стену.

— Ребят, вы прям как участники тайной мессы, — хохотнул Леон. Но его хорошее настроение никто не поддержал. Все, даже веселушка Лу, смотрели в пол перед собой, сдвинув брови

Эл узнала Вилли, который с легкой улыбкой махнул ей рукой, и поспешила отвернуться. Она до сих пор стыдилась того поцелуя. Потом девушка заметила Колю с Полей в обнимку, барона Фон Тела с татуированной подружкой Кирой и обменялась с ними легкими кивками.

— Приперлись, — буркнула девушка в платье-гармошке, которая невзлюбила Эл еще в танцевальном зале. — Посмотреть, как мы умираем?

И Эл узнала в девушке ту вредину, которая ее еще во время танцев подкалывала. Взгляд задержался на заплатке на платье в форме сердечка. Девушка заметила, что Эл на нее пялится и повернулась спиной.

— Эл кое-что принесла, — радостно сказала Акулина. — Мы не знаем, то ли это, что нужно Веронике. Но попробовать стоит!

— Эл покрасила волосы! Значит, мы будем спасены! Эл сделала татуировку! Время закатить вечеринку! — пародируя голос и интонации Акулины, произнесла девушка в светящемся платье. Эл ее про себя называла лампочкой, но вспомнила, что на самом деле ее зовут Лола. Помолчав, девушка добавила уже своим высоким голосом. — Может, уже хватит нас зря раззадоривать? Ты каждый день, Акулина, что-то обещаешь, говоришь об успехах. А вместо спасителей в дом заходят трое тупых подростков. А мы должны их очаровать. И тогда великая и прекрасная Эл захочет нас спасти!

— Лола, прекрати поясничать! — приказала Акулина к девушке. — У меня действительно все рассчитано.

Лола замолчала, но ее платье мигало так интенсивно, что всем пришлось смотреть в потолок.

Акулина обратилась к предметам:

— Паника и отчаяние — это наихудший выбор в любой ситуации. Какой бы ни был план, лучше действовать по нему. Вот сейчас Леон поставит торшер рядом... а где Вероника?

Ей ответил Вениамин:

— Я ее, видите ли, так достал, что она ушла в себя.

Эл заметила, что в середине комнаты лежит большая красивая Книга сказок, украшенная картинками драконов, цветастых домиков и иероглифами.

— Леон, поставь Торшер рядом с Книгой, — попросила Акулина.

Обитатели дома подвинулись, освободив проход между Вилли и Фон Телом. Леон сделал несколько неуверенных шагов и опустил Торшер.

— Эммм... Это все? Или мне что-то еще надо сделать? — Спросил парень.

— Отойти надо, — буркнул Фон Тел.

Леон вернулся к Эл, Одину и Акулине.

— А че они такие? — Спросил шепотом Леон у Акулины, пока Поля зачерпывала ладошкой из кружки с компот и брызгала на Книгу с Торшером.

— А как бы ты себя вел, если бы знал, что скоро умрешь?

— Ох..., — вырвалось у Леона. И больше, к удивлению Эл, ничего.

К ней подошел Один и потянул за локоть. Эл все еще обижалась и не собиралась с ним никуда идти, но сделала несколько шагов к арке.

— Ты меня простила? — пробормотал парень. — Точнее, не так. Извини, я очень перед тобой виноват. — Один коснулся ее плеча, смутился, и засунул руки в карманы джинсов до предела. — Но также, чтобы у тебя была полная картина меня, чтобы решить в дальнейшем, дружить ли со мной, я должен признаться. Если бы я мог вернуть время на три месяца назад, когда все началось, я бы поступил точно также. Помог Акулине, предал бы тебя.

— Шикарное извинение, — сказала Эл, все еще дуясь. — Я подумаю.

— Просто... — Один поднял взгляд в потолок. — Акулина даже сейчас оказалась права. Когда ты убежала, то даже замочная скважина высказалась, какая ты нехорошая. Ну, мягко сказано. А Акулина до хрипоты со всеми спорила, что ты вернешься, что тебе нужно время.

— Харе болтать, — встрял Леон, — вы поглядите, че происходит. Они типа оживают!

Эл была рада отвернуться от Одина. Ей было странно разговаривать на тему отношений, разбираться в поступках — она никогда этого раньше не делала. Но то, что девушка увидела в центре комнаты — было на порядок, на Вселенную страннее разговора с одноклассником.

Если бы Эл смотрела такое в кинотеатре, то сказала бы “подумаешь, книга сама собой движется.” Но тут, в обычной комнате рядом с одноклассниками, ей стало страшно. Колени подогнулись, и она вцепилась в плечо Леона. Тот тоже дрожал и уже не мог больше комментировать происходящее перед их глазами — с его губ срывались только невнятные междометия.

Книга вибрировала и подсказывала на месте, Торшер шатался и прыгал в каком-то безумном танце. Эл уже встречалась с волшебством. Казалось бы, чего так пугаться? Но раньше волшебство происходило с Эл — будь-то танец-полет или кровать-лифт. Чудо требовало напряжения тела, молниеносной реакции, сосредоточенности. А тут разворачивалось волшебство-театр. Мозгу не оставалось другого дела, кроме как осознавать, насколько он маленький и ограниченный. Предметы двигались и менялись у Эл на глазах. Книга и Торшер начали надуваться и расти, но не как воздушный шарик — со всех сторон, а скачкообразно, выбрасывая то в одну, то в другую сторону отростки.

— Мне дурно, — прошептал Леон.

— Скорую? — На полном серьезе спросила Эл.

— Можешь отвернуться, — посоветовал ему Вениамин. Он стоял рядом и спиной к “представлению”. — Я никогда на это не смотрю.

— Значит, не любишь по-настоящему, — сказал Таинский. — Я вот смотрю и восхищаюсь. На пути к красоте всегда пролегает бездна уродства. Уж поверь мне. — И он размял стопы, от чего те захрустели.

В кругу, освещенном разноцветными лампами, корчились два недочеловека. Их конечности уже довольно сильно отрасли, но сквозь плоть будущей Вероники просвечивали страницы, по мятой поверхности кожи скользили рисунки драконов, домиков и землепашцев, а вместо головы торчал уголок переплета. Тот, кто еще пару минут назад был Торшером из комнаты Эл, теперь пытался отлепить руки и ноги от корпуса-палки. Металлическими тяжи, словно жевательная резинка, тянули конечности обратно. Вместо его головы у него все еще болтался оранжевый абажур. Но верхушка уже начала лохматиться густой шевелюрой.

— Похожи на големов, — прошептал Один. — Из какой-то игры.

— Точно, — согласилась Акулина.

Наконец, книжные иллюстрации на теле Вероники сменились картинками летящей белой ночнушки. Той самой, в которой была девушка сегодня днем. Один рисунок стал расти и распространяться на все тело, вытесняя другие. И в какой-то момент он перестал быть плоским, а налился блеском и гладкостью шелка, пошел складками и отделился от кожи. Эл так заворожено следила за этими метаморфозами, что пропустила образование голов.

Когда она опомнилась, Вероника обнимала рыжеволосого парня в белой рубашке с короткими рукавами и джинсах. Его кожа на руках и плечах еще немного шла бороздами, подобно рельефу ножки торшера. Но когда Вениамин решился обернуться и выругался, этот эффект прошел.

— Ма шер, как я скучала, — плакала на плече бывшего Торшера Вероника.

— Расскажи мне скорее, как ты жила все это время? — Парень ощупывал ее руки, шею, лицо, — Я так скучал! Представляешь, стоял себе торшером в комнате Любы! Иногда такую муть читать приходилось, чтоб мне перегореть!

— А я без тебя словно лишилась части тебя. Слова во мне бледнели с каждым днем, желания претуплялись, переворачивались, скукоживались. — Вероника взъерошила волосы парня, провела указательным пальцем по носу, поправила воротник рубашки и прижалась к нему сильно-сильно. — Иногда мне казалось, что достаточно есть клубнику и пить шампанское и быть счастливой. Или в кружении танца из головы вылетала вся тоска. — Вероника с рыжеволосым парнем сели на пол, не расцепляя объятий. — Ты меня простишь когда-нибудь?

— За что?

— Я же забыла тебя. Я помнила, что мне кто-то нужен. Очень. Чтобы вспомнить себя. Чтобы ожили внутри важные сказки. Но не помнила, понимаешь, кто конкретно нужен. Видела лишь сгусток теплого света.

— Ну, разве можно за это обижаться, сестренка! — Засмеялся парень.

Эл поежилась словно от дуновения ветра: у Вениамина вырвался вздох облегчения. Она даже поймала себя на том, что завидует Веронике — ее пока никто так не любил. А надежда на любовь друга-пингвина рухнула два часа назад.

Кхм, — громко кашлянул мужчина в зеленой шапочке и добавил, — динь-динь! Спешу напомнить, у нас есть дела поважнее ваших воспоминаний. Кстати, как к вам обращаться молодой человек?

— Тор Шер, можно просто дорогуша, — ответил парень с простодушной улыбкой. — А тебя как зовут?

— Во-первых, мы на “ты” не переходили. Во-вторых, я Захар Дондонович, — мужчина прервался, потому что по комнате прокатился легкий смешок. — И я бы попросил не ржать, потому что все имена мы себе не сами выбирали.

— А кто? — Спросил Леон.

— Вот эти две девушки, две подружки, — Захар Дондонович указал на Акулину и Эл, которые стояли рядом.

— Правда? — Удивилась Эл. — Почему я ничего не помню?

— Я бы тоже хотела знать, почему — резко ответила Акулина. — Ты нас всех забыла, когда тебя забрали.

— Видимо, это феномен психики, — вмешался Один, — стресс. Она же, наверное, очень переживала. Представь только — магия, подруга, живые

предметы и полеты — и в друг от всего этого отрывают в квартиру с ремонтом в новом доме. В семь лет есть только один способ с этим справиться — забыть!

— А можно мы потом психоанализом займемся! — Не выдержал Вениамин. — Вероника, ты же получила, что хотела. Теперь уже можешь рассказать нам третью сказку?

— Сказку, сказку, — оживились и легонько захлопали в ладоши люди-предметы.

Вилли лег на живот и подпер руками подбородок. Поля, как на спинку кресла, оперлась на мягкого Колю. Девушка в неудобном платье прислонилась к стене. Эл опустилась на пол, скрестив ноги. Рядом сел Леон. С другой стороны Один. Эл улыбнулась от того, как эта сцена напоминает детский сад, когда воспитательница читает книжку. Акулина включила диктофон и положила на пол перед собой.

Вероника вдохнула побольше воздуха, и комнату наполнил шелест страниц:

— Сказка номер три, произнесла она.

— А содержания предыдущих серий не будет? — Засуетился Вилли.

— Тихо тебе, — зашипела на него Кира и погрозила татуированной рукой.

— Я тоже не слышал, — возмутился Тор Шер.

— Божечки! — Всплеснула руками Акулина. — Вы сначала ведете себя как дети, а потом возмущаетесь, почему так медленно дом спасается. Короче, в сказках все прямо как про наш дом. Тоже девочка, тоже ожившие предметы. Не ходи к разработчику, сейчас дому будет угрожать опасность и...

— Сказка подскажет, как нам все разрулить! — Подхватил Леон. — Я умный, да?

— Чутьку умнее, чем когда зашел, я бы так растрезвонил, — ответил ему Звонок.

— Можно уже Вероника продолжит, а? — Рывкнул Вениамин.

Все замолчали. Вероника кашлянула и произнесла.

— Сказка номер три. Однажды родители Лу пришли домой грустные-прегрустные. “Лу, — сказала мама. — Нам придется переехать.”

“Как переехать? — Из глаз Лу, подобно ливню, хлынули слезы. — Это невозможно.”

“Нам приказал феодал, — папа обнял дочку. — Ему приглянулась эта земля, для своего дворца. Он сказал, что с балкона верхнего этажа откроется

удивительный вид на пойму реки. Нам обещан дом в другом месте. Говорят, больше и лучше.”

— А кто такой феодал? — Спросила девушка в платье-шторе.

— Давай, Один, ты у нас все знаешь, — Леон ткнул одноклассника локтем.

Один объяснил:

— Шарлотта, феодал — это тот, кто владеет землей. В Средневековье люди по сути были приписаны к земле, то есть принадлежали феодалам. Не знаю толком, как именно было в Китае во времена этой сказки...

— А сейчас такого нет? — Спросил Вилли.

— Нет, сейчас мы все свободны, — сказал Один.

— Почему же тогда сносят наш дом? — Поинтересовался Коля.

— Потому что раньше правили самодуры, а теперь рынок, — проворчал Вениамин.

— И самодуров хватает, — вздохнул Таинский. — Извини, Вероника, продолжай, пожалуйста.

Деньги сравнивают все неравенства. — Вставила Поля и, смутившись, уткнулась Коле в грудь и закончила, — простите, вырвалось. Это, кстати, Федор Михайлович Достоевский.

— Подождите-подождите. То есть дом сносят потому что кому-то нужны деньги? — На этот раз докопаться до истины захотел Фон Тел. — Ему есть нечего? Может, мы ему поможем? Скинемся у кого-то есть, мебель продадим какую-нибудь. И дом не будут сносить!

— Да, давайте поможем тем, кому нужна земля под домом и нас оставят жить! — Звонок волновался и от этого его голос срывался и позвякивал.

— Если бы все было так просто, — невесело рассмеялся Вениамин.

— А что не просто? Объясните! — Вмешался Фон Тел.

— Чего люди нагородили-то!? — Возмущалась Ли.

— Упростим! — Ударил по полу Коля.

Предметы, казалось, было не уговорить. Они окончательно ожили и компот будоражил их умы и сердца на поиски справедливости. Каждый начал предлагать свою идею и, поскольку им было неведомо понятие времени, то просьбы Акулины замолчать и угрозы скорого сноса не увенчались успехом.

— Вы сказали нам, что дом снесут, только вчера! — Возмутился мужчина в черном смокинге.

Так не честно! Мы бы смогли что-то изменить! — Воскликнула девушка в серебристом платье, которую вчера пытался соблазнить Леон.

Вы не дали нам времени и выбора! — Проревел Фон Тел.

Поднялся гвалт, градус возмущения нарастал.

— Тихо! — Закричала что есть мочи Эл. И почувствовала себя героиней фильма, которая должна произнести какую-то воодушевляющую речь. Утихомирить и объединить всех. Вот только слова этой речи не были никем написаны. — Мир ужасен. — Эл вспомнила папу, как его зачем-то соблазнило Зеркало, и разрушило жизнь их семьи. — В нем не работает вариант “я хороший и никому не делал зла, значит, и мне не будут вредить”. — Эл мысленно перенеслась в квартиру директрисы. — А также не работает вариант “я объясню человеку, как плохо он поступает, и он передумает так поступать”. В этом мире в принципе мало что работает. Я пришла сюда найти друга, а мне тут залезли в душу и наложили большую такую кучу. И поэтому мы не будем сейчас что-то придумывать. А сделаем так, как написано в сказке. Потому что это абсурдно. А если я что и могу вам точно сказать про мир за окном. Так это то, что он абсурден. Чуть менее, чем ваш, конечно.

— А чем это наш мир абсурден? Мы ради бумаги не сносим дома с жителями! — Возмутился Коля.

— Окей, абсурд везде, поэтому молчим и слушаем сказку, — припечатала Эл.

Леон захлопал в ладоши. А потом к нему присоединился Один. И Акулина. Все предметы подхватили аплодисменты, и несколько секунд Эл мечтала оказаться электролобзиком, чтобы вырезать дыру в полу и туда провалиться.

Хорошо, что Вероника додумалась кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание и продолжила:

“Нет, я не уеду отсюда! Нельзя! — Лу обливалась слезами.

— Но у тебя же здесь нет друзей! — Удивилась мама.

— Вы ничего, ничего не понимаете! — Выпалила Лу и выбежала из дома.

Она знала точно, что все ее друзья погибли вместе с домом. Несколько раз пыталась она вывести близнецов-башмаков погулять. Сколько мелка она извела на одну только ложку, чтобы она ожила на улице! Все было напрасно! Старая Лежанка была права! Только дом, отмеченный волшебным мелком, давал жизнь принадлежавшим ему предметам. За его порогом они вновь становились всего лишь материей.”

Послышались всхлипы. Эл увидела, как худая спинка Поли, согнутая, с торчащим позвоночником, содрогается от рыданий. Коля нежно гладил ее

своей большой пухлой ладонью. Он вынул из одного кармана презерватив и протянул ей:

— На, съешь.

Услышав несколько смешков, он взглянул на руку, быстро спрятал ее в кармане и, наконец, достал карамельку.

— Я тоже хочу! — Воскликнул Тор Шер, — я девять лет не ел карамелек!

Коля поделился с ним, а потом извлек из недр толстовки целую горсть и пустил по кругу. Даже Эл взяла конфетку. Ей досталась барбариска — и на несколько секунд девушка забылась в кисловатой сладости вкуса из детства.

Мммм... — протянул Леон. — Бросаю курить, затариваюсь карамельками.

— Продолжишь? — Напомнили хором Акулина и Один.

— Да, конечно, — Вероника взяла сразу две конфетки и теперь ее речь стала невнятной:

“Но Лу не могла бросить друзей! Ей надо было бороться за свой маленький домик, за ехидную ложку, за капризную штору, за ворчащий котел, за безобразников-башмаков, за волшебство, которое озарило ее тусклую жизнь.

Дом должны были сносить на утро третьего дня. У Лу оставались целые сутки, чтобы что-то придумать. Она легла спать, а когда проснулась и проводила родителей, то взяла в каждую руку по башмаку и как давай лупить тараканов. Они шныряли и улепетывали от нее, но Лу сегодня не знала промаха. Потом девочка собрала в маленькую ручку горстку насекомых и бросила в кастрюлю с кипящей водой. Спустя одну тридцатую часть суток у Лу был готов отменный компот.

— Что?! — Заорал Леон и выплюнул конфету. — Компот из тараканов? Вы рехнулись? — Он продолжал кашлять и плевать. — О таком, вообще-то, предупреждают заранее!

Эл тоже почувствовала, как подступает дурнота.

— Тихо! — Шикнула Акулина. — Бабунок идет. Всем заткнуться и притвориться спящими.

— Она не зальет нам в рот компота? — Сдавленным голосом поинтересовался Леон. Но Таинский, который лег рядом, нагнул его голову к земле. Это случилось как раз в тот момент, когда послышался звук открывающейся двери. Потом раздалось шарканье тапочек. Эл сквозь веки почувствовала, что в глаза бьет оранжевый свет.

— Молодцы, детки, спите, это хорошо. А то шляются, некоторые, по ночам, другим спать не дают, режим сбивают, тараканов давят. Я таких наказываю.

Свет уплыл вместе с шарканьем. После того, как дверь закрылась, все в комнате еще несколько минут лежали, боясь даже громко дышать. Эл слышала лишь иногда, как конфетки, видимо, перебрасываемые с одной половины рта на другую, стучат о зубы.

— Можно, — прошептала Акулина. — Только тихо.

— Нет, вы мне все-таки объясните по поводу компота, — не унимался Леон. — Он что, правда из тараканов?

— А что такого? — Удивился Коля.

— Как будто в вашем макдаке крысы по продуктам не бегают, — усмехнулся Вениамин.

— Подождите, дайте я ему нормально объясню, — попросил Один. — Смотри, мелок волшебный. Им бабуля вместе с Эл и Акулиной давным-давно обмазала стены и разные предметы. Видимо, эти предметы и стали в дальнейшем людьми.

— Все так, — подтвердила Акулина.

Один закончил мысль:

— Но мелок постепенно стерся с материи, магия, по идее, должна была исчезнуть. Но поскольку мелок оказался на живых существах, то они впитали его магию в кровь.

— Вот, спасибо, чувак! — Отозвался Леон. — Когда все так стройно, то можно горстями тараканов лопать! Фу, блин! — Парень принялся тереть язык ладонью.

— А разве тараканы от мелка не умирают? — Удивилась Эл. Она пыталась хоть как-то сосредоточиться на логических связях, чтобы не думать, что у нее в желудке переваривается горстка толченых тараканов. Или сушеных? Или мелко-нарезанных? Или замороженных? Или разваренных? Хватит!

— Конечно нет, что за глупость, — откликнулась Акулина. — Тараканы умирают от сотовых телефонов. А от мелков размножаются пуще и волшебнее прежнего.

Леон произнес сдавленным голосом

— И что, вы их ловите и...

— Бабунок делает из них пастилу и варит компот. Эффект ты сама видел и, даже, мне как будто показалось, наслаждался им, — заметила Акулина с улыбкой.

— Вероника, продолжи, пожалуйста, — попросила Эл. Ее мутило все сильнее, очень хотелось отвлечься.

— По-моему, ваши сигареты куда противней, чем компот. И бумагу жжете пачками. — Бросила Вероника и вернулась к сказке.

“Но вместо того, чтобы оживить все предметы и снова провести день, полный проказ, веселья и секретов, Лу побрызгала волшебным зельем только на Старую Лежанку. Сегодня ей нужна была ее мудрость.

И Старая Лежанка втянула ножки, налилась пышными и дряблыми старческими боками, набила трубку паутиной и сухими листьями, закурила и сказала:

— В доме живет магия, девочка.

— Я заметила, — поспешно ответила Лу. — Но как мне спасти дом? Я же для этого вас разбудила!

— В доме живет магия, девочка, и больше меня не перебивай.

Лу прижала ладони ко рту, чтобы не сказать чего-то случайно. Старая Лежанка продолжила.

— И это магия этажей. У каждого этажа она своя. И если их объединить, то дом непременно будет спасен.

— Но как это сделать, объединить магию этажей? — Спросила Лу.

— Скажи, я похожа на справочник по домоводству? — Старая Лежанка пустила к потолку колечко ароматного дыма.

Лу замотала головой.

— А я похожа на сельскохозяйственный календарь? — Второе колечко дыма, чуть поменьше, пролетело через первое.

Лу снова замотала головой и добавила для убедительности:

— Совершенно нет.

— Вот и не спрашивай у меня глупостей. Все, что тебе нужно, ты уже знаешь.”

Повисла пауза. Впервые Веронику никто не пытался перебить. А она ничего не говорила. И от этого Эл стало по-настоящему страшно.

— Это все? — Тихо спросила Акулина.

— Да, — ответила Вероника.

— Вот, черт, — высказался за всех Вениамин.

Глава 17

Дамблдор. Полный.

Предметы, затаив дыхание, смотрели на Акулину. Она всегда знала, что делать. Но сейчас почему-то молчала, а светомузыка мешала рассмотреть выражение ее лица.

— Ну? — Не выдержал Фон Тел. — Какие будут указания?

Акулина молчала.

— Что-то нужно? Найти? Достать? Принести? — Оживился Коля.

— Ты что-то сказала? Не слышно! — Подвинулась к Акулине девушка в светящемся платье.

Эл видела, что губы Акулины двигаются, но тоже не слышала слов.

— Она не знает, — ответил за девушку сидевший рядом Один. — Пока не знает. Вы не даете подумать!

— Так некогда думать! — Запаниковал Захар Дондонович. — Надо срочно что-то делать! Давай, скажи нам что-нибудь!

Но Акулина молчала.

Шарлотта всхлипнула и вытерла глаза своим платьем-гармошкой.

Ли в потертом сарафане подскочила, подбежала к девушке в узком розовом платье, которая не могла сесть, и обняла ее, запричитав:

— Кристина, прости меня, пожалуйста, я знала всегда, что тебе жутко неудобно, но, честно, завидовала твоей стройности, твоей осанке.

— А я — твоей раскованности, — призналась девушка и обвила Ли своими тонкими руками.

Кира обратилась к Фон Телу:

— Давай, наконец, сделаем это?

— Чтобы последнее, что мы почувствуем перед смертью, был стыд?

К ним подполз Вилли:

— Кира, если тебе с кем-нибудь надо это сделать, то есть варианты.

— Дурак, я не про это совсем. Тебе не понять, — огрызнулась Кира.

Вилли пожал плечами и отправился утешать девушку в светящемся платье.

— Страх смерти хуже, чем сама смерть... Джордано Бруно, — всхлипнула Поля.

Вениамин и Акулина подсели к Веронике:

— Ну, может, ты что-то упустила? — взмолился Вениамин.

— Или какие-то картинки возникали в мозгу во время рассказа?
— Допытывалась Акулина.

— Отстаньте уже от меня! — Воскликнула Вероника. — Я свое дело сделала. Если вы не знаете, как использовать мою сказку, чтобы спасти нас, то дайте хотя бы перед смертью наговориться с братом.

И она поднялась на ноги и потянула за собой Тор Шера. Вениамин схватил ее за руку.

— Ты куда? Где тебя найти?

— Нам не за чем больше встречаться! — Выпалила Вероника, выдернула руку из ладони мужчины и хотела было убежать, но путь ей преградил Таинский:

— Может, потанцуем? Что нам теперь отбой и бабуля? Последний танец перед смертью — это же так... декадансно...

Даже Эл захотелось ответить ему что-нибудь резкое. Но Вероника просто окатила танцора гневным взглядом, взяла за руку брата и убежала из квартиры.

— Пойдем в соседнюю комнату — переслушаем сказку на диктофоне, — Акулина позвала Эл. К ним присоединились Один, Леон и Вениамин.

Они зашли в ту комнату, где Эл дралась с Леоном. Диван и стол стояли на своих местах. Значит, никто из них никогда не оживал. У Эл сжалось сердце при мысли, что все гомонящие люди за стенкой скоро станут щепками и осколками. Нет, конечно, они попробуют их вынести. Но разве так можно, чтобы Ли висела разношенным джинсовым сарафаном в шкафу, и больше никогда не захохотала?

Эл подошла к окну и увидела, что приезжает техника. Жадные, бесчувственные клешни двух экскаваторов скользили в свете фонарей. Полицейский что-то обсуждал со строителем, а потом махнул рукой в сторону дома и закурил.

Надо срочно что-то придумать. Но что? Эл никогда не отличалась особой сообразительностью и хорошими оценками. Да и разве в школе учили тому, как спасать волшебные дома? Все, что она усвоила за эти годы — хочешь чего-то добиться, будь упрямой. Проси телефон каждое утро и каждый вечер, пока не

доведешь родителей. Если хочешь улизнуть погулять, проверь все способы — уговоры, лесть, нытье, слезы. А когда она решила, что больше всего в жизни ее задолбали тупые вопросы, то стала клеить стики на стену за каждый день молчания. Если бы не этот упрямый ритуал, то она бы не выдержала.

— Слушайте, а мы не все этажи проверили, — вспомнила Эл.

— На пятом точно ничего интересного, — отрезал Вениамин.

— А можно еще раз про магию этажей напомнить, что где? — Попросил Леон.

Акулина принялась перечислять:

— На первом — электроника и механизмы. Все, что задумываешь, получается. Даже если проводов нужных не проложено.

— Даже если компьютеры не включены в розетку, — добавила Эл.

— Молодец, — улыбнулась ей Акулина. — А на втором оживают предметы.

— Так они разве не по всему дому шляются? — Удивился Леон.

— Видимо, их надо сначала побрызгать компотом на втором, а потом уже они, заливая напиток внутрь, могут дальше передвигаться, — догадалась Эл.

— И снова молодец, — в голосе Акулины послышалось радостное удивление.

— А на третьем полеты, а на четвертом временные дыры и летающие кровати, — выпалил Леон, чтобы получить свою порцию похвалы.

— Точно, — сказала Акулина. И добавила с грустью, — только толку, что мы все это знаем. Видимо, со сказкой система дала баг. Это была изначально тупиковая ветвь. Простите, что впутала вас во все это.

— Тогда что делать? — Спросил Один.

Эл посмотрела в окно на экскаваторы, которые как голодные тролли замерли перед домом в ожидании пира.

— Вот бы напустить на них дракона, как в сказке, — тихо сказала Эл.

— Что ты сказала? — Переспросила Акулина.

— Глупость.

— Нет, ты сказала “дракон”?

— А разве вы держите на пятом этаже дракона? — Спросила Эл.

— Нет, мы держим дракона на первом этаже, — сказала Акулина, и они с Вениамином переглянулись и расплылись в улыбках.

Акулина вышла в зал:

— Так, отставить панику! Слезами делу не поможешь! Всем живо мобилизоваться! Работаем на спецэффектах, как тренировались. Программа “максимальный ужас”! Плюс надо открыть дверь в подъезд. И найти несколько тараканов.

— Вот, у меня где-то здесь был! — Подбежал Коля, роясь в карманах. Из одного выполз таракан. Акулина взяла насекомое большим и указательным пальцами. Эл передернуло.

— Так, давайте, берем еще тараканов! — Сказала она глядя на одноклассников.

Леон спрятался за Эл. Девушка окаменела. Коля выставил перед ней руку. На толстовке у него копошилось несколько тараканов.

Один протянул дрожащую руку и схватил одно насекомое. Эл видела, как напрягся каждый мускул на его лице.

Акулина вопросительно посмотрела на Эл:

— Знаешь, раньше ты не была такой фифой!

Эл сжала зубы, сморщилась, и схватила таракана. Он двигал лапками и шевелился у нее в пальцах.

— Меня сейчас стошнит, — процедил рядом Леон, бледный, как одноразовый стаканчик.

Один, Акулина и Эл окатили его презрительным взглядом.

— Чего вы! У меня реально фобия! Это вам пофиг!

“Конечно, пофиг!” — подумала Эл, еле сдерживая тошноту.

Акулина выбежала из квартиры и спустилась на этаж ниже. Эл, Один и Леон поспешили за ней. В подъездную дверь кто-то ломился. Послышался суровый мужской голос:

— Открывайте! Иначе мы снесем дверь и заберем всех силой на хрен!

— Давайте, сюда их, перед дверью, — девушка опустила своего таракана и раздавила. Эл с Одним повторили за ней.

— Запускай! — Крикнула Акулина.

Мимо Эл сверкнула девушка в светящемся платье и ярко-желтая лента, озарив темноту у двери в подъезд, завернулась в лампочку.

Девушка в черном маленьком платье, к которой вчера клеился Леон, сбегала по ступенькам, подпрыгнула, сжалась в воздухе и прилипла к двери замочной скважиной. Рядом крутанулся вокруг своей оси мужчина в смогине,

блеснул в воздухе медным боком и влетел в скважину. Ключ провернулся в замке и дверь открылась. Двое мужчин ввалились и, не удержав равновесие, грохнулись на пол. Над ними задрожала лампочка.

“Интересно, от утреннего холода или от смеха” — поймала себя на мысли Эл.

Акулина несколько раз с силой долбанула по двери в квартиру Софьи Леонидовны и побежала вверх по лестнице.

— За мной, живо! — Бросила она подросткам.

Эл, Леон и Один забрались на площадку второго этажа.

— Тсс! Слушаем! — произнесла Акулина одними губами. Отворилась дверь на первом этаже.

— Кто это тут шляется во время отбоя? — Грозно спросила Софья Леонидовна.

— Бабуля, на выход, — скомандовал один из мужчин.

И тут подъезд взорвался истошным воплем бабунка:

— Это вы сделали?

— Началось, — прошептала Акулина.

— Эй, потише, а то психушку вызовем, — пригрозил мужчина.

Но Софья Леонидовна, напротив, заорала еще сильнее:

— Это вы давили тараканов?

— Бабуля, что за тараканы? Совсем крыша съехала? Давайте, на выход.

— Это вы сейчас выйдете! Из своих жирных туш выйдете! Из своих черепных коробок вылетите! Это вам сейчас и крышу, и все на свете снесут!

Эл спустилась на несколько ступеней, чтобы посмотреть, как Софья Леонидовна вышвырнет из дома ментов. И застыла, вцепившись пальцами в перила.

Бабунок раза в полтора точно увеличилась в размерах, и уже нависала над двумя мужчинами. Из ее ноздрей валил пар, короткое седое каре встало ирокезом на голове — ни дать ни взять драконий гребень.

— Аааа... — придя в себя от первого шока заорали мужчины и бросились бежать.

Но Софья Леонидовна не собиралась их так быстро отпускать и бросилась в погоню.

— Все! Быстро! На позиции! Вы знаете, что делать, — прозвенел над ухом Эл голос Акулины. А сама девушка сбежала вниз по ступеням и завернула в дверь напротив квартиры Софьи Леонидовны.

Эл, Один и Леон, не зная, чем заняться, последовали за ней. Все трое, как зашли в комнату, тут же приклеились к окну. Им открылся прекрасный вид на захватывающую сцену, как двое взрослых мужчин в форме бегает вокруг экскаватора от дымящейся старухи.

Худой мужчина в кепке у забора следил за ними, забыв закрыть рот. В руке у него тлел бычок сигареты. Мальчик около дороги в красной куртке, сторбленный под пухлым рюкзаком с “Звездными войнами”, дергал маму за рукав бежевого плаща и показывал пальцем в сторону дома.

Мама, уткнувшись в телефон, тащила его за локоть.

Но пройдя несколько шагов она застыла и медленно развернула голову к дому.

— Пожар! — Послышалось с разных сторон. Эл поняла, что из окон повалил тот самый концертный дым, который помог им забежать в дом несколько часов назад.

По стеклу сверху потекла красная жидкость. Эл отпрянула — она словно оказалась внутри фильма ужасов — уж очень было похоже на кровь.

— У себя тоже поднажмите, а? — попросила Акулина, которая сидела за компом и долбила по клавиатуре.

Эл почувствовала запах гуаши. Один нашел свисающую под подоконником резиновую грелку, от которой тянулся шнур и пропадал в стене. Когда он надавил на нее, раздался неприлично-булькающий звук.

— Это ты все придумала? — Высоко подняв брови, спросил Леон.

— А кто же еще! — Усмехнулась Акулина.

— Офигеть! — Похвалил Леон. — Я бы тебя взял в команду.

Акулина махнула рукой, но Эл видела, как девушка зарумянилась и еще быстрее забарабанила пальцами по клавиатуре.

Эл представила, как дом смотрится снаружи и поежилась — по окнам стекает кровь, из щелей валит дым. Возможно, Акулина что-то еще выдумала, а им просто не видно.

Красная жидкость залила почти все окно. Эл нашла свободный островок и выглянула на улицу. Софья Леонидовна достигла размеров двух взрослых мужчин. Возможно, Эл показалось, но седой ирокез как будто сверкал искрами.

Убегавших мужчин стало больше — к полицейским присоединились два толстяка в строительных касках. Наконец они, видимо поняв, что старуха отставать не собирается, оторвались от эскалатора и понеслись подальше от злополучного дома. Бабунок гнала их, пока мужчины не скрылись из виду за забором стройки небоскреба.

В комнату ворвались Вениамин и Таинский.

— Ты просто аншанте! — Вскричал танцор, упал перед Акулиной на одно колено и поцеловал ей руку. — Невероятно!

— Круто сработано, — заключил бизнесмен. — Если бы у меня осталась хоть одна компания, то я бы принял тебя на работу.

Акулина встала из-за стола и демонстративно отряхнула руки:

— Ну, ближайший месяц мы точно можем не волноваться. Пойду встречу бабунка. Один, пожалуйста, найди компот на кухне в ее квартире и принеси к выходу. Она точно без сил, бедняжечка.

Эл повернулась к окну и увидела, как к подъезду возвращается, еле волоча ноги, дряхлая старуха. Потные путанные волосы прилипли ко лбу и щекам. Руки повисли вдоль тела, словно пришитые. В ней едва можно было узнать бушевавшую праведным гневом несколько минут назад Софью Леонидовну.

И тут Эл заметила, что из-за угла соседнего дома вышла женщина в оранжевом костюме. По пружинящей чеканной походке она тут же узнала директрису. Рядом с Татьяной Геннадьевной шел молодой человек, то и дело подергивая плечами. Он был в черной кожаной куртке и темных очках, но не узнать его было сложно.

“Алик” — подумала Эл.

Татьяна Геннадьевна поднесла громкоговоритель ко рту:

— Уважаемые жители дома под снос. Если бы вы сооблаговолили выйти на свет божий, и посмотреть на мир, в котором живете, то узнали бы, что нормальных людей не запугать вашими дешевыми спецэффектами. — Она прочистила горло (ее “кхм” разнеслось по всему двору) и продолжила. — Тем более, со мной человек, который сильно пострадал от ваших проделок и не будет церемониться.

— Алик, — прошептал рядом Таинский.

— Вы же можете поговорить с ним, — взбодрился Леон. — Он ваш сын. Он вас слушает.

Таинский сгорбился, сел на корточки, и переводя растерянный взгляд с Леона на Эл, принялся оправдываться:

— Он мне давно сказал, что больше мне не сын. Я же пытался помириться. Несчетное число раз!

— Присылая плюшевых медведей? — поинтересовался Леон.

Эл схватила парня за руку:

— Не надо. Видишь — ему и так непросто.

— Непросто ему! А детей рожать просто! А детям потом как?

Таинский в одно мгновение поднялся и большим бесшумным скачком оказался у двери. Там остановился и сказал:

— Если появится что-то, что я действительно могу сделать для вас и дома, то просите — я на третьем.

— Трус, — процедил Леон.

В комнату вбежали Акулина и Один.

Вениамин жестом показал им на окно.

— Вот, черт! — Всплеснула руками Акулина. — Эта тетка здесь частенько ошивалась.

— Есть надежда, что Алик не умеет управлять ковшем, — предположил Один.

— Нет такой надежды, — припечатала Акулина. — Он с детства мечтал быть строителем. Даже меня звал играть в эти свои желтые экскаваторы. За это Таинский его еще больше презирал.

Алик забрался в кабину экскаватора. Забурчал двигатель. Ковш закачался и поехал к дому. Татьяна Геннадьевна отошла подальше, надела темные очки и закурила вейп: приготовилась наслаждаться зрелищем.

Эл предприняла еще одну попытку разобраться с идеей, которая не давала ей покоя:

— Если в сказке говорится, что все пять этажей важны, значит, надо его проверить? — Спросила она, смотря то на Акулину, то на Вениамина.

— Я согласен с ней, — Леон подошел к Эл.

— И я, — с ними рядом встал Один.

— Три против двух, бе-бе-бе, — Леон скорчил гримасу.

— Вот именно, что вы воспринимаете все как игру, — Вениамин сел на компьютерный стул и уронил голову на руки. — Для вас даже этот дом — квест, развлекалка...

— Ничего плохого в квестах нет, — перебила его Акулина. — Просто вы зря время потратите на этот этаж. А у нас жесткий тайминг и впереди гейм овер без возможности сохранения.

Как будто в подтверждение ее слов, раздался страшный грохот и скрежет. Пол дрогнул, и Эл схватилась за подоконник. Наверху завизжали предметы... Акулина рванула к ним, чтобы успокоить.

— Начали сносить, — констатировал Один очевидный факт.

— Идем наверх? — Спросил Леон.

Эл кивнула, и они двинулись к выходу.

— Эл, тебе какая дверь больше нравится. Впереди, правая, левая? — Спросил Леон, когда они оказались на площадке пятого этажа. Девушка огляделась — этаж как этаж, перед глазами не плывет, даже кресел нет, чтобы покурить, или хотя бы консервной банки.

— Да пофиг, давай вперед.

Дверь оказалась незаперта. Внутри было темно и весь пол топорщился и поблескивал чем-то щедро посыпанный. Леон сделал первый шаг. Под его кедом что-то захрустело.

— Эй, что за нафиг? — Спросил он и включил фонарик на телефоне. — Смотрите, здесь повсюду какие-то мелкие хренотени из пластика.

— Давай уже хоть чуть-чуть вперед продвинемся, а? — Попросила Эл. — А то ты проход перегораживаешь.

Леон, на цыпочках, высоко задирая ноги, углубился в комнату:

— Если честно, я немного боюсь.

— Если честно, я охренеть, как боюсь, — выдал Один.

Леон с Эл резко обернулись на него. Потом обменялись недоумевающими взглядами и продолжили исследовать помещение.

— Есть идеи, как нам определить магию этого этажа? — Спросил Леон.

— Нет, потому что самый лучший вариант — просто спросить у кого-нибудь, мы забыли проверить, — ответил ему Один.

И снова Эл и Леон уставились на Одина.

— Что? — Спросил парень. — Что это вы на меня так смотрите? Или вы просто пытаетесь бровями до волос дотянуться?

Ему ответила Эл:

— Я молчала, потому у меня были принципы, стики на стене и двадцать пять слов с ограниченным диапазоном смыслов. Теперь я болтаю чуть меньше Леона и мне это нравится. Но совершенно непонятно, с какого перепугу ты вдруг начал говорить, да еще и описывать свои чувства.

— Ну, не знаю, — Один почесал указательным пальцем висок. — Может, потому что дом в опасности, а я как никак не бесчувственная скотина. — Парень принялся перекатываться с носков на пятки, от чего комнату наполнил громкий хруст. Одина было еле слышно. — А еще мне бы хотелось доказать Акулине, что я могу больше, чем девчонку завести в дом.

После этого признания все несколько минут молча осматривали квартиру. Только это была не квартира, а как будто огромный чердак — без стен и дверей, с деревянными колоннами, с усыпанным чем-то полом. В нескольких местах на пластиковой крошке одноклассники увидели круги бело-синего света. Они подошли к ближайшему — оказалось, что в потолок вделано круглое окно и сквозь него видно бледнеющую луну.

— Красиво, — сказала Эл. — Но я не могу перестать думать, Один, как низко ты поступил. Из реальных людей ты мне был ближе всего.

— Я знаю, мне правда очень-очень стыдно, хочешь, я на колени встану? — И Один бухнулся вниз.

— Дурак что ли? Встань быстро! — Приказала Эл.

— Нет, прости меня, потом встану.

— То есть за манипуляцию ты хочешь извиниться манипуляцией?

Один скрестил руки на груди и продолжил не мигая смотреть на Эл.

— А я вот все хотел спросить, — вмешался Леон. — Эл — понятно. Она типа часть пророчества или сказки или хрен знает чего. А я-то какой сдался? Мне, признаться, слабо верится, что моих четыреста тысяч школьников на ютубе хватит, чтобы достойно осветить проблему сноса домов. Не того масштаба я, чтобы из-за известности меня брать.

Теперь Один с Эл изумленно смотрели на Леона:

— Что-то не так, — первым заговорил Один. — То, что ты сказал, очень странно. А по поводу того, почему мне надо было тебя привести, — так сказала

Акулина. Поэтому либо про тебя было в сказках, либо данные твоего аватара подходили под миссию спасения дома.

— Че ты сейчас сказал? Я не понял, при чем здесь мой аватар?

— Акулина на всех составляет типа аватары, — пояснил Один, все еще стоя на коленях. — Ну, перечень скилов людей, слабые и сильные стороны. Я ее ведь, честно говоря, предупреждал, что ты последний, кого я бы взял с собой на дело.

— Вот, блин, спасибо! — Огрызнулся Леон. — Тебя бы я тоже даже покурить с собой не позвал, если бы мне не интересно было снять видео про Эл.

— Что? — Эл развернулась к Леону. — Ты на самом деле за мной следил? Вот зачем в дом вошел?

— Я двух зайцев убивал. Делал ролик про полоумную Эл и про странный дом. Должно получиться убойно!

— Если ты выложишь этот ролик, то я вот это всю хрень на полу тебе в трусы насыплю, понятно? — Эл ткнула ему в грудь пальцем.

— Слушай, ты чего-то больно дерзкая стала? — Леон резким жестом откинул ее руку. — Никто не будет приказывать Леону Ди, что делать. Вы знаете, чего мне все это стоило? Думаете, так просто, по щелчку, набираются четыреста тысяч? — Леон щелкнул пальцами в воздухе для наглядности. — Думаете, мне хочется выставлять себя дурачком на потеху школьницам? А вы знаете, сколько стоит курс химиотерапии? А вы знаете, что такое, когда ты не можешь помочь своей маме? А вы знаете, как это, когда отец вваливается пьяным и ты, пацан, пытаешься защитить от этой безмозглой махины свою маму?

— Леон, — глухо сказала Эл.

— Что? — Заорал парень.

— Ты исчез.

— Че за бред?

Леон посмотрел на одноклассников и увидел, что Один и Эл больше не смотрят на него, а таращатся в пространство у него под ногами. Он глянул вниз и заорал, но уже не зло, а испуганно:

— Ааааа! Я только что нагнулся, чтобы посмотреть на свои ноги и не вижу их! Блин! Верните мне меня! Мне нравится моя жизнь! Я люблю ютуб!

— Я, кажется, понял, — сказал Один. — Леон, знаю, это проще сказать, чем сделать. Но чтобы снова проявиться, надо просто помолчать. А пока я буду говорить, вы смотрите, что будет происходить.

Один опустил глаза и начал по очереди хрустеть пальцами.

— Какой бы я не был отстраненный, я больше всего мечтал о друге. Чтобы кто-то вспоминал обо мне не только тогда, когда надо списать домашку, — он посмотрел исподлобья на Эл и нажал кистью правой руки на указательный палец левой. Хрум. — И вдруг кто-то обратил на меня внимание, на то, какой я, а не что от меня можно поиметь. Пусть в сети, но в общении были признаки подлинного интереса. Я потерял голову. Мне кажется, скажи мне она убить кого-нибудь, я бы это сделал. Хотя... В итоге оказалось, что и Акулине от меня тоже надо было что-то, — Один накрыл кулаком левой руки пальцы правой: хрум-хрум-хрум-хрум.

— Довольно, чувак, — прервал его Леон. — От тебя уже один хруст остался.

— Смотрите, еще и крыша исчезла над нами! — Ошалела Эл.

— Офигеть! — Раздались голоса Одина и Леона из пустоты.

— Только как это применить к спасению дома? — Спросил Один.

— Может, так, — Эл сделала несколько махов руками в том месте, где только что был Леон. — Ой, прости.

— Ты мне по уху заехала! — Донеслось из пустоты.

— Я же сказала — прости. Я думала, что ты растворился совсем, как бы в другое измерение перешел, — объяснила Эл. А ты просто невидим.

— Да... дому это исчазательство не поможет, — слышался голос Одина.

С улицы донесся рев двигателя экскаватора, скрежет и звук падающих камней.

— Вот, блин! — Эл всплеснула руками, к глазам подступали слезы. Вот оно, чудо случилось. Как будто все должно разрешиться. Но, как и говорила Акулина, на пятом ничего полезного. Эл захотелось убежать куда-нибудь и расплакаться. Она направилась к выходу.

— Эл, — Леон вцепился ей в руку. Он был еще прозрачный, но держал крепко. — Ну че ты все время убегаешь?

— Кто убегает? — Эл дернула рукой, но освободиться не получилось.

— Ты! Вспоминай! Сначала в детской на четвертом этаже. Потом, вообще, из окна. Потом снова из окна, но хотя бы задумалась, далеко ли до земли.

Эл про себя продолжила: потом от отца с матерью, потом от директрисы...

— А что я, блин, должна делать, пока мой папа лапает другую женщину? Или когда меня унижают перед всеми?

— Я тебе не училка, чтобы говорить, что плохо, а что хорошо. Просто подумай, что, может, попробовать по-дру...

— Я понял, что это! Это игрушки из старых киндеров! Смотрите, весь пол ими усыпан! — воскликнул Один. Даже не видя Леона, по резкой тишине, он понял, что перебил. — Ой, простите, я вашу склоку прервал.

Но реплика Одина как раз помогла Эл отвлечься от препираний с Леоном и понять, что на самом она знает, как спасти дом.

— Точно! Леон! Ты гений! — Воскликнула Эл.

— Это неправда, — спокойно ответил Леон.

— Ты сказал, что надо убежать!

— Вообще-то, наоборот.

— Не важно! Зачем договариваться с этими уродами, зачем пугать их, зачем платить деньги, если можно убежать?

— Ты сказки путаешь, избушки на курьих ножках здесь не было, — заметил Леон.

— Но у нашей избушки есть крылья, — парировала Эл.

— Точно! — Поднялся Один и стукнул себя рукой по лбу. — Эл, ты прелесть!

Эл на несколько секунд застыла, потом замотала головой.

— Никак не привыкну, как общаются на этом этаже. Но, видимо, это как раз та магия, которая нам была нужна, чтобы догадаться.

— Ага! — Один присел и зачерпнул горсть игрушек. — И вся остальная пригодится. Вот только четвертый зачем?

— Пока не знаю, разберемся, — Эл тоже набрала полные кулаки киндеров.

— Ага, разберемся, — подхватил Один.

— Да что, блин, вы поняли, скажите уже! — Взмолился Леон.

— Дом полетит, — хором сказали Эл и Один.

— Дамблдор, — Леон покрутил пальцем у виска. — Полный.

Глава 18

Запрягай!

Эл ворвалась в комнату с компьютерами. Акулина сидела перед монитором, уронив голову на руки.

Рядом курил Вениамин. Снова дом тряхнуло с жутким скрежетом и камнепадом.

Фон Тел сидел в дальнем углу комнаты и разговаривал с пустотой. Над ним нависала Кира и прижимала к голове его красную шапочку.

— Да, вы не ослышались, это президент, — сказал Фон Тел, точно копируя голос и отрывистую манеру говорить. — И я вам запрещаю сносить дом по вышеобозначенному адресу. Нет, это не шутка. Не надо перезванивать в администрацию президента. — Фон Тел вскочил со стула и принялся ходить туда-сюда, постоянно врезаясь то в очередной стул, то в угол стола. Кира лавировала за ним, не отрывая рук от его красной шапочки. Как поняла Эл, это обеспечивало волшебную связь с каким-то чиновником. — Зачем? Если я уже вам звоню. Как это вы считаете, что президент по таким вопросам звонить не может? А кто может? Фамилию назовите. Он вам позвонит. Эй! С ума сошли — трубки вешать! — И Фон Тел развел руками, посмотрев на Акулину. — Я хотя бы попробовал.

Кира погладила его по спине, потом потянула за руку:

— Ты молодец. Очень храбро поступил. Пойдем к своим. Нам не место среди живых, — и посмотрела на Эл со злобой, словно та ей что-то плохое сделала.

— Еще есть надежда, — произнесла Эл, когда за Фон Телом и Кирой закрылась дверь. — Мы поняли, что значит третья сказка.

— Почти, — вставил Один. — Почти поняли.

— И что же? — Спросил Вениамин, скривив рот.

Но сейчас Эл было плевать, что о ней кто-либо думает. Ей казалось, что в груди у нее надуваются воздушные шарик, что она сама вот-вот оторвется от земли:

— Дом должен полететь, — выпалила она.

Повисла пауза. Вениамин затянулся и отвернулся к окну.

— Компот что ли подействовал? — Язвительно поинтересовался он у подоконника.

— Нет уж, вашего компота мы больше пить не будем, — Леон даже выставил вперед палец и покачал им для убедительности.

— Будем, — резко ответила Эл. — И много. От компота же летаем, да?

— Да, от компота, — подтвердила Акулина. — Но как дом-то полетит? В него компот не залить!

— Если выпить достаточно много компота достаточному числу человек и предметов, — сказала Эл. — то можно упереться ногами в потолок и оторвать дом от земли. Ты же сможешь с помощью крыльев управлять им в полете?

— Теоретически, да, — медленно кивнула Акулина. По ее прищуренным глазам Эл догадалась, что девушка уже что-то просчитывает в уме.

— А если практически мы хренакнемся с неба, это норм? — Встрял Леон.

— Всегда есть риск неудачи, — пожал плечами Один.

— Ну а нормально, что в небе дом полетит? Нас министерство магии не накажет за несоблюдение статута о секретности? — Не унимался Леон.

— Кто-то пересмотрел “Гарри Поттера”, — бросил Вениамин. И добавил, — Понимаете, мальчики и девочки, дело не в том, что кто-то заметит в небе дом. А в том, что его засекут радары. И вы даже чашку компота выпить не успеете, как нас разнесут вместе с домом на мелкие кусочки.

— Вот, именно для этого и нужен был пятый этаж, которого вы все так боялись, — сказала Эл.

— Там же просто выдаешь все, что у тебя в голове. Мы и так на взводе, а если бы туда пошли — перессорились на фиг. — Сказала Акулина. — Это вам можно не бояться говорить правду — вы в разных домах живете. А нам нельзя.

— Вот поэтому вы и не узнали, в чем главный секрет пятого этажа! — воскликнул Один.

— И в чем же? — Акулина вцепилась в подлокотники.

— Когда говоришь правду — ты исчезаешь, — сказал Леон.

— А с тобой и часть дома, видимо, есть какая-то связь, добавила Эл.

— Звучит логично, — задумалась Акулина, — правда освобождает от лишнего. А дом действительно меняется, когда в него кто-то входит. Думаете, он для каждого включает светомузыку?

Эл вдруг почувствовала в груди шарик маленького солнца, который, словно в компьютерной игре, принялся скакать по ее телу и обдавать теплом. Наверное, именно так чувствуют себя те, кого любят. Пусть даже чувства проявляет старый дом под снос.

— Держи, — Эл протянула Акулине деревянный паровозик. — Он заряжен магией пятого этажа. Должно сработать.

Акулина взяла паровозик и провела им по руке — от кисти к плечу, потом обратно. И начала говорить:

— Я очень-очень-очень сильно скучала по Эл. И часто ненавидела дом. За то, — ее голос сорвался, она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и продолжила, — ненавидела за то, что нужна ему. Что не могу бросить его и жить, как обычные дети.

Дом отозвался протяжным стоном-скрипом и обрушил на землю слезы-камни — в него снова вонзились острые зубы экскаватора.

Затяфкала собака. Совсем близко. Полная такса, этакий бочонок на маленьких ножках, приближалась к дому.

— Вы тоже не видите стену и видите таксу? — Спросила Акулина.

— Да, — нехотя сказал Вениамин. — И если твоя теория, Эл, сработает, то следующую свою яхту я назову в честь тебя. Хурмой.

— У вас же нет денег на яхту! — Усмехнулся Леон.

— Мал еще, чужие деньги считать. — Вениамин поднял брови и наморщил лоб. — Если рядом будет любимая женщина, я на яхту быстро заработаю.

— Это прям так работает? — Леон, казалось, еле сдерживается, чтобы не достать телефон и не записать эту мысль.

Такса жалобно взвизгнула совсем рядом. Она врезалась, словно в стекло, в стену дома.

— Обалдеть, — Акулина встала со стула и подошла к окну. Точнее, к бывшему окну, потому что вся стена первого этажа стала окном. Она подняла руки к лицу — они тоже были прозрачными.

— Бусинка, ко мне! — Послышался ласковый женский голос.

— Иди, иди, — замахал на таксу Леон. — Тут опасно.

Собака побежала к хозяйке, а ее виляющий хвостик загородила стена дома.

— Думаешь, сработает? — Глухо спросил Вениамин Акулину.

— А радары нас могут засечь, как думаешь? — Спросила проявляющаяся из пустоты Акулина.

— Если компота хватит, то вряд ли. Такса вон стену дома даже не учуяла.

— Все за компотом, к бабунку, — распорядилась Акулина, выбегая из комнаты. — А потом к предметам — они на третьем этаже готовятся умирать.

Эл вбежала в дверь танцевального зала с подносом, на котором громоздились кружки с компотом.

И тут же споткнулась о что-то твердое, не удержала равновесие и полетела вперед. Кружки соскользнули с подноса, с грохотом обрушились на пол, осколки и коралловые брызги разлетелись по паркету.

Эл обернулась — посмотреть, что стало причиной падения. У входа лежал, заложив руки за голову, Вилли. Глаза мужчины еще смотрели на нее живо и внимательно, а кожа и складки костюма отливали эмалевым блеском.

— Вилли, ты чего? Все в порядке? — Забеспокоилась Эл.

Мужчина не ответил. Эл подползла к нему, подобрала уцелевшую кружку с остатками компота, опустила в нее пальцы и провела по его лбу. Под пальцами холодная гладкая поверхность кожи потеплела и смягчилась.

— Вилли, тебе еще целоваться и целоваться, просыпайся! — Как можно нежнее позвала Эл.

— Оставь его! — Еле слышно сказала Поля. Они с Колей сидели чуть поодаль — у зеркальной стены. На их коже уже угадывался деревянный узор. И добавила, безразлично глядя в потолок. — Я не боюсь умирать. Просто не хочу при этом присутствовать. Вуди Аллен.

— Что это за настроения упаднические? — В дверях появился Леон. — А ну не сдаваться! Мы еще такой контент с вами запилим!

— Зачем вы хотите нас разбудить? — Спросила Кира. Ее татуированная кожа шелушилась и с каждой секундой все больше походила на бумагу. — Чтобы мы в полной мере ощутили, как на нас валятся каменные плиты? Как мы распадаемся на осколки и пыль? Как рушатся стены нашей крепости, которая защищала нас от обычного мира? Как из нас вытекает магия?

— Нет, — подхватила Ли, кожа которой была уже насыщенно голубой, как ее сарафан. — Мы лучше уснем, как всегда. Только, пожалуйста, оставьте нас в покое. Уйдите из дома. Вам еще жить и жить. Зачем вам наши трагедии?

— Да нет же! Глупые! — ВНастаивала Эл. — Мы придумали, как вас спасти!

— Нет! — Звонко, по-мальчишески, ответил Захар Дондонович. В его голосе слышался металл. — Хватит уже нас спасать. У вас каждый раз получается что-то не совсем то, что ожидали. А если и эта попытка провалится? Где гарантия?

— Ну и пошли вы все! — Эл бросила чашку, которую держала в руках. Та пошла трещинами и рассыпалась. Все так посмотрели на кусочки глины, что у Эл сжалось сердце. Они же этого вот и боятся. А она им еще больше...

— Простите, простите меня! — С влажными от слез глазами Эл выбежала на лестничную площадку, достала из джинсов пачку сигарет и закурила. Рыдания подступали к горлу, но она их душила. Ей-то чего плакать? Она останется жить. Но неспособность спасти тех, кто стал дорог, бесило страшно. Вот же — четкий

план, вот же — спасатели. Да, есть риски, есть несостыковки, ну и что? Они будут сидеть и медленно умирать!

Сигарета тряслась в руках, затянуться не получалось.

На площадку вышел Коля:

— Исполнишь последнее желание умирающего?

Эл протянула ему сигарету. Когда мужчина подлня руку, чтобы ее взять, раздался протяжный скрип.

— Прости, — сказал Коля.

— За что?

— Что звуки неприятные издаю.

— Лучше бы извинился за то, что жить не хочешь.

— А вот за это не буду. Здесь свободный выбор.

Поднялся Леон:

— Чего это у нас глаза на мокром месте?

— Предметы отказываются пить компот, — пожаловалась Эл.

— Как будто сама такой не была, — промямлил Леон с сигаретой во рту, прикуривая.

— Какой?

— Такой. Наслаждалась самоуничтожением, отвергала любую помощь, — парень изобразил сигаретой в воздухе контур Эл.

— Но здесь другое! — Девушка указала на вход в зал.

— Чем же другое? — Леон пожал плечами. — Они выбирают отсутствие надежды и ничегонеделание, чтобы избежать боли.

— Блин, но я их правда хочу спасти! И знаю как! — Выкрикнула Эл, чтобы предметам было слышно.

— И каждый, кто пытался спасти тебя, тоже все знал, — парировал Леон.

— И этим еще больше бесил, — призналась Эл и сползла на корточки. — Черт! Черт! Черт!

— Может, попросить помощи? — предложил Леон.

— У кого?

— Понимаешь, есть несколько стратегий поведения, — Леон сел на корточки перед ней. — Ты использовала только одну и самую бестолковую — разговоры в лоб. Ты думаешь, если ты решила кого-то спасти, значит, все, фанфары, фейерверки, благодарности?

— Да, нет. Просто... ну, я же, блин, спасаю. Я же не для себя, — Эл развела руками.

— Да похрен всем для себя — не для себя. Даже лучше, если признаешь, что для себя — не будешь вешать на других ответственность.

— Я вообще перестала понимать. Я же спасаю. Трачу свое время, рискую в любой момент оказаться погребенной под плитами. Это для себя?

— Да, для себя. Иначе вали.

— Ну, ок. А ты?

— Я такой контент снимаю, чего уж! — Ухмыльнулся Леон.

— Тебе проще. А я так и не вижу, что тут для меня.

— Раз делаешь, значит есть. Не строй из себя ангела. Тебе не идет.

Эл гневно посмотрела на Леона, выкинула сигарету, не докурив, встала и побежала вниз по лестнице.

Когда она зашла в квартиру Софьи Леонидовны, в лицо ударило жарким компотным духом. Эл не разуваясь пробежала на кухню. В огромной кастрюле бабунки мешала половником варево. Акулина разливала по кружкам.

— Ну как? Новую партию? — Спросила она.

— У меня не получается, — Эл опустилась на табуретку.

— У тебя не может не получаться, — ответила Акулина. — Это твоя миссия, ты не можешь ее провалить.

— Они не пьют. Они боятся, не хотят жить, — Эл взяла салфетку со стола и принялась рвать ее на мелкие кусочки.

— Их можно понять. Но разве может быть все просто? Значит, тебе надо попробовать что-то еще.

— Да это, блин, Акулина, чертова жизнь, а не компьютерный квест! Дом уже на половину разрушен! — Эл смяла салфетку и запулила в паутину в углу над столом. — С минуту на минуту он Алик доберется до нашего подъезда!

— Саспенс — подвешенное состояние. — Акулина для наглядности подняла половник над головой. — Без него никак, — и девушка поймала ртом упавшую с половника каплю компота.

— Знаешь, а мне кажется, я сейчас проснусь в своей кровати и пойму, что это был дурной сон, — призналась Эл.

— Нет, это только в говнофильмах так, — и Акулина тыкнула в нее половником. — А ты, Эл, будешь бороться.

— Значит, вы мне не поможете? — Проскулила Эл.

— Почему же... — вдруг развернулась к ней Софья Леонидовна. — Мы тебе дадим ценный совет. Найди того, кто в состоянии их убедить.

— Я думала это ты, — сказала Эл Акулине. — Ну или вы, Софья Леонидовна.

— Нет, это не мы, — ответила Акулина.

— Тогда кто? Вениамин? Таинский?

— Нет. Эти исчерпали доверие.

— Один? Леон Ди?

— Вряд ли. Эти не заслужили доверия.

— Тогда, блин, кто?

— Я не знаю. Но знаю, что ты знаешь. Я никогда не ошибалась в расчетах насчет выбранных аватаров.

Эл вышла из квартиры. Она не знала, что делать. Снова покурить? От табака уже саднила горло. Во рту было как в пепельнице. Хотелось пить, но из жидкости есть только компот. А его надо было беречь для взлета.

“Если он состоится” — Эл со всей мочи пнула перила и завывала от боли в пальцах. Она заковыляла вверх по лестнице. И тут заметила, что дверь в квартиру на втором этаже приоткрыта. Не в ту, где была вечеринка. В другую, справа.

Эл зашла внутрь и услышала голос Вероники:

— Черт! Он нашел меня! Сейчас опять будет пытаться вынести из дома. Не давай ему, хорошо?

— Нет, я дам. Ты же тогда будешь жить! — Прошептал в ответ Тор Шер.

— Отстань! Отвяжись!

Эл прошла через темную прихожую и оказалась в комнате. Тор Шер и Вероника боролись на диване.

— А, это ты, — протянул Тор Шер и отпустил сестру. — А Вениамина не видела?

— Нет, — пожала плечами Эл.

— Он меня по всему дому ищет, — Вероника поднялась с дивана и поправила ночнушку. — Пожалуйста, не рассказывай ему, где мы.

Эл хитро улыбнулась.

— Тогда и вы для меня кое-что сделаете.

— Эй, эгоисты хреновы! — Тор Шер вбежал в зал, припадая на одну ногу. Его джинсы уже приобрели вельветовую фактуру, как у ножки торшера. — Вы то пожили, вам не жалко умирать. А я? Стоял окоченевшим извоянием в комнате девчонки и смотрел, как она сама себя изо дня в день уничтожает! Понимаете? Я хотел жить. Бегать, обниматься, болтать! — Парень размахивал руками так сильно, как будто боялся, что если он остановится, то тут же застынет. — А она стики эти дурацкие клеила, сколько дней молчит, — он указал на Эл, которая стояла в дверях. — И вот вам удалось сделать так, чтобы она заговорила. И даже так, что она перестала думать о себе. Теперь ей почему-то надо кого-то спасать. Имейте, блин, совесть! Поверьте, долбануться с высоты не страшно. — Тор Шер замолчал, потому что в дом снова вонзился эксковатор и выгрыз кусок, обрушив его на землю. Чувствовалось, что железный ковш совсем близко и вот-вот доберется до их зала. Парень запустил ладонь в рыжие волосы, с трудом убрал их назад — они уже налились плотной тяжестью, и продолжил так громко, как мог. — Обрести и потерять надежду не страшно. Страшно, когда выбирают не жить. Быть предметом. Любить предметы. Те люди, которые решили нас сносить, мыслят именно так. Как предметы. А чтобы спастись, нам надо быть людьми. Верить до предела и терпеть боль.

— Вот и выходи на улицу, живи себе дальше. Один же может. — прошептал рядом барон Фон Тел. — А нас оставь в покое, мы почти уснули.

В этот момент ковш прогрохотал совсем рядом. Закрошился потолок. Часть плиты закачалась над Тор Шером. Эл завертела головой в поисках Леона, Одина или Таинского. Кого-нибудь, с кем можно было бы танцевать. Но все они были еще внизу.

— Пей, быстро! Иначе на всех плита сейчас свалится! — Эл сунула кружку Вилли и залила в себя компот. Вилли послушно проглотил жидкость и, скрипя всем телом, тяжело поднялся на ноги.

— А теперь танцуем, — приказала Эл и взяла его за руку. Его ладонь на ощупь была как поручень в метро. — Раз-два-три, раз-два-три! Веди, блин, Вилли, я не умею!

Вилли еле передвигал ногами. Эл казалось, что она танцует с манекеном. С очень тяжелом манекеном, который сама тащит по залу.

— Вилли, ну, давай же, танцуй! — Взмолилась она.

— Я, я не могу, у меня ноги меня не слушаются, нужно больше времени, — Вилли еле ворочал языком.

Эл почувствовала слабый толчок в кеды, но его не хватало, чтобы оторваться от пола.

— Вилли, давай, оживай я тебя поцелую, только, пожалуйста, танцуй, — подбадривала его Эл. Плита шаталась все сильнее и, казалось, вот-вот рухнет с потолка. А предметы не успеют отползти.

— Сейчас, — сказал Вилли.

— Что, сейчас? — Спросила Эл.

— Сейчас целуй, — Вилли еле заметно улыбнулся уголками губ. — Эл поставила бы тысячу на то, что он наслаждается ситуацией. — Уверен, это меня оживит.

Эл увидела, что плита как в замедленном кино отламывалась от потолка. Она прижалась губами к губам Вилли, и их тут же подбросило вверх. Девушка почувствовала, что теряет равновесие, но Вилли уже крепко держал ее и уверенно вел. Его руки стали теплыми, шершавыми, и даже язык оттаял.

Эл отодвинулась от него и приказала:

— Нам надо к плите.

— Той, что шатается? — Удивился Вилли. — Нас же раздавит! А я только жить захотел. Может, еще поцелуемся?

— Мы сможем ее поднять.

— Ты уверена?

— Да, — соврала Эл.

И они закружились в сторону качающейся плиты. Ковш снова вонзился в дом. Все в зале теперь увидели его черную клешню. Часть потолка закачалась, оторвалась и полетела вниз. Предметы заверещали и закрыли головы руками. Плита падала прямо на них.

— Руки выставь вверх! — Приказала Эл.

В тот же момент они с Вилли оказались под плитой. На руки Эл словно опустили небосвод. Взорвались болью локти и плечи. Плита давила их вниз. Воздух под кедами хоть и толкал вверх, но недостаточно сильно. Они с Вилли опускались все ближе к полу и предметам.

— Просто чума! — Закричал Леон, вбежав в зал с подносом. — Эл, сработало! Ты, блин, держишь эту гребаную плиту! Ты мой Мерлин с Дамблдором!

— Дебил, сюда, быстро! — Заорала Эл.

Леон поставил поднос на пол, залпом выпил компот и рванул к ней. Пот заливал глаза Эл, руки тряслись и ныли. Она могла только повторять “раз-два-три” и кое-как двигать ногами, чтобы иметь силу противостоять тяжести плиты. Но воздух с каждой секундой выскользал из-под ног. И вот уже кеды коснулись пола. И вот уже плита заставляет Эл сгибать колени... И вдруг стало легче. Значительно легче.

— Я чувствую себя официантом, танцующим с огромным подносом, — проговорил Леон. От пола они уже не смогли оторваться, но держать плиту над головой было не тяжелее, чем какую-нибудь книгу.

— Я правда это вижу? — Спросил Таинский, замерев в дверях. — Это самое странное шоу в моей жизни. Два парня и одна девушка кружат в воздухе с плитой над ними.

— Нам теперь надо эту плиту опустить. — Крикнул Леон, — Эл, отлетай и расчисти пространство, мы ее с Вилли положим на пол.

— Все, быстро, компот в себя! — Закричала Эл. — Видели, как мы с Вилли плиту подняли? А если будет много компота и нас много, то мы дом поднимем!

Вениамин с Таинским бросились разносить предметам подносы с компотом. Те тянулись к кружкам непослушными и слабыми руками, помогали друг другу сделать первые глотки и постепенно оттаивали, смягчались, поднимались на ноги. А Эл достала из карманов игрушки-киндеры и раздала всем в зале.

— Чего у вас там, ребят? — Раздался в громкоговоритель голос Акулины. — Скоро уже винт запускать и крылья выставлять? А то еще пару ударов ковша и лететь будет нечему. Ой, да, чтобы мне ответить, просто скажите громко, — в зале есть приемники. А мы с Одним внизу, в компьютерной, будем пытаться сделать так, чтобы не вмазаться куда-нибудь.

— Мы пьем, — крикнула Эл счастливо, помогая подняться позвякивающему Захару Дондоновичу. — Много пьем. А еще танцуем!

— Круто! — Похвалила Акулина. И вот, кстати, вам музыка.

Зал наполнил “Вальс цветов” Чайковского.

— Ну, смотри, если ты снова нас кинешь, — проворчал Захар Дондонович.

— Одно утешение, эта пигалица шандарахнется вместе с нами, — подошла к нему Шарлота, девушка-штора, и они закружились в танце.

Коля с Полей, поддерживая друг друга, обнялись и тихонько закачались, медленно поднимаясь вверх.

Постепенно почти все предметы, сначала танцуя скованно и осторожно, перешли на широкий шаг и оказались под потолком. Вилли с Кристиной, что в узком розовом платье, Фон Тел с Кирой. Девушка, что была лампочкой, обнимала парня, который был ключом. А бывшая замочная скважина танцевала с мужчиной в зеленой толстовке, в котором едва угадывался фикус, когда-то так испугавший Эл в квартире Акулины. Таинский скомандовал:

— А ну-ка все посмотрели на меня. Я так понимаю, что нам надо толкать дом вверх. Это проще делать ногами. Смотрели фильм с Фредом Астером “Королевская свадьба”?

Повисла пауза.

— Да что ты хочешь от этих неучей, — в зал зашла Софья Леонидовна. — Всем хватило компота? Осталось две порции! — И уже Таинскому. — Я поняла, что ты хочешь, давай покажем молодежи, как надо танцевать.

— Это для меня честь, — ответил Таинский, и они осушили последние кружки компота.

Танцор нежно положил свою правую руку на мягкое, мокрое от пота плечо бабунка, а второй рукой сжал ее морщинистую руку, на которой вздулись несколько волдырей.

— Торопилась с компотом, — виновато сказала Софья Леонидовна и смущенно улыбнулась.

Таинский поцеловал ее пальцы и спросил:

— Готовы?

— Я никогда раньше не летала. Все стеснялась попросить.

— Женщины, — закатил глаза Таинский и повел Софью Леонидовну решительным вальсом.

— Ой! Что это? — Взвизгнула она.

— Доверяйте мне. Вы как будто в кино, а это такие спецэффекты.

— Ну раз спецэффекты, — сказала Софья Леонидовна и больше ничему не удивлялась.

— А теперь мы повторим Фреда Астера! — Прошептал Таинский, когда они оказались у стены с балконом.

И они приблизились к стене с балконом. Но им тут же пришлось резко отпрянуть, потому что в потолок над ними вонзился ковш. Сверху полетела

каменная крошка. Таинский и Бабунок докружили до зеркальной стены и словно легли на воздух. Эл даже испугалась, что они сейчас упадут. Но это было сделано специально — чтобы оказаться параллельно полу и иметь возможность оттолкнуться ногами от стены, а потом, не сбавляя темпа, не теряя зрительного контакта, перейти на потолок.

— Хорошо, что я в пантолонах! — Засмеялась Софья Леонидовна. — Чего уставились, слабо повторить?

Вениамин неуверенно подошел к Веронике:

— Раз нам сейчас предстоит говорить правду, чтобы дом стал невидимым, то я бы хотел танцевать с тобой.

— Да, хорошо, — согласилась девушка и обняла Вениамина. — Если обещаешь не пытаться вывести меня из дома.

— Обещаю, — Вениамин прижал к себе Веронику и они с первых шагов начали стремительно подниматься к потолку.

Леон склонился перед Эл и протянул руку:

— Я обещаю, что танцую лучше Одина. Тебе понравится.

— Тебе просто хочется вытянуть из меня какое-нибудь признание, — ответила Эл.

— Не без этого, — улыбнулся Леон. — Но разве это не означает, что ты мне интересна?

— Ты, блин, уже почти прозрачный! — Воскликнула Эл.

— Хватайся за меня скорее, пока я не исчез!

И они понеслись в танце по невидимой лестнице, оттолкнулись от стены и оказались на потолке.

В динамиках прозвучал голос Акулины:

— Все на потолке?

— Да, — ответил за всех Таинский.

— Прямо танцуете? — У Акулины напрягся голос.

— Еще как танцуем, никогда так здорово не танцевали, — отозвался Таинский. — Правда за юбками ничего не видно.

— Значит, теория Эл провалилась, — обрубил Акулина.

У Эл прилила кровь к голове, заложило нос. То ли оттого, что она находилась вверх ногами, то ли потому, что надежды жителей дома рухнули, а виновата она.

И снова дом пошатнулся, и скрежет заглушил вопли людей и предметов. С грохотом откололся кусок дома — над балконом, где они встретились с Вероникой. Пыль у дома поднялась до окон третьего этажа. В зал ворвался холодный осенний ветер. Потянуло известкой и бензином. Вальс стал еле слышим за ревом эскалатора и звуками города.

— Увеличим ритм! — Заорал Таинский. — Нам нужно попробовать увеличить ритм! Стремительно! И раз-два-три! И раз-два-три! Двигаемся! Давим в пол, то есть потолок!

Эл танцевала и чувствовала, как ее пронизывает сила притяжения к потолку. Как отпускает нос и она снова может дышать. Как потолок становится тем же полом. Она увидела, как юбки девушек, словно ветром снизу, направляет к потолку. Сила тяжести отпустила. Потолок как будто поддался. Как будто начал уходить из-под ног.

Но снова дом зашатался и стена посыпалась, обнажив металлические прутья.

Новая волна отчаяния накрыла танцующих.

На этот раз заорал Леон — прямо над ухом Эл:

— А-ну поднажали! Наоборот, хорошо, что дом рушится — он становится легче! Сейчас взлетим. И раз, и два, и три! Эл, как ты тогда сказала, когда мы впервые компот пили? Что-то бодрое и неуместное?

— Запрягай! — напомнила Эл.

— Точно! Запрягай! — И вопль Леон слился с треском и лязгом, которые порождал экскаватор.

Дом затрещал так, что стало страшно: сейчас они просто-напросто оторвут верхние этажи и улетят с ними, и вскоре рухнут, лишившись магии дома.

Внезапно Эл почувствовала, что пол, то есть потолок, как в лифте, уходит вниз. То есть вверх. Неважно. Главное, получилось оторваться от земли. Главное...

— Я хочу извиниться перед Эл, — слышался голос Акулины в динамиках. — Она была права про дом и полет. Она действительно наш чертов герой. Мне даже завидно, что не я. Блин! У меня компьютер исчезает, черт! Мне же настраивать крылья и винт. Ща! Один, помоги! Аааа...

— Ну-с... Леон посмотрел Эл прямо в глаза. А теперь самое интересное.

С

Татьяна Геннадьевна подбежала к эскаватору. Ее костюм весь покрылся серой пылью, а дорогие туфли ободрались.

— Ты знал, что они так могут? — Заверещала директриса.

— Конечно, нет! Дом никогда не летал! — Огрызнулся Алик. — Чего вы на меня орете?

— Да я не ору! Просто в шоке. Я то магию в первый раз вижу. — А потом отвернулась от дома, затянулась вейпом и добавила, — А если подумать, ну, мне-то на самом деле так даже проще — меньше строительного мусора. Жалко туфли только.

— А я попробую порушить их магию, пока они высоко не поднялись, отойдите, — сказал Алик и костяшки его пальцев ну руле побелели от напряжения.

Акулина, не останавливаясь, стучала по клавиатуре, которую уже с трудом могла различить. Один сидел за соседним столом в ожидании задачи.

— Один, знаешь, чем занимается анестезиолог? — Наконец, спросила она.

— Ммм... Лечит людей? Ну, во время операции.

— Нет. Лечит людей хирург. А анестезиолог делает так, чтобы они выжили.

— Это ты к чему? — Прищурился Один

— Дом поднимается в воздух. — Пояснила Акулина. — Но если мы его не уравновесим и не дадим направление, то он непременно шандарахнет о какую-нибудь высотку, развалится, и опадет вниз по кусочкам.

— Нда... — Протянул Один. Похоже на управления дирижаблем. Третий этаж типа шар. А мы в кабине.

— Ага, — кивнула Акулина. — И еще есть крылья. С помощью них я могу менять направление. А ты запускаешь винт с помощью вон той педали.

— То есть я постоянно жму на педаль и все? — Один округлил глаза.

— Иногда надо не жать, — ответила Акулина.

— Спасибо, Акулина, я знал, что ты найдешь для меня поручение по способностям, — Один отвернулся от нее к столу.

— Хочешь, иди управляй крыльями, — Акулина встала и указала обоими руками на свое кресло. — Но ты понимаешь, что если сделаешь что-то не так, то погибнет много людей?

— Эл бы назвала это манипуляцией, — процедил Один, буравя взглядом стену.

— Вот и дуй к своей Эл, я сама могу на педаль нажимать, — Акулина плюхнулась обратно на свой стул и рывком подвинула к себе микрофон.

Вы молодцы, — в динамиках третьего этажа раздался злой голос Акулины. — Самое сложное позади — вы подняли дом в воздух. Теперь дело за малым — сказать друг другу правду, чтобы стать невидимыми. Можете приступать.

— Понимаешь, меня правда передергивает, когда я вижу, какой ты толстый, — призналась Поля. — Но как бы... Ты комод, поэтому толстый и с кучей барахла. Я полка, поэтому плоская и заумная.

— Любовь настоящая только та, предмет которой непривлекателен. — Выдал Коля.

— Это кто сказал? Почему я не знаю? — Ожилась Поля.

— Лев Толстой. Наверное, кто-то опять положил в мой ящик книгу, как когда-то засунул женские трусики, пачку презервативов, недопитый компот, недоеденный бутерброд, — он не договорил, потому что Поля закрыла ему рот рукой:

— Заткнись и поцелуй меня. А то еще немного и мы не сможем найти губы друг друга.

И правда, Поля и Коля почти растворились в воздухе, а вместе с ними и стена на втором этаже, к которой они прислонялись, когда были предметами.

— Мне стало скучно. — Пдоверилась Кира. — Мы все время сидим в одном доме. На моей коже написаны десятки имен. Но ты никогда не соглашался им позвонить. Мне казалось, что это трусость.

— Да я тоже хотел им позвонить, — с напором сказал Фон Тел. — Просто боялся выглядеть глупым перед тобой. Ну, представь, как человекотреагирует, если скажешь — “добрый день, вам звонит телефон”.

— Сегодня ты так здорово президента изображал. Можно, чтобы он звонил.

— Я думал, ты считаешь это глупостью.

— Я думала, ты считаешь это глупостью.

Фон Тел и Кира уже еле различали друг друга. А на глаза у изумленных Алика с директрисой исчезла вся квартира на втором этаже вместе с коридором, где стояла тумбочка с телефоном и записной книжкой.

— Шарлота, все хотел вас спросить, — обратился к партнерше Захар Дондонович. — А за что вы так ненавидите Эл? — Она, конечно, типичный тупой подросток, но вы прям ее лично не любите.

— Ох, это старая история. Но я не могу без боли вспоминать ее, — в подтверждение слов глаза Шарлоты увлажнились. — Много-много лет назад я висела и никого не трогала. Я не виновата, что меня повесили в детской. Я не виновата, что кому-то не понравилась. А ведь мама ей говорила, что любую вещь надо уважать. Что нельзя вот так взять ножницы и навыврезать сердечек!

— Какой кошмар! — Возмущился Захар. — И что? Прямо вот взяла ножницы и порезала?

— Да, именно так! — Шарлота трагично закинула голову. — Взяла ножницы и искромсала. Я до сих пор помню ту кошмарную боль, ту надежду, что когда-нибудь мама должна зайти в комнату.

— Так почему вы ей не расскажете о том, что она сделала? Наверняка, она извинилась бы.

— Мне, знаете ли, так привычно злиться на нее.

— Мне тоже больше удобнее ворчать.

Они исчезли, утянув за собой в прозрачность подъезд первого этажа, где висел звонок и четвертый этаж, где когда-то была детская Эл с несчастной порезанной шторой.

Алик замахнулся ковшом — еще можно дотянуться до первого этажа и оставить дом без магии. Он чувствовал, что так обрушит дом, отомстит за свое испорченное детство. Алик с силой надавил на рычаг, чтобы хорошенько врезать ковшом по дому, и... замер, не в состоянии пошевелиться. Дом исчезал. Пятнами и островками лишался своей каменной плоти. Становился прозрачным. Алик с силой ударил лоб о руль. И упустил момент — дом поднялся выше, чем могла бы достать клешня экскаватора.

Большая часть танцующих и дома исчезли. Лишь несколько пар кружились на потолке, не решаясь начать разговор.

— Вероника, я знаю, что ты меня не любишь, — наконец, произнес Вениамин. — Что ты со мной тогда, когда я нужен дому. Наверное, ты чувствуешь благодарность. Но отвращение, оно сильнее. Просто один раз скажи мне, как быть. Как уйти от тебя? Может, это не любовь, а зависимость от твоей красоты, от твоей нездешности?

— Вениамин, пойми, я предмет. Говорящий, в форме человека. Но мы чужие. Мне с тобой неловко, непонятно, неуютно. Я не понимаю всех твоих желаний.

— Ребят, о чем бы вы не болтали — мелете чушь. Ни на грамм не исчезли, — вмешался Таинский, как будто случайно оказавшийся рядом. Но после пристального взгляда Вероники, он поспешил увести свою партнершу подальше.

Вероника и Вениамин посмотрели друг другу в глаза, рассмеялись и покрепче сжали друг друга в объятиях.

— Я без тебя тоже не могу, — сказала Вероника. — Просто меня сильно обидела твоя уверенность в том, что я смогу жить дальше, оставив всех остальных умирать из-за меня.

— Прости, — прошептал Вениамин. — Я привык думать простой логикой. А ты научила меня жить.

И они смешались с голубым осенним небом, утачив с собой весь танцевальный зал.

— Вот, спасибо! Хоть на старости лет узнала, как компот действует! — Произнесла Софья Леонидовна. — А то все охраняю этих тараканов. По ночам стерегу дом, чтобы никто не подавил малышей, пока они размножаются и едят — магии набираются. А все торчу на первом и боюсь нос высунуть.

Таинский, наблюдавший, как Вероника и Веньямин, крепко обнявшись и со счастливыми улыбками растворились в воздухе, грустно улыбнулся и ответил:

— Отныне я буду танцевать только с вами.

— Тогда мне надо извиниться перед тобой.

— И за что же вам извиняться? — Удивился танцор.

— Я тебя обвиняла в том, что ты стал знаменитым благодаря магии, — сказала Софья Леонидовна. — Хотя потом поняла, что пастила не действует, когда выходишь из дома.

— Правильно обвиняли. Магия действует. Просто по-другому. Понимаете, я пробовал летать. Я знаю, что могу. И на сцене я делаю больше, чем те, кто не знает. Если бы я был честным парнем, то привел бы всех сюда и всем бы дал попробовать. А я пользуюсь один.

— Вот как женщина тебе скажу, — Софья Леонидовна поджала губы, несколько секунд сомневалась — говорить или нет, но решилась, — Хотя известно, что ты знатный и безответственный мерзавец, но за талант — прощаешь все. Ты умеешь дарить счастье. Даже если бы так не прыгал. Это ужасно. И прекрасно.

И счастливых Софью Леонидовну с Таинским с их радостными улыбками и третьим этажом поглотила пустота.

Эл и Леон танцевали молча. Сначала Эл была сосредоточена на том, чтобы правильно переставлять ноги и не опозориться перед одноклассником. Потом мозг принялся в панике искать тему для разговора. Как не сказать чего-то, за что потом будет стыдно? Эл видела, как исчезают одна за одной пары, как мир вокруг проступает сквозь стены дома. Постепенно, исчезли все танцующие. Кроме них с Леоном. И негромкого вальса. И шума города. И голоса Акулины в динамике.

— Эл и Леон. Если вы сейчас не разродитесь, то долго ли коротко ли, но в небе заметят огрызок дома и двух человек, летящих в небе вверх ногами.

— Я не знаю, что говорить, — призналась Эл. — Помоги мне, пожалуйста.

— Ну лааадно, — довольно протянул Леон. Эл догадалась, что парень ждал этого момента и наступила ему на ногу. — Ау! Полегче! Я же собираюсь тебе в чем-то признаться! Помнишь, я тогда на кухне, ну, перед компотом, сказал, что хочу тебе помочь? После того, как обнял, ну и...

— Помню, — перебила его Эл. — Можешь не пересказывать, я все прекрасно помню.

— А помнишь, я перед этим у Коли взял киндеры?

— Ага, было.

— Может, на меня они тогда подействовали? То есть ты-то наверняка подумала, что я типа издеваюсь, ну, прикалываюсь?

— Так и подумала.

— А я как бы стал чуть правдивее. Наверное, они давно с пятого этажа, выветрились что ли. В общем, их действия хватило на чуть-чуть и потом...

— И потом ты стал вести себя как последний придурок.

— Почему как последний? Может, как первый?

— Это точно, — рассмеялась Эл.

А Леон, напротив, серьезно спросил:

— А правду говорят, что если ты можешь рассмешить девушку, значит, ты ей нравишься?

Эл закусила губу, и не сразу ответила:

— Я не психолог, не автор журналов и даже не блогер. Откуда мне знать?

— А сама как думаешь?

И снова в тихий вальс ворвался голос Акулины:

— Исчезайте уже, блин!

— Да... думаю, считаю, короче, это правда, — выдавила Эл.

— Знаешь, я так рад, как бываю рад, когда представляю, что у меня миллион подписчиков, — сказал Леон.

И Эл увидела, как под ее пальцами исчезает его плечо в бордовой толстовке. Сначала ушел цвет, оставив мерцающие очертания. Потом и ее пальцы стали совершенно прозрачными. Остались мягкость, тепло, ощущение твердого пола под ногами, шепот голосов танцующих, шарканье ног и музыка.

— Обалдеть, — воскликнул Леон, — помнишь тот момент, когда Гарри летел на фестрале в министерство магии?

— Ага! — Отозвалась Эл. — Они же были прозрачными, эти лошадиные скелеты.

— Так вот я думал, что ничего страннее и быть не может. И вот я, считай, танцую с фестралом.

— Вот спасибо! От фестрала слышу!

— Давай лучше посмотрим вокруг, предложил Леон.

Эл запрокинула голову и посмотрела вниз. Земля стремительно отдалялась от них. Под ними осталась школа, дом Эл, три недостроенных небоскреба и просыпающийся, толкающийся на тратуарах и пробках город.словно электрическим разрядом Эл пронзил ледяной страх. Это как стоять на крыше

высокого дома, у края, только вниз головой и гораздо выше. От пяткам к затылку девушки прокатывались волны ужаса. Еще с каждой секундой они летели все быстрее и быстрее. Ветер врывался в дыру в доме и заставлял танцующих ближе прижиматься друг к другу. Несколько минут они летели молча, а потом Леон спросил:

— Тебе не страшно?

— Мне охренеть, как страшно. И еще холодно, — призналась Эл. — Я боюсь, что дом рухнет, или что мы врежемся во что-то. Ау! Кто это? — Застыла Эл от толчка в плечо.

— Извините, — послышался голос Коли. — Я и когда вижу-то всех сшибаю, а тут...

— Мне тоже очень страшно, — поддержал Леон. — Но вот знаешь, когда я только начинал снимать видюхи, мне было страшно их выкладывать. Очень. Я боялся камеры, боялся позора.

Эл не понимала, как можно сравнивать полет вниз головой с роликами на ютубе, но когда она слушала Леона, ей было спокойнее.

— Ты скажешь — подумаешь, ролики снимать, — угадал Леон ее мысли. — Но ты же никогда не пробовала. Не показывала себя настоящую всему миру. Помнишь, как ты разозлилась, когда Акулина выложила передо мной твои секреты?

— Черт! — Вскрикнула Эл.

— Ты меня не слушаешь! — Возмутился Леон.

— Да мы сейчас вмажемся в Москва-сити.

Со всех сторон слышались выкрики и ругательства. И, самое ужасное, подошвы кед стали меньше давить на потолок. Они вместе с домом ухнули в воздушную яму.

Эл не могла танцевать, она вцепилась в Леона, дрожа от страха. Парень тоже трясся и что есть мочи сжимал ее. По-прежнему Эл не видела ничего, кроме города под ней с высоты птичьего полета. И еще то, что они стремительно неслись на завинченный в спираль небоскреб.

— Акулина, Один, что там у вас? — Срывающимся голосом заорал Вениамин.

— У нас капец. Клавиатура выскользнула из рук, пытались найти. Пока искали, потеряли педаль винта. А педаль винта придавлена стулом, поэтому дом шпарит на всех парусах!

Эл вдруг закричала, сама не понимая, откуда у нее голос и мысли:

— Нам надо выше подняться, чтобы перелететь небоскреб! Значит, сильнее танцевать.

— Я двигаться от страха не могу! — Взмолился Тор Шер. — Лучше бы я всю жизнь простоял в комнате Эл, чем вот так погибнуть.

— Сказано танцевать! — Рывкнула Софья Леонидовна. — Надо, значит надо. Нежные больно стали! И раз — и два — и три.

Леон оседал на руках Эл, она никак не могла его поднять.

— Слушай, прошептала она ему на ухо, — ты прав. Очень страшно показывать себя настоящего. Это второй по силе страх. А первый — это смерти. Я падала с четвертого этажа, я знаю. И мы умрем через минуту. Если ты продолжишь вот так волочиться. Или не умрем, если ты найдешь в себе силы встать и танцевать.

— Обещаешь? — проныл Леон. — Что не умрем?

— Обещаю, — обманула Эл.

И Леон подскочил, сжал руку Эл так, что у нее хрустнули суставы и как будто сдавал норматив по скорости передвижения в танце, повел ее в вальсе.

Подшвы кед снова надежно упирались в потолок. Дом стремился вверх. У Леоны, как всегда, идеально получилось выразить то, что происходит:

— Как будто танцуешь на потолке огромного, прозрачного лифта.

Но тревожный шепот по залу все нарастал:

"Мы не успеем, нет, мы точно не успеем. Совсем близко, прощай-прощай-прощай".

— Акулина, что там у вас? — Крикнула Эл.

Никто не ответил.

— Один! — Завопил Леон.

Ничего. Тишина.

— Танцуем так быстро, как можем! — Взревел Вениамин.

Спина Эл покрылась холодным потом. В горле пересохло. Она уже мысленно прокручивала в голове свою жизнь: хорошо, что обнялась с сестрой, плохо, что так рассталась с папой, плохо, что так ни разу и не поговорила с мамой, нормально, как человек с человеком. Жаль, что только она начала понимать что-то про жизнь — благодаря этому дому, так сразу ее этим домом, да о небоскреб. А еще внутри люди! Они же тоже пострадают!

Эл представила, как сцена будет смотреться со стороны. Безмятежный осенний денек. Только облачка бегут по небу, да таксисты подрезают на дорогах. Ничего необычного. И тут над головами бизнесменов, блогеров, продавцов, родителей, детей, шопоголиков, — раздается страшный грохот. Магия исчезает, и люди видят, как крошатся в воздухе монолитные плиты, старые рамы и ветхие внутренности дома под снос, как смешиваются они с вихрем блестящего гладкого стекла небоскреба. И все это, тяжелое и острое, непонятное и опасное, рушится на прохожих, которые, застыв от изумления, не успели спрятаться.

— Эволюция, — прохрипел Леон.

— Что? — Удивилась Эл.

— Башня называется “Эволюция” — символ развития. Хотя изначально эта громадина задумывалась как ЗАГС — типа, пара в танце.

— Подумай лучше о чем-нибудь другом, — посоветовала Эл.

— В смысле, перед словом на букву "с"?

— В смысле да.

До столкновения оставались считанные секунды. Дом хоть и поднялся высоко, но явно не мог перелететь башню. Все снова бросили танцевать и прижались к друг другу. Теперь орали в голос, без надежды, в бездумной панике.

Дом ухнул вниз, Эл показалось, что подошвы вот-вот оторвет от потолка. Тело не было больше легким, стремящимся вверх. Но и не надо. Зачем? Скоро тела вообще не станет. Интересно, все-таки есть жизнь без тела? Будет ее призрак преследовать директрису по ночам, выныривая из джакузи?

Дом резко повело вбок. Эл обняла Леона, что было мочи — теперь во всем мире осталось только его тепло. Замелькали перед глазами солнце, бетон, стекло, облака, человечки и машинки внизу, лента Москвы-реки, купола и домики. Эл знала, что падает, что уже ничего не может сделать. Только почему-то не было слышно грохота. Только крики и всхлипы тех, кто был внутри дома.

— Леон, что происходит?

— Я бы сказал, что полный трэшак и смертоубийство!

Эл кто-то врезал локтем в висок, потом они с Леоном сбили кого-то с ног, потом ей кто-то залепил пощечину. Все перестали уже извиняться, просто старались поближе прижаться к партнеру и закрыться от ударов.

Леон сглотнул и продолжил:

— А Один бы, наверное, сказал, что происходит что-то лучшее, чем мы думали. Видимо, Акулина нашла клавиатуру, а Один — педаль. Потому что посмотри, мы почти обогнули башню и снизили скорость. Ой, блиин! Мы теперь летим на другую башню!

Их несло на тонкую башню медного цвета. И снова дом сделал крутой вираж, и Эл с Леоном врезались с размаху в стену.

— Хорошо, что пока в стену, — обрадовался Леон. Ведь где-то в доме дыра — в нее бы не вылететь!

И их тут же потащило в другую сторону. По пути кто-то налетал на них, поцарапав Эл щеку и плечо. Девушка, почувствовав приступ тошноты, зажмурилась. Лучше не знать, что там. Она услышит, если конец.

— Конец! В смысле, все кончено, в смысле, все хорошо, — Прошептал Леон. — Поднимайся, надо танцевать, дом теряет высоту.

Раздался голос Акулины:

— Мы просим прощения. Теперь ситуация под контролем.

— Они просят прощения! — Проворчал рядом кто-то. Эл узнала голос Захара Дон-Доновича. — Подавитесь своим прощением!

Когда Эл с Леоном поднялись на ноги, парень спросил:

— Как думаешь, если я блевану, это будет прозрачным?

Эл засмеялась.

— Чего?

Эл не могла остановиться. Она хохотала, держась за ребра, которые сводило новой, неизвестной болью. Никогда раньше Эл не приходилось так смеяться. Но было хорошо, легко, приятно, больно, но надежно. Казалось, ты в полной безопасности, когда смеешься.

— Ну скажи, чего ржешь? — Пытал ее Леон. — А то я решу, что моим шуткам. И что я правда тебе нравлюсь.

— Нет, — наконец, смогла сказать Эл. И, хрюкнув, добавила, — Я просто думала о том же самом. И еще как блевать вниз головой.

— Понянятно, — протянул Леон. — Надо танцевать

— Хорошо.

И несколько секунд они стояли, не решаясь начать двигаться.

Неловкую паузу прервал голос Акулины.

— Ну что, все оклемались? А нам предстоит решить один важный вопрос, о котором мы совсем забыли. Куда летим-то?

Со всех сторон слышались возгласы. Эл пыталась понять, кто именно говорит, но не могла быть уверенной.

“Точно! Надо же! Подняться к облакам и не знать, куда!” — кажется, Фон Тел.

“А можно в Париж?” — кажется, Кристина.

“До Парижа не натанцуешься!” — кажется, Шарлота.

“В Америке, говорят по телевизору, хорошо!” — кажется, Вилли.

“О, Боже! Книг по географии вообще никто не читал что ли?” — точно Поля.

“Слушайте, когда-нибудь эффект от компота закончится и мы просто упадем, поэтому давайте выберем какую-нибудь никому не нужную полянку в Подмосковье” — кажется, Ли.

“Хах! Смешно! Никому не нужная полянка! Такого уже нет!” — кажется, Вениамин.

“Что же тогда делать?” — кажется, Кира.

“Зачем мы тогда все это проворачивали?” — точно Захар Дондонович.

“Постойте, у меня, кажется, есть вилла в Подмосковье. Там как раз есть несколько гектаров земли” — Эл узнала характерный ленивый говор Таинского.

— У него, кааажется, есть вилла в Подмосковье, — передразнил Вениамин.

— Веня, — с мягким упреком сказала Вероника.

— Все-все, молчу.

Раздался голос Акулины:

— А где вилла?

— Я не помню, простите, — пролепетал Таинский. — Вылетело из головы. Столько всего произошло. Ой, нет, помню, на востоке. Точно, в Балашихе! Я узнаю сверху, полетели.

— Один, помоги мне курс на восток настроить, у тебя, как оказалось, лучше меня получается, — с совершенно новой интонацией сказала Акулина.

— Ты динамик-то выключи, — и Эл услышала по голосу Одина, что тот широко улыбается.

Глава 20

Таракан

— Вон там, Храм Христа Спасителя! Я на картинках видела, — задыхаясь от восторга, тараторила Поля. — А вон моя мечта, ноги подгибаются, библиотека

имени Ленина. Ой, Красная Площадь совсем близко. Как же красиво, Коля. Мы бы никогда такой красоты не увидели, если бы дом не снесли.

— Знаешь, я бы предпочел тихое незнание. Я уже так устал, что не могу никуда смотреть, — признался Коля.

— Эх, в тебе ни капли романтики! — Пожурила его Поля.

— Я просто между красотой и жизнью выбираю жизнь, — пояснил Коля.

— А так красиво сказал! Здорово! Но нам же уже ничего не угрожает, можно и полюбоваться!

И тут дом снова тряхнуло. Эл пронизал знакомый страх: кеды оторвались от потолка. По телу разлилось неприятное жжение. Она не чувствовала давления — ноги скользили по воздуху, без опоры.

Судя по тревожным вскрикам и возгласам вокруг — все ощутили то же самое.

— Акулина, что происходит? — Крикнул Вениамин.

— Это вы мне скажите, — отозвалась Акулина. — Такой же эффект был тогда, когда вы все разом перестали танцевать!

— Но мы танцуем, блин! Хотя даже мне, профессионалу, уже очень тяжело! — возмутился Таинский.

— Значит, мы падаем, — констатировала Акулина. — Только без паники, — добавила она, перекрикивая взволнованные разговоры танцующих. — Мы попробуем посадить дом.

— Куда? — Всколыхнулась пустота со всех сторон от Эл.

— Ну, в центре города я вижу только одну подходящую площадку, — сказала Акулина.

— Капец, — проговорил Леон. — Она собирается приземлиться на Красную Площадь.

Эл с Леоном перевернуло в воздухе. Теперь они танцевали как обычно — головой вверх. Но мозг считал это опасным и ненормальным. Эл казалось, что она очень тяжелая, и своим весом тянет дом вниз.

Дом затрясло. Эл вспомнила ощущения, когда летала с родителями в Турцию и задремала во время посадки. Ей снилось, будто они падают. Она чувствовала себя запертой в несущейся вниз коробке. Тогда, во сне, у нее получилось уговорить себя, что пилот знает свое дело, что он их спасет. Сейчас происходящее было в сотни раз страннее и страшнее. И это точно реальность,

не сон. Жизнь Эл зависела от Акулины и Одина в прозрачной комнате, двумя этажами ниже. А все, что она могла делать — это танцевать вальс.

— Божечки, как мне надоело падать, — взмолился Леон.

Эл подумала, что да, многовато падений последнее время.

Она допустила ошибку и посмотрела вниз. Машины в пробке на Тверской увеличивались с каждой секундой, стремительно толстела змейка Москвы-реки, набухал Александровский сад. С каждой четкой деталью — шпилем, окном, деревцем, обелиском, которую Эл видела, паника в сердце нарастала. Девушка заорала, когда что-то толкнуло ее снизу — они нащупали пол. Магия кончилась. Эл повернулась к Леону и заорала еще громче. Он заорал в ответ. Мозгом она понимала, что они всего лишь перестают быть прозрачными. Но, как оказалось, прекращение магии пугает гораздо сильнее, чем ее первое появление.

Дом швырнуло, потом крутануло. Эл ударилась затылком обо что-то твердое, вертикальное, и в голове помутилось.

Дальше она видела события, как отстраненный зритель, словно все вокруг — кино, не более. Парень напротив становился все ярче. Эл даже увидела, что у него упала на щеку ресничка. Из пустоты возникал, как воздушный замок в забытой сказке, третий этаж дома под снос. Оказывается, их с Леоном занесло на балкон. Тот самый, где они встретились с Вероникой и с которого отправились в путешествие по четвертому этажу. Еще Эл чувствовала, что Леон прижимает ее к полу. Неужели они так быстро летят, что их отрывает? Хорошо же, что летят. Или плохо? А что такое хорошо и что такое плохо?

— Мы снова можем летать? — С улыбкой спросила Эл.

— Это оттого, что дом падает, нас подбрасывает, не магия, — развеял ее надежды Леон.

— Ты прикинь, как это со стороны смотрится, — мечтательно сказала Эл. — Дом в небе проявляется. Представляешь, какой это контент, Леон?

— Блин, а тебя сильно долбануло. Повезло. Хоть не почувствуешь, как умираешь.

В тот же момент Эл оторвало от Леона и снова ударило о балясины балкона. Она схватилась за них руками и прижалась, что было мочи. Это было верным

решением — дом закачало не на шутку. У Эл прояснилось сознание. Она поняла, что они уже несутся напрямик в землю, что Акулина пытается смягчить падение крыльями и еще черт знает чем. И что, самое ужасное, у нее плохо получается. Эл видела только Леона, который болтался рядом — его огромные глаза. А еще почему-то Колю.

"Самый толстый, и до сих пор летает" — мелькнула в голове мысль. Их накренило, руки соскользнули с балясин, она почувствовала, что падает с балкона. Леон успел схватить ее за руку.

— Я сам сейчас грохнусь! Подтягивайся и забирайся!

Эл не могла даже понять, куда ползти. Дом так швыряло в пространстве, тело так долбило о балкон, что самым простым решением казалось отпустить руку и мягко полететь вниз.

— Не смей отпускать! Борись!

Эл схватилась другой рукой за локоть Леона, подтянулась, смогла ухватить балясину.

И вдруг дом завис. Эл перестало болтать в разные стороны, и она смогла запрыгнуть на балкон. Девушка легла на пол — даже если начнет опять подбрасывать вверх — все, сил точно нет. Но ее медленно, как на лифте, опускало вниз. Только чуть покачивало из стороны в сторону. Как будто кто-то большой и заботливый взял дом в свои гигантские ладони и нежно поставил дом на землю. Эл подняла голову и увидела странное зрелище. За последние два дня перед ней разворачивалось предостаточно слишком много странных зрелищ. Но толстяк, танцующий под потолком, вытянув руки вверх, это нечто. Лицо Коли исказилось от напряжения. Пот катился по его лицу, и толстовка была вся мокрая. Когда дом перестал качаться, успокоился, Коля отпустил руки и упал на спину. Эл чуть не бросилась с балкона, чтобы поймать его.

Леон схватил ее в последний момент:

— Дура, в тебе не капли компота, грохнешься!

Но Коле ничего не угрожало: он как кленовый листочек, плавно скользил по воздуху вниз.

— Мой герой! — В слезах воскликнула Поля, когда он приземлился.

— Что там случилось-то? — Ворвался в тишину голос Акулины. — Мы уже помирать собрались.

— Сами не знаем толком, что произошло, — ответил Вениамин. — Нас отключили от магии, мы были на полу, когда этот чертяга взмыл в воздух и посадил в дом. Прямо супермен, не меньше.

Все окружили Колю. Эл напрягла слух, чтобы услышать, что скажет мужчина:

— Кто-то заныкал во мне термос с компотом, — возмущенно признался Коля. — По вкусу, лет десять назад. Как меня торкнуло! Да я бы, блин, библиотеку имени Ленина бы в небо поднял! Дайте я пойду докажу!

— Спокойно, зайка, спокойно! — Поля положила на ладони на его щеки, и Коля сразу остыл, размяк и заулыбался:

— Ты права, теперь можно и отдохнуть.

— Какой можно отдохнуть? — Не выдержал Вениамин. — У нас в пассиве совершенно непрозрачный дом на Красной Площади. А в активе ни одного таракана, чтобы улететь.

— Мы подождем до завтра — народятся новые тараканы. — Попыталась его успокоить Софья Леонидовна.

— Вот на Красной Площади, поверьте, дома сносят так быстро, что вам и не снилось! — Бесился бизнесмен.

— Что же нам делать? — Спросил Захар Дондонович.

— Акулина? — Громко крикнул Вилли. — Ты же знаешь, что делать?

Тишина. Долгая-предолгая тишина.

В динамик ворвался голос Одина:

— Она не знает, Акулина не знает.

— А Эл? — Вдруг спросил Тор Шер. — Эл же нас спасала. У нее должен быть план “Б”.

Повисла пауза.

— Конечно, у нее есть план “Б”, — ответил за Эл Леон с балкона. — Я по глазам вижу, то есть чувствую. Чувствую по тому, как она мою руку сжимает. Ау! Сильно-то как! У нее точно есть план.

— Что ты несешь? — Прошипела Эл. — Какой план? У кого?

— Так, вот ты сейчас скажешь им, что плана нет. И что? Они впадут в панику, начнут верещать. А я почти уверен, что ты что-нибудь да придумаешь. Это же была абсолютно сумасшедшая идея с полетом, но сработало ведь!

— Это случайность. Я не знаю, что можно сделать, если тараканы закончились. Блин!

Эл со всей мочи долбанула кулаком по балясине.

— Ауч! Больно-то как!

— Погладить? — Спросил Леон.

— Так какой план? Эл? — На этот раз пристал Вениамин. — Как ты хочешь обмануть время и пространство?

И тут Эл осенило. Она победоносно подняла ноющий кулак вверх, заехов по носу Леону. Тот повалился, а девушка подпрыгнула, встала у перил и, почувствовав себя немного Папой Римским (фиг знает, почему ей пришла в голову такая ассоциация), обратилась к замеревшей в ожидании толпе.

— Легко! Обмануть время и пространство можно легко! Ведь в сказке говорилось, что дом спасет магия всех этажей. А мы забыли использовать особенность одного из них. Вот и пришла очередь четвертого. Так что вы тут держитесь, а мы с Леоном попробуем добыть вам магии.

И она обернулась к парню и позвала его:

— Чего расселся, пошли в спальню.

— Тока не бей! — Заскулил он, поднимаясь. — Подожди. Ты сказала в спальню?

Когда они запрыгнули на кровать, Эл спросила Леона.

— Как, думаешь, ей управлять?

— Я помню, что Вероника дергала за ленточки, — парень лениво разлегся на кровати.

— Так, нам надо взяться за ремни, чтобы не слететь, готов?

— Да, то есть нет, разве можно к этому.... Блииин, — голос Леона сорвался. Эл слишком резко дернула за одну из ленточек и они рванули вниз.

— Тормози! — Кричал Леон. — А то мы сейчас к динозаврам улетим.

— Вряд ли! Тогда же дом не был построен?

— Ну тогда к Ленину. Не знаю! Надо было учить гребаную историю!

Эл потянула ленточку вверх. Кровать резко затормозила. Эл отвела ленту вбок и они мягко поехали вправо, в другой бок — влево.

— Все так просто на самом деле, — удивилась девушка. — Поскольку нам не нужно конкретное место, то можно и здесь сойти. Не возражаешь?

— Давай, — Леон пожал плечами.

— Черт! — Вырвалось у Эл.

— Что?

— Мы все в той же дурацкой спальне.

— Где ты с этим встретилась? Или с этой? — Поправился Леон.

— Не важно. Давай валить отсюда.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Леон спрыгнул с кровати и пошел к двери.

— Черт! Опять! — Он схватился за лоб, на котором проступала вторая шишка. — Кто эти стекла понаставил!?

— Часовой, — вспомнила Эл. — Чтобы попасть на четвертый этаж, надо пройти час... — ее голос сорвался. В двери стояла мама. Моложе, чем сегодня утром. Но взгляд все такой же... требовательный, разочарованный, от которого Эл хотелось заорать, убежать, расчесать щеки в кровь и кидаться предметами. — Леон, пожалуйста, поговори с ней.

— Эл, я... я не силен в логике, у меня другие козыри, — мягко сказал Леон. — Но знаешь, мне кажется, что если здесь твоя мама, то говорить должна именно ты.

— Леон, я не могу, я все испорчу, — напряженным, чтобы не заплакать, голосом сказала Эл. — Если буду я говорить, мы не попадем на четвертый этаж, не наберем тараканов, дом взорвет.

Эл трясло. Ей было жутко холодно. Хотелось с головой укрыться одеялом и забыться сном.

— Как зовут-то? — Спросил Леон.

— Кого?

— Твою маму, дурочка.

— Лида, то есть Лидия. Лидия Максимовна, — ответила Эл.

— Эм... Лидия Максимовна, — обратился Леон к женщине за стеклом.

Та как будто опомнилась от транса и живо посмотрела на парня.

— Здравствуй. Ты друг моей дочери? — Спросила она строго.

“Как будто наверняка сразу знает, что я с ним бухала, а потом переспала”, — подумала Эл.

— Да, можно и так сказать. Меня зовут Леон Ди. В смысле Дима, — Леон кашлянул, — Дмитрий Леонов.

— Как давно ты встречаешься с моей дочерью?

— Недавно. Нет, то есть мы не встречаемся. Только начали дружить. Она у вас очень красивая. И умная.

Мама перевела взгляд на Эл и скрестила руки на груди.

— Странный у тебя друг, Эл. Мелет какую-то чушь. Да и не выглядит надежно.

— С кем хочу, с тем и дружу, — Эл подошла и обняла Леона. Хотела даже поцеловать, но парень отстранился.

— Слушай, я понимаю, что подростковый бунт и все такое, — сказал Леон Эл шепотом, — но дом уже минут десять торчит на Красной Площади.

— Да что ты знаешь! — Эл села на пол, обхватив себя за локти.

— Я знаю вот что — у тебя с родителями тупо недопонимэ. Такое же, как у большинства. А бывает, поверь, гораздо хуже.

— Как, например? — Ослабилась Эл.

— А так, например, что тебе надо кривляться перед школьницами, чтобы заработать на операцию для мамы. И в дома странные заходить, и жизнью рисковать, чтобы контент годный получился.

Эл с минуту молча разглядывала свои кеды. Потом решительно встала, сжала кулаки и подошла к стеклу:

— Мам, у тебя что-то случилось? Ты выглядишь расстроенной.

— Что? А... да... мне папа изменил. Вчера. До сих пор не могу в себя прийти.

Эл обрадовалась, что может легко исправить ситуацию. Ведь никакой измены не было!

— Мама, он тебе не изменял! Он думал, что это с тобой... ну, это... любовью занимается. Его обманули, — Эл избегала упоминать разные магические штуки. А то мама решит, что она объелась таблеток. — Женщина была очень похожа на тебя, и добавила ему порошок какой-то в чай.

— Ты его защищаешь? — Спросила мама. И вдруг со злостью, — Нет бы меня пожалеть! А ты только его защищаешь! Конечно, папа добрый, папа не ругается, папа только приходит вечером с работы и приносит леденцы, а злая мама с вами целый день!

Эл обернулась на Леона и многозначительно посмотрела: “И что я должна сказать?” Парень постарался помочь:

— Лидия Максимовна, я понимаю ваш гнев. Но ведь никто не говорил, что с детьми легко. Разве вы не знали, когда их заводили, что из орущих поросят они вырастают в неблагодарных скотин?

— Не знаю, — ответила мама Эл. — Вот ее сестра, Лиза, очень хорошая девочка. И что это, Люба, я с тобой время трачу? У меня сегодня первый рабочий день.

— Да потому что Лиза... — заорала Эл, но Леон подпрыгнул к ней и закрыл рот рукой.

Мама продолжила:

— Я с этого дня начинаю работать. С вами теперь сидит папа. А я буду зарабатывать тебе деньги на поступление, раз ты такая непутевая.

— Цель, — прошептал Леон на ухо Эл, — у тебя есть цель.

Девушка села на кровать, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выдох, представляя, как тропический дождь заливает вулканчики гнева по всему телу. Потом посмотрела на маму. Женщина, как всегда, гордо держала спину и смотрела вперед, но в глазах стояли слезы. Эл могла представить, как ей плохо. Как это ужасно, когда самый близкий человек тебя предает. Она видела то, что видела мама. Как папа... с другой... на их кровати... Но ей нечем было утешить маму. Женщина в дверях не была настроена услышать от нее, Эл, что-то важное и умное. Кроме... И тут девушка поняла, что у нее на самом деле всегда есть козырь. Что придется ей теперь прибегнуть к манипуляции:

— Мам, я знаю, как на самом деле ты хочешь, чтобы я была счастливой. И, по-твоему, это счастье в том, что я начну что-то делать, брать на себя ответственность и двигаться хоть к какой-нибудь цели. Лучше, чтобы это был престижный вуз. Но надо же с чего-то начинать, согласна? — Эл встала напротив мамы и заглянула ей в глаза. — Я очень хочу пройти на четвертый этаж. Потому что мне впервые в жизни что-то важно. Я впервые не хочу уснуть, напиться, покурить и чтобы все отстали. Я мечтаю спасти тех, кто живет в этом доме. Я уверена, что я становлюсь другим человеком. Я чувствую, как во мне что-то меняется. Как мне удастся сдерживать свой гнев. Как у меня получается ставить цель и идти к ней. Да, пусть это пока странный дом с тараканами и ожившими предметами. Наверное, какой герой, такие и цели. — Эл прижала руки к груди. — Но они мои, понимаешь?

Мама стояла, опустив голову. Эл увидела, как по ее щеке проскользила слеза. От этого девушке стало неловко, захотелось уйти. Но выход из комнаты был или через дверь, или на летящей кровати. А на другом этаже ее бы ждал точно такой же часовой.

— Эй, — потянул ее за плечо Леон. — По моему опыту после вот таких разговоров они бьют стекло. Может, под кровать спрячемся?

Эл замотала головой.

— Напряталась я, надоело.

— Тебе помочь? — Вдруг спросила мама.

— В смысле? — Удивилась Эл.

— Ну, путь свободен. Ты прошла испытание. Но я пока здесь. И могу что-то подсказать. Все-таки, в этом пространстве я лучше ориентируюсь.

Леон начал водить руками перед собой для проверки, точно ли исчезло стекло.

— Да, спасибо, было бы здорово, — улыбнулась Эл.

— Что вам нужно? — Спросила мама.

— Набрать тараканов, — ответила Эл, готовясь к бурной реакции.

— Вон газета на тумбочке, — сказала мама, ничуть не удивившись. — Скрутите себе листов и пойдем на кухню.

— Блииин, — Леон сел на кровать, схватившись за живот.

— Что? — Подскочила к нему Эл.

— Я только сейчас осознал, что нам придется делать.

— Давить тараканов, — пожала плечами Эл. — Это как комаров. Ты что, комара никогда не прихлопывал?

— У меня фобия на насекомых, Эл. Я пытался как-то снять ролик, как ее побеждаю. Купил муравьиную ферму. Не вышло. Я не могу, правда, я тебя здесь подожду.

Вдруг издалека и очень глухо прозвучал голос Акулины:

— Ребят, Эл и Леон, если вы меня слышите — надо бы поторопиться. Нас уже окружают зелененькие машинки. Ни в одной игре, в которую я играла, когда тебя вот так окружают — ни к чему хорошему это не приводило. А я даже дешевый спецэффект не могу применить — магия на исходе.

— Леон, — взмолилась Эл. — Ты хоть представляешь, какой это будет контент? Леон Ди ест тараканов! Да никто во всем ютубе такого челленджа не проворачивал. Давай, пойдем, мне без тебя не справиться!

— Что, твой друг сдулся? — Задрав бровь спросила мама.

Эл посмотрела на Леона. Она видела, что он не придуривается, что ему правда тяжело — цвет лица был белый, как пластиковый стаканчик.

— Нет, — Леон поднялся и несколько раз похлопал себя по щекам, оставив розовые следы. — Я не сдулся. Я иду. — И он взял с трюмо газетку, оторвал себе кусок и скрутил в трубочку.

Мама Эл уважительно кивнула и пошла на кухню. Эл взяла Леона за руку и, как маленького, повела за собой. Кухня оказалась небольшая — справа сразу стоял холодильник. Слева у стены стол. Кухонные шкафчики были холодного синего цвета, и смотрелись бы стильно, если бы тут и там не отклеивалась пленка и не вздувалось дсп.

Леон шел, закрывая ладонью глаза, как будто смотрел фильм ужасов.

— Что там? Их толпы? Скажите.

— Ни одного пока, — разочарованно проговорила Эл.

— Надо отодвинуть холодильник и полезут, — подсказала мама.

Эл увидела две коричневых блестящих спинки, которые пересекали кухню, подпрыгнула к ним и прихлопнула.

Леон схватился за стену.

Когда Эл посмотрела на него, он сказал:

— Мне просто их жалко.

— Возьми банку с подоконника и сложи, — посоветовала мама.

Эл послушно все исполнила.

Леон включил камеру на сотовом и начал себя снимать:

— Дорогие подписчики, времени на представление нет, вы помните все мои титулы. Так вот, сегодня я совершаю непревзойденный по храбрости и отморозенности поступок. Я забрался... хм... все равно не поверите, короче, в старый дом. И я собираюсь наловить в нем тараканов и съесть. Попробуйте догадаться в комментариях, зачем. Я сейчас поставлю камеру на стол. Вот так. А сам буду отодвигать холодильник. А моя подруга Эл будет нести смерть с помощью газетки.

Леон подошел к холодильнику, обнял его и навалился плечом. Внутри что-то зашаталось, а потом брякнуло. Парень поднажал и сдвинул белую громадину с места. На том месте, где только что стоял холодильник, лежали горки пыли, смешанные с крошками. Эл увидела старую игрушку из киндера и... штук сорок тараканов. Насекомые бросились в рассыпную. Эл, подавляя тошноту, панику, ощущение, что по коже кто-то ползает, принялась дубасить по ним газеткой и топтать ногами, что есть мочи. Больше всего она боялась, что тараканы заберутся на кеды. Рядом прыгал, кричал и размахивал газеткой Леон. По тому,

что рядом периодически дергалась его рука, Эл догадывалась, что парень ей помогает.

Последнего таракана они прихлопнули вместе. После чего синхронно отбросили газетки и вцепились в друг друга. Оба дрожали от напряжения.

— Какие же мы все-таки неженки, — успокоившись, произнесла Эл. — Мне бабушка рассказывала, что они в общежитии по очереди спали на полу, под столом. Это было, так сказать, вип-место. По тебе во сне табунами ползали тараканы и в уши пищали мыши и крысы. Зато клопы с потолка не падали. Самое страшное было — это чесучие укусы клопов. А тараканы, говорила бабушка, они же просто ползают.

Леон молча отодвинулся от нее и побежал в туалет. Эл услышала, что он все-таки не выдержал — стошнил. Девушка посмотрела на маму.

— Спасибо, мам. Но нам бы еще тараканов — чтобы полную банку.

— У тебя много странных друзей, которым нужны тараканы? — Спросила мама.

— Именно так, — кивнула Эл.

— Я сейчас попробую отодрать плинтус лопаткой для жарки — там должно быть много.

— Спасибо, мам, — сказала Эл и задумалась, в который раз она это говорит, и у нее не сводит челюсть.

В ванне зашумела вода. Через минуту появился Леон. Волосы мокрые, на лбу две шишки, под глазом фингал, кожа с легким зеленоватым оттенком:

— Как я выгляжу? — Спросил он и посмотрелся в телефон.

— Лучше, чем когда-либо, — честно ответила Эл. — Готов к новому заходу?

— Нет, — признался Леон. — Но сделаю, что скажешь.

— Спасибо, сейчас мама плинтус отдерет и полезут.

Леон обернулся на телефон, из которого на него смотрели тысячи подписчиков:

— Если вы еще не поставили лайк и не нажали на колокольчик, то вы просто бессердечные сволочи. — Парень встал в стойку, держа двумя руками газетку и закричал:

— Погнали!

И Лидия Максимовна вставила ручку от лопатки между плинтусом и стеной и потянула на себя, как рычаг. Плинтус затрещал и отошел от стены. А под ним закопошилась коричневая масса.

— Леон! Оддери весь плитус, туда не протиснуться, — крикнула Эл.

— Руками? — Осипшим голосом спросил Леон.

— Чем угодно! Быстрее.

Леон закусил зубами губу так, что почувствовал во рту металлический вкус. Парень присел и схватился за плитус. Пальцы что-то щекотало.

“Не думать, не думать, не думать”, — приказал себе Леон и рванул на себя плитус. Тот поддался, и парень упал назад. Но тут же подпрыгнул и принялся танцевать дикий танец, отдаленно напоминающий чечетку.

— Вот вам, вот вам, вот вам! — Кричал он в беспамятстве.

— Леон! — Голос Эл доносился словно из тумана. — Леон!

Парень продолжал кружиться, прыгать, взмахивать руками — пришлось подойти к нему и схватить за обе руки и посмотреть в глаза:

— Все, тише, тише. Мы справились. Давай собирать и возвращаться.

— Эл, — позвала мама. Девушка вздрогнула и втянула голову в плечи. Мама никогда ее так не называла. Она стояла на входе в кухню с заведенными за спину руками.

— Что, мам?

— А зачем вам тараканы? Это новый наркотик такой что ли?

Эл пнула ногой стул, чтобы не сказать ничего лишнего, и мама новой стеклянной стены не возвела.

— Извини, — ответила девушка. — Сейчас не до разговоров. Нам пора.

— Просто... В общем, это странно звучит, ты вряд ли согласишься, но у нас на первом этаже живет одна сумасшедшая пожилая женщина, ну, она еще бабушка твоей подруги, Акулины, бедной девочки. — Мама покусала губы, посмотрела на потолок, собралась с мыслями и выпалила. — Так вот соседи говорили, что эта бабушка, Софья Леонидовна, делает пастилу из тараканов. И я подумла... точнее, сходила... и попросила у нее коробку. Она дала. Вот. — И мама достала из-за спины раскрытую коробку размером с видеомэгнитофон. Внутри угадывался знакомый красно-оранжевый блеск поверхности пастилы.

— Мама, ты чудо! — Воскликнула Эл, подбежала к ней и неловко обняла, уткнувшись животом в коробку.

Мама слегка дернула плечами — ей также, как Эл, были непривычны все эти нежности.

В кухне возник голос Акулины.

— Эл, Леон, если вдруг вы слышите. Из зеленых машинок появились человечки в черном с черными автоматами. Подъезжает еще какая-то техника. Совсем скоро они зайдут в дом. И тогда нам их не выгнать и не взлететь. Пожалуйста, — Акулина запнулась и Эл услышала, как она плачет, — пожалуйста, спасите нас.

— Все, нам пора. — Сказала Эл Леону, который доснимал обращение к подписчикам.

— В летающую кровать вы все равно не поверете, поэтому до встречи в летающем доме. Пока-пока!

— Быстрее!!! — Закричала Эл.

Леон схватил телефон и рванул к ней.

— Банку, блин, возьми, я с коробкой. Только про сотовый свой помнишь!

Эл закатила глаза и встретила взглядом с мамой. Та улыбалась. Эл улыбнулась в ответ, впервые понимая, как тяжело быть самой ответственной.

Глава 21

Фри

— Ты уже мастер управления летающими кроватями, вези нас, — запрыгнул на кровать довольный Леон.

— Пока! — Эл махнула маме рукой и повернулась к парню. — Я буду управлять, а тебе надо крепко держать добытые сокровища.

— Угу, — кивнул парень и, накрыв телом коробку с банкой, схватился за ремни.

Эл потянула за тесемки вверх. Кровать заурчала и двинулась с места. Эл встретила взглядом с Леоном. Ей понравилось, как он на нее смотрел: с улыбкой и тепло. Она не заметила, как что-то невесомое, прозрачное, текучее скользнуло на кровать. Эл наслаждалась теми спокойными секундами, что они летят сквозь этажи времени и просто смотрят друг другу в глаза.

Но девушке скоро пришлось сбавить натяжение ленты, чтобы ехать медленнее и успеть узнать их этаж.

— Вот! Нам сюда! — Воскликнул Леон.

— Точно? — Спросила Эл, Я не помню здесь зеркала.

— Да! Видишь — дверь открыта, я специально оставил!

— Классно придумано! — Похвалила Эл, взяла банку и спрыгнула с кровати.

— Нам надо торопиться.

Они вышли на балкон и застыли: люди и предметы лежали на полу. Поля уже почти стала полкой — из деревяшки торчали руки и ноги. Фон Тел сжался до размеров карлика, и на голове у него вместо шапочки оформился телефонный диск. Тор Шер, как не пытался, не мог разлепить рук и ног.

Все стонали, прощались, пересказывали друг другу, что успели увидеть с высоты.

В кругу в центре сидели, опустив головы, Акулина, Один, Вениамин, Таинский и Софья Леонидовна. Эл заметила, что Один держит за руку Акулину.

— Эй, чего приуныли? — Крикнул Леон. — Может, еще летаем?

Те, кто могли, повернули головы к балкону. Эл заметила, как поднялся на коротенькие ножки комод и маленькими шагами встал так, чтобы ящечки смотрели на вход в четвертый этаж. Девушке показалось, что она видит в двух круглых ручках глаза Коли.

Эл залезла рукой в коробку с пастилой, которую держал Леон, и отщипнула кусочек. Леона передернуло.

— Блин, я не смогу, — прошептал он. — Компот еще ладно. А тут, без запивки...

— Ты уже столько смог, что мне смешно это слышать.

— Я если я скажу, — сказал Леон со странной улыбкой. — Что сейчас выйду из дома и засвечусь на всех телеканалах. Завтра проснусь знаменитым.

— Я отвечу, — спокойно ответила Эл. — А с кем я тогда буду танцевать?

— Не подумал, — толкнул ее плечом Леон и тоже отщипнул пастилы, зажмурился, сморщился, закинул кусок в рот и проглотил не жуя.

Эл с банкой, Леон с коробкой под мышками, сели на ограду балкона, взяли за руки и сделали шаг по воздуху, повернувшись друг к другу. В медленном вальсе они опустились на пол.

— Есть свежие, для любителей, а есть продукт переработки, — сказал Леон, пародируя манеру говорить официантов.

— Стреляй! — Вдруг раздалось за окном.

И воздух затрещал и взорвался миллионом осколком. Большое окно зала обрушилось. Эл почувствовала жжение на щеке. Коснулась рукой — на ладони осталась красная полоска. Леон подбежал к ней, обнял и повалил на пол:

— Кино, что ли, не смотришь? Когда стреляют надо падать на пол.

— Нам некогда валяться на полу! — Эл освободилась от его хватки. — Они сейчас в дом ворвутся. Надо срочно оживлять предметы.

Акулина отщипнула несколько кусочков от пастилы и, пригнувшись, подбежала к комоду, открыла верхний ящик по середине и опустила туда сладость. Затем она положила лакомство на руку Поли. Эл увидела на полу длинное полотно шторы, все в дырках вырезанных сердечек. Она подползла, погладила ткань, и оставила кусочек пастилы в одной из дырочек. Потом Эл украсила сладостью лампочку Тор Шера.

— Все, всем раздали! — Произнесла Акулина через несколько минут. — Один, пойдем управлять полетом. Пора начинать танцевать.

— Танцы под пулями — это будет легендарный номер, — воскликнул Таинский.

— Я бы предпочел смотреть его из зрительного зала, — буркнул Леон.

— Исчезать не будем, — раздался в динамике голос Акулины. — А то вылетете в окно, и не заметите. — Нас и так вся страна видела. Будем надеяться, они минут двадцать будут в шоке и дадут нам смыться без проблем. А потом, когда мы с Одним настроим полет, и вы освоитесь, можно будет и пропасть с радаров. Включаю музыку.

Зазвучал вальс.

Его прервал треск пулеметов. Все легли на пол. Когда закончили стрелять ледяной мужской голос сказал:

— Даю вам пять минут на подумать и все-таки выйти, а потом мы пустим в ход гранаты.

— Ну что, поехали? — Спросил Леон.

Эл кивнула и поднялась на ноги. Парень положил одну руку ей на талию, а вторую подставил для ее ладони. Эл почувствовала себя опытной танцовщицей — так легко ей далось в этот раз начать танец. Голова уже не требовалась — тело двигалось само.

Они поднимались все выше и Эл видела толпу, которую тщетно пытались разгонять омовцы, зеленые машины, дула пулеметов, направленные на них. Собор Василия Блаженного перевернулся, по всему телу закололи маленькие иголочки, кровь прилила к ушам, заложило нос.

— Не останавливайся, танцуй, станет легче, помнишь? — Сказал Леон.

И правда, через минуту танца на потолке, дышать стало легко, как будто Эл всю жизнь жила взниз головой. Дом на этот раз поддался легко. Потолок мягко поднимался, ноги надежно тянуло вверх. Эл улыбнулась. Ну, теперь-то у нее

точно все получилось. Когда у тебя получается первый сумасшедший план, это кажется случайностью. Когда сбывается второй еще более сумасшедший, то зарождается вера в себя.

— Можно тебя пригласить? — Спросил Леон.

— На свидание? — Вырвалось у Эл.

— Нет, конечно! — Ответил он как-то слишком быстро. — Нет, я тебя хотел на канал свой позвать — дать интервью.

— Чтобы надо мной все смеялись?

— Ну, как хочешь, — и Леон стал смотреть куда-то мимо Эл.

— А что там за женщина?

— Где?

— На полу.

Эл запрокинула голову и застыла. К банке с тараканами подбиралась та самая женщина, с которой она видела отца.

Зеркало, зеркало, зеркало, — прошелестело с разных концов зала. Предметы тоже заметили чужака.

— Эл, нам надо двигаться, чтобы держаться за потолок.

— Нет, мы спускаемся.

— С ума сошла?

— Как хочешь, — Эл отпрянула от Леона, перевернулась вверх головой и упала на спину, как совсем недавно Коля. Ее тело мягко заскользило по воздуху вниз.

Женщина меж тем подбежала к банке с тараканами, схватила, отсыпала себе горсть и закинула в рот. На секунду она замерла с блаженной улыбкой. А потом, держа банку в руках, побежала к окну.

Эл до этого не понимала, что хочет эта женщина. Просто хотела добраться до нее и помешать чему бы то ни было. Но тут ее пронзило осознание плана Зеркала: она собирается выпрыгнуть из окна. Тараканы нужны для того, чтобы медленно и безопасно добраться до земли. И тогда Зеркало станет свободно. Так, как должна была стать свободна Вероника по плану Вениамина. Только Вероника не хотела жить ценой смерти своих друзей. А Зеркало бежало к окну. Через несколько минут оно достигнет земли. Потом начнут застывать все предметы. Потом упадет дом.

Эл мягко скользила по воздуху. Вот бы быстрее! Она перевернулась на живот и попробовала как будто плыть к полу. Но нет! Она не успевает схватить

женщину. Та уже у окна. Что-то кричали вокруг. Но Эл знала, что ее концентрации не хватит на то, чтобы принять советы других. Надо решать самой. И решать быстро. Наконец, она достигла пола. Эл рванула к коробке с пастилой. Там оставался небольшая полоска. Наверное, хватит, чтобы сохранять невесомость. Наверное.

В динамик орала Акулина. Видимо, ей кто-то описал происходящее.

— Эл, слышишь, что бы ты не задумала. Прекрати. Мы должны все обдумать, разработать план. Так ты просто угробишь себя. Стой!

Эл увидела, как из окна выпрыгивает женщина. Окно разбито. Путь свободен. Эл так много летала сегодня. Пора переходить на следующий уровень. Эл подбежала к краю и прыгнула. Пастила еще действовала, новую тратить не надо, поэтому она зажала ее в кулаке. Воздух ощущался как вода. Только под Эл плескалось не море, а Садовое Кольцо. Эл зажала пастилу в кулаке и поплыла, отталкиваясь по-лягушачьи от воздуха руками и ногами. Женщина заметила Эл и попыталась увеличить расстояние между ними. Но у нее в руках была банка с тараканами, поэтому ей приходилось работать только ногами.

Эл быстро приближалась к женщине. Еще немного! Получилось! Пастила прилипла к ладони, так что она разжала кулак и схватила банку двумя руками. Их взгляды с Зеркалом встретились. У женщины были зеленые, кошачьи глаза, и злые, очень злые.

— Ты никогда не думала, что можно жить, не разрушая чужие жизни?
— Спросила Эл.

— Если бы это были жизни! — засмеялась женщина и Эл увидела ее острые желтые зубы. — Так, подобие. Ты скажешь, не видела, какой убогой жизнью жили твои родители? Какое будущее они тебе предлагали? А предметы в доме, что, лучше? Да что они совершили? Да чего достигли? А у них была настоящая магия. А они... танцы, вечеринки, разговоры...

Эл увидела, как на лицо женщины находит тень. Она подняла голову — над ними завис дом. Его чуть-чуть болтало. Видимо, Акулина пыталась приблизиться. Женщина продолжала говорить, сверля глазом Эл:

— Посмотри на мир под нами. Хочешь, он станет твоим? У меня будет столько магии — я любое твоё желание исполню. Школу сожгу. Директрису посажу. Даже друга-пингвина тебе сделаю. Я вижу тебя Эл, вижу настоящую. Ты

великая, очень сильная, и много достигнешь. Давай, отпусти банку, съешь пастилу, и мы с тобой за руку спустимся в наше королевство.

И друг-пингвин, ласково улыбаясь, отсоединил одну руку Эл от банки. Эл засмотрелась в его карие глаза с пляшущими огоньками внутри, на ямочки на щеках, на взъерошенные волосы. Он прижал руку Эл к своим губам. И тут ее пронзило холодом. Она резко дернула рукой, посмотрела в самые красивые в мире глаза и сказала:

— Мне и обыкновенная жизнь подходит, спасибо.

И выбила из рук друга-пингвина банку. Та взметнулась в воздух, раскидав дохлых тараканов. Зеркало, еще с прической друга-пингвина, но уже с дряблыми щеками и костлявыми руками, дергала руками, пытаясь поймать банку. Но ей удалось схватить только одного таракана. Она тут же отправила его в рот.

Эл почувствовала, что стала чуть тяжелее, и хотела откусить пастилы. Но тут увидела, что рука больше ничего не держит — пастила приклеилась к банке и теперь летела вниз.

Вот, блин! Эл принялась облизывать руку. Зеркало засмеялось дьявольским смехом:

— Ну что, Эл, понравилось быть героем? Наслаждайся! У тебя еще секунд тридцать! А потом ты будешь просто кровавой массой на асфальте.

И женщина, продолжая демонически смеяться, резко полетела вниз. Зеркало словно тянуло огромным пылесосом — так быстро она летела к земле. Но Эл понимала, что это обычная сила притяжения, и очень скоро она сполна ощутит ее действие.

Эл как в замедленной съемке видела, как останавливаются машины на светофоре, как падает перед ними женщина, как ее тело разлетается на тысячу зеркальных осколков. Они блестят на солнце, становятся пылью и постепенно исчезают. У Эл слезятся глаза — предметы спасены.

Из счастливого оцепенения Эл вывело жжение по всему телу. Точно такое же, как когда они начали терять магию над Красной Площадью. В голову ворвалась паника. Ей казалось, что воздух уже свистит в ушах, как когда она падала с четвертого этажа. Теперь, вроде бы, гораздо больше надежды. Ведь она не хотела умирать. Ведь она герой. Но дом сейчас над ней и никак не может ее спасти. Вон оно — черное крыло, над головой. И там все — Леон, Один, Акулина, Коля, Поля, Вероника — им всем жить и жить. Эл отвернулась от дома,

посмотрела с надеждой на руку — под ногтем осталась капелька пастилы. Она вгрызлась в палец, надеясь, что этой капли хватит, чтобы не разбиться. Но до земли было еще очень далеко. Даже дальше, чем ей приходилось падать. И тут Эл показалось, что кровь стала свинцом — так ее потянуло вниз. Она зажмурилась. Дальше смотреть на мир не было смысла. Теперь точно конец. Чудеса закончились.

Эл дернуло вниз и через долю секунды, резко, сильно и больно в животе и груди — вверх. Потом что-то неприятно уперлось в подмышки, и Эл перевернулась из горизонтального положения в вертикальное — ногами вниз. Руки поймали ткань и вцепились в нее что было мочи. Эл несколько секунд боялась открыть глаза. Вдруг это уже какой-то потусторонний мир? Вдруг она умерла и если что-то увидит, то назад ее не возьмут. Но услышав где-то вдалеке истошный вопль Леона “Ползи вверх, дура!”, Эл все-таки решилась проверить, где она находится.

Оказалось, она висит примерно там же. Только теперь ее держит какая-то ткань, очень похожая на... штору. Ту самую, с вырезанными сердечками.

— Шарлота? — Вырвалось у Эл. Хотя, наверное, это звучало глупо. Наверняка Шарлота могла ее слышать, но не могла ответить. Да и испытывала чудовищные страдания — держать на себе подростка, который последний месяц питался только в макдаке!

— Спасибо, Шарлота, прошептала Эл, — и подтянулась на руках.

В школе она никогда не могла забраться по канату, так что теперь ей стоило невероятных усилий продвигаться вверх. Ткань врезалась в кожу и саднила. Дом двигался и поэтому Эл довольно сильно раскачивало из стороны в сторону. От этого волнами накатывал парализующий страх. Еще и сверху Леон кричал.

— Ползи же! Мы тут еле держим тебя! Надо же еще танцевать, чтобы дом не упал.

Эл ползла, обливаясь потом, напрягая до судорог руки и ноги.

Раздался треск. Эл с ужасом увидела, что это разъезжается ткань шторы. Девушка была совсем близко к третьему этажу. Там уже свешивался наполовину Леон, протягивая руку. Дом был чуть наклонен в сторону Эл, чтобы ткань не так сильно перегибалась. Но трещина расходилась все шире, Эл задыхалась — от напряжения сбивалось сердце, голову окутывал туман, от страха подбиралась тошнота.

И снова Эл с треском отъехала вниз. Она видела, что висит на таком маленьком островке, который ее не выдержит. Бедная Шарлота, бедная Эл.

— Вытяни руку! — Прозвучало над головой у Эл. На этот раз орал Таинский. Он, видимо, был длиннее и потому заменил Леона. Но Эл не могла отцепить одну руку. Она знала, что тогда упадет. Тело было таким усталым, что ослабь она хватку на одну конечность — и точно вниз.

— Ну, как хочешь! — Сказал Таинский.

И тут Эл заверещала. Голову пронзила боль. Ужасная, невыносимая боль. Кто-то тянул ее за волосы.

— Будет так больно, пока не протянешь руку! — Кричали сверху.

Эл захныкала и вытянула руку. Тут же ее стиснуло, засадило. Зато отпустило голову.

— Вторую! — Заорали опять.

Эл казалось, как будто над ней издеваются, а не спасают.

— Давай быстрее, а то опять за волосы схвачу!

Эл вытянула руку, теперь заныло в оттянутых подмышках. Но это уже была ерунда. От нее теперь не требовалось ничего. Ее поднимало вверх. Только Таинский страшно ругался. Его тащили за ноги по полу.

— Выравнивайте дом! — Крикнул Вениамин, А то мы все здесь посыпемся.

— Принято, — услышала Эл голос Акулины.

— Теперь давай меня хватай! — Совсем рядом сказал Леон. — И рот открой.

Эл протянула ему руку и послушно открыла рот. На языке расплылся знакомый вкус пастилы. Ее буквально подбросило вверх — она сбила Леона с ног и они оказались на полу. Звучал вальс. Ногами и руками Эл ощущала твердый пол. Под ней лежал улыбающийся Леон.

Эл села рядом. Посмотрела вверх — там танцевали пары. Сердце наполнилось спокойствием, по рукам и голове будто водили нежным перышком.

И тут Эл резко подскочила:

— Где Шарлота?

И проследила за взглядом Леона. Чуть поодаль, свернувшись калачиком на полу, лежала девушка. Ее платье было все изодрано, волосы всклокоченны, кожа в царапинах и синяках. Эл подошла и села рядом, положив руку на плечо. Шарлота крупно дрожала, была бледная, как накрахмаленная тюль.

— Ты, вообще, как? — Спросила Эл.

— Ужасно.

— Спасибо. Ты меня спасла.

— Это не я, меня скинули, — буркнула Шарлота.

— Не верю, ты не исчезаешь. — сказала Эл.

— Ну и не надо.

За плечо тронул Леон:

— Ты можешь танцевать? Надо дом поднимать. Лететь еще далеко.

В динамик заговорил Один:

— На горизонте появились вертолеты, так что пора нам исчезать. Доедаем тараканов и признаемся друг другу в любви.

Эл с Леоном подошли к коробке с пастилой. Она оказалась пуста.

— Блин, все съели. На четвертый не успеем, — расстроилась Эл.

— Ты меня извини. И только не кричи, — медленно сказал Леон. — Но у тебя в волосах два таракана.

Эл заверещала, что было мочи. Леон быстро выхватил насекомых и показал Эл:

— Они же не ползают. Чего кричишь?

— Прости, нервы. Нам что, их надо съесть?

— А нельзя так, чтобы ты двух съела, и меня подняла? — Спросил Леон.

— Может, наоборот? — Ответила Эл.

— Короче, времени нет. Я сейчас глотаю эту мерзость, а ты снимаешь, ок?

— Давай.

Леон сморщился лицом так, что едва можно было угадать его черты. Открыл рот широко-широко, забросил туда таракана, сглотнул, поднялся на ноги и задрыгал руками и ногами, как будто сбрасывая с себя отвращение.

— Теперь твоя очередь.

Эл как-то странно посмотрела на Леона, быстро сунула ему камеру, схватила таракана, закинула в рот, проглотила и вскочила.

— Давай танцевать быстрее.

— Ну, ничего себе выдержка! — Похвалил Леон. И положил руку Эл на талию. — Какую правду мы узнаем в этот раз?

— Ты только не смейся.

— Я вообще самый серьезный парень в этом районе Москвы.

— Seriously. Я же только что думала, что умру.

— Я тоже думал, что ты умрешь.

— Так вот, поэтому как бы подумала, что лучше сказать. Потому что еще не ясно до конца — долетим или нет.

— Оптимистично.

— Хватит, я же просила серьезно.

— Все-все, честно, говори.

— Так вот. Друг-пингвин.

— Отлично, ты о другом парне.

— Несуществующем парне, и дослушай до конца. Так вот Зеркало же копировало черты ну, как бы из моего мозга что ли. Такая какая-то магия. Понимаешь, о чем я?

— То есть у тебя в голове есть парень мечты, и Зеркало тебе его в реале подогнало?

— Точно.

— И что?

— А то, что друг-пингвин был очень похож на тебя. Вот не то чтобы внешне. Я старалась отстроиться даже от тебя — чтобы блондин был, и без челки. Вот все, кроме волос, на самом деле было как у тебя. Я давно тебе мечтала сказать про твою челку.

И Эл стала еле различима.

— Подожди, не исчезай, я так хочу с тобой нормально поговорить! Я обещаю, что ради тебя смогу отрезать свою челку.

— Леон.

— Чего?

— Ты не исчезаешь.

— Не знаю, почему даже.

— Потому что врешь.

— Ну, я обожаю свою челку. Можно я ее оставляю?

От этого вопроса “Можно я ее оставляю?” у Эл закружилась голова. Не потому, что они только что перевернулись и танцевали на потолке. Не поэтому. А потому, что парень так просто, так нежно спросил про эту челку. И еще. Ей было дело до этого парня. Ей нравилось с ним танцевать. И болтать. И даже жалко было, что с каждой секундой его черты растворяются в воздухе.

— Окей, я разрешу тебе оставить челку, если ты меня простишь.

— За что?

— Простишь?

— Смотря за что.

— Нет, ты скажи, что простишь.

— Ну, ладно, прощу.

— Я забыла включить гоупрошку.

— Когда?

— Ну, тогда, понимаешь, я только стресс такой пережила, руки тряслись, ты мне ее сунул.

— То есть как я ел таракана никто никогда не увидит?

— Я же видела.

— Нееееет!!! — Закричал Леон, закинув голову. — Нееет! Такой контееееент!

В динамиках раздался голос Акулины:

— А можно, пожалуйста, как-то потише? Уверена, все службы Москвы сейчас пристально мониторят небо.

Но Леон все продолжал вопить и причитать.

Пустота шепнула голосом Вероники:

— А ты поцелуй его.

И Эл провела правой рукой от плеча до шеи парня, поднялась выше, нащупала рот. Леон напрягся и замолчал. Эл приблизила свои губы к его губам.

Было сладко и сухо, потому что они давно ничего не пили, а только ели пастилу и тараканов. Еще было неловко и нежно, потому что ни Эл, ни Леон не готовились к поцелую и не знали, когда стоит заканчивать. Она пыталась вспомнить все советы инстаграмных блогеров, где там водить языком и что делать с губами. Но получалось все равно скомкано и невпопад. Поцелуй с Леоном был обычным, не волшебным, но обещал с каждым разом становиться чуть лучше.

— Ну, как я целуюсь? — Спросил Леон. С излишней, как показалось Эл, самоуверенностью в голосе. И тут же за это получил:

— До унитаза фирмы Вилерой энд Бош, знаешь ли, еще работать и работать.

— Вот, зараза! — Весело сказал Леон и прижал Эл к себе.